

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Куденко Наталья Валерьевна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В
ОТНОШЕНИИ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ
НА АЛТАЕ В 1920-е–1930-е ГГ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Разгон Виктор Николаевич

Барнаул – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ НА АЛТАЕ В 1920-Е ГГ.	41
1.1. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с уголовной преступностью на Алтае в 1920-е гг.	41
1.2. Политика трудового и культурного перевоспитания заключенных в 1920-е гг.	78
1.3. Положение заключенных в алтайских местах заключения в 1920-е гг.	108
Глава 2. ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ УГОЛОВНИКОВ В 1930-Е ГГ.	143
2.1. Борьба с уголовной преступностью на Алтае и в Западно-Сибирском крае в первой половине 1930-х гг.	143
2.2. Осуждение уголовников и деклассированных элементов тройками в период Большого террора.....	160
2.3. Характеристика уголовников, осужденных тройками УНКВД и милиции (по материалам протоколов троек).....	178
Глава 3. ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СИСТЕМЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА АЛТАЕ В 1930-Е ГГ.	209
3.1. Система исправительно-трудовых учреждений на Алтае в 1930-е гг.	209
3.2. Трудовое использование заключенных	221
3.3. Положение заключенных в системе исправительно-трудовых учреждений на Алтае в 1930-е гг.	245
3.4. Культурно-воспитательная работа в исправительно-трудовых учреждениях	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	282
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	284
ПРИЛОЖЕНИЯ	314

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Изучение советской государственной политики в отношении различных социальных категорий населения становится все более востребованным направлением в исторической науке. При этом современные исследователи гораздо больше внимания, чем раньше, уделяют изучению маргинальных групп советского социума¹.

Вместе с тем такой массовый сегмент маргинализированной части общества как деклассированные группы населения (преступники, нищие, бродяги, пьяницы, лица без определенных занятий и места жительства и другие асоциальные элементы, не ассоциируемые властью ни с одним из классов общества) еще не стали отдельным объектом исторического исследования. Между тем деклассированные группы населения наряду с политическими «противниками» большевиков стали жертвами социальных чисток и массовых репрессий 1937–1938 гг. Однако они не были включены в «книги памяти» и мартирологи, содержащие имена жертв террора. Исключением являются лишь включение составителями ленинградского и московского мартирологов представителей данной категории в списки лиц, расстрелянных «в порядке исполнения приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г»².

Настоящее диссертационное исследование позволяет дополнить и конкретизировать представления о составе жертв массовых репрессий, их масштабах, а также актуализирует вопрос о реабилитации осужденных тройками деклассированных лиц, по сути ставшими заложниками конвейера внесудебного правосудия.

Изучение политики советского государства в отношении деклассированных групп населения позволяет установить и рассмотреть

¹ Маргиналы в советском социуме 1930-середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010; Маргиналы в советском социуме. Маргиналы как социум. Сибирь 1920-1930-е годы). М., 2017.

² Бутовский полигон. 1937-1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 6. М., 2002. С. 195-274; Ленинградский мартиролог. 1937-1938. Т. 5. 1937. СПб., 2002. С. 214-500.

механизмы контроля и подавления социальной девиации и преступности, использовавшиеся на протяжении рассматриваемого периода.

Проводившаяся на рубеже 1920-х–1930-х гг. политика коллективизации и раскулачивания привела к массовой маргинализации общества, увеличению числа лиц, выпавших из социума. Эти преобразования повлекли за собой радикальные изменения в политике государства в отношении деклассированных социальных групп. Взятый сталинским руководством курс на завершение строительства социализма предусматривал создание социально однородного общества, в котором не было места «социально-чуждым» и «социально-вредным» элементам, в связи с чем была инициирована их массовая чистка. Проявившаяся незаинтересованность государства в перевоспитании представителей «социально-чуждых» групп населения выразилась в изменении политики в отношении деклассированных элементов общества, реформировании структуры исправительно-трудовых учреждений и положения заключенных в них. Постепенно труд заключенных стал рассматриваться как исключительно экономический ресурс в достижении народнохозяйственных задач. В связи с чем государственная политика по отношению к уголовникам и другим деклассированным элементам была ужесточена, в том числе посредством применения к ним массовых репрессий. Изучение данной проблемы позволит конкретизировать и углубить представление о репрессивной политике, проводившейся сталинским режимом.

Степень изученности темы. Необходимо отметить, что специальная литература, посвященная теме диссертационного исследования, крайне незначительна, что обусловлено прежде всего новизной постановки проблемы и особым к ней отношением. В историографии отсутствуют работы, посвященные комплексному рассмотрению государственной политики, проводившейся по отношению к уголовникам и прочим деклассированным социальным элементам в 1920–1930-е гг. Кроме того, характерной особенностью изучаемого вопроса является тот факт, что

общественное мнение об уголовниках во многом сформировалось под воздействием «лагерной» литературы³. Вместе с тем отдельные аспекты, имеющие отношение к проблематике работы – изучение деятельности милиции, судебных и внесудебных органов, пенитенциарных учреждений – имеют значительную историографическую базу.

Первый период: 20-е – конец 80-х гг. XX в.

Внимание исследователей к вопросу уголовной преступности было обращено уже в 1920-е гг. Значительную часть работ данного периода составляют труды криминалистов и юристов, которые направляли свои усилия на изучение природы преступности, характеристику личности преступника, основываясь на обширном статистическом материале. Профессор Петербургского университета, одновременно являвшийся начальником тюремного управления, А.А. Жижиленко подходил теоретически к изучению различных факторов преступности и состоянию научного знания об «уголовной этиологии». В своем труде «Преступность и ее факторы» он приходит к выводу, что современная наука (начала 1920-х гг.) в учениях о факторах преступности стала учитывать в качестве причин, порождающих ее, не только «простое проявление воли человека», но и влияние ряда обстоятельств, лежащих за пределами желания личности: физические и космические факторы, антропологические или индивидуальные, социальные и т.д.⁴

А.А. Герцензон в своих трудах о динамике преступности в РСФСР, в том числе оценивал роль факторов внешней среды и «социальных недугов» (алкоголизм) на рост социальной девиации⁵. Богатый статистический материал о динамике преступности и различных проявлений социальной девиации представлен в трудах М.Н. Гернета⁶.

³ К примеру, в СССР в конце 1980-х большим тиражом издавались произведения А. Солженицына, Е. Гинзбурга, В. Шаламова.

⁴ Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. СПб., 1922.

⁵ Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. М., 1928; Он же. Преступность и алкоголизм в РСФСР. М., 1930.

⁶ Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922; Он же. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927.

Подробные характеристики гендерной, возрастной, профессиональной и прочей принадлежности преступников, а также соотношение различных видов правонарушений представлены в работах Е. Г. Ширвиндта, Б.С. Утевского, Н. Вишерского, Л.М. Василевского и др.⁷ Ширвиндт как начальник Главного управления местами заключения, в том числе в соавторстве с правоведом Утевским, опубликовали работы по криминологии, советскому исправительно-трудовому праву, пенитенциарным нормам по отношению к заключенным и т.д. Несмотря на классовый подход, которого придерживались исследователи в данный период, эти работы, основанные на анкетах переписи мест заключения 1926 г., содержат богатый статистический материал.

Идею о важности труда в перевоспитании уголовников в своих работах развивал С.В. Позднышев, исследования которого отличаются основательностью подхода в изучении исправительно-трудовой системы⁸. В 1920-е гг. в Сибири Г. Маннс занимался анализом данных о преступной активности в г. Иркутске и Иркутской губернии. В своих скрупулезных с научной точки зрения работах он рассматривал влияние алкоголя на динамику социальной девиации и жизнь общества⁹.

Также в 1920-е гг. появляются работы, посвященные деятельности советского суда, прокуратуры, милиции – темам, которые имеют отношение к отдельным вопросам диссертационного исследования, в частности в 1920-е гг. освещалась надзорная деятельность прокуратуры за местами заключения. Особенностью работ данного блока, является их теоретический характер, в них уделяется внимание определению роли и места различных органов в

⁷ Василевский Л.М. Детская преступность и детский суд. М. 1923; Вишерский Н. Распределение заключенных по полу и преступлениям. // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив) по данным переписи мест заключения. / Под ред. Белобородова. М., 1927. С.15-19; Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1931; Ширвиндт Е., Утевский Б. Что нужно знать заключенному (права и обязанности). М., 1927; Ширвиндт Е.Г. Обострение классовой борьбы и уголовная репрессия // Классовая борьба и преступность. Сборник статей. Государственный институт по изучению преступности и преступника. М., 1930. С. 3-10; Он же. Ударные кампании в свете всесоюзной переписи по местам заключения. // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив) по данным переписи мест заключения. / Под ред. Белобородова. М., 1927. С. 7-9.

⁸ Позднышев. С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923.

⁹ Маннс Г. Алкогольная преступность и борьба с самогонокурением в Иркутской губернии. Иркутск, 1925.

судебно-правовой системе государства, подчеркивается значение таких понятий как «революционная законность», «классовые принципы», сравнивается и превозносится советский опыт работы с дореволюционным и зарубежным¹⁰. Большинство публикаций и статей о деятельности государственных органов (суд, прокуратура) по своей сути не являлись историческими исследованиями, они имели скорее практическое значение для органов юстиции того времени, поскольку рассматривали законодательные изменения, отвечали на вопросы с мест¹¹.

Эти традиции были продолжены в работах первой половины 1950-х гг.¹²

С началом 1930-х гг. практически все исследования, связанные с изучением уголовного контингента, деятельностью мест заключения, прекращаются. С одной стороны, это было связано с засекречиванием данных правоохранительных органов, в том числе статистики преступности, а с другой стороны, усиление идеологического контроля способствовало тому, что существовал некий негласный запрет в исторической науке на изучение «непривлекательных» тем вплоть до середины 1980-х гг. Авторы публикаций этого времени избегают тех сюжетов, которые могут в невыгодном свете представить историю советского общества, подтверждением чему служат немногочисленные идеологически ангажированные научные исследования, вышедшие в 1930-е гг. Так, монография И.Л. Авербаха, опубликованная в 1936 г. под редакцией А. Вышинского, рассматривает теорию и практику трудового перевоспитания

¹⁰ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М., 1927; Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: лекции по теории и истории судостроительства. М., 1924; Лаговьер Н. На страже революционной законности (Очерки работы прокуратуры РСФСР за 1922-1925 гг.). М., 1926; Он же. Прокуратура по старому и новому Положению о судостроительстве. Сравнительный очерк // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 11. С. 317-320; Ростовский П. Прокуратура и законность // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 19-20. С. 14-15; 10 лет рабоче-крестьянской милиции // Административный вестник. 1927. № 10-11; Траскович, Ф. Исправительно-трудовая политика // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 7.

¹¹ Советский уголовный процесс. Вып. 4 / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938; Советское уголовное право. Вып. 3. / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939; Инструкция военным прокурорам о работе по общему надзору за законностью в РККА. М., 1932; Сборник приказов прокуратуры СССР. Действующих на 1 декабря 1938 г. / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.

¹² Карев Д.С. Суд и прокуратура в СССР. Лекция, прочитанная в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952.

советских лагерей исключительно в положительных тонах¹³. Задачей данной работы являлась идеологическая популяризация труда и опыта советского государства в перевоспитании и перековке уголовников.

После состоявшегося в 1956 г. XX съезда КПСС активизируется внимание историков к вопросам деятельности органов внутренних дел, проводившейся ими репрессивной политике, а также истории и роли пенитенциарных учреждений. Появляются публикации в рамках издания Высшей школы МВД СССР¹⁴.

В 1957 г. выходит труд Е.Г. Ширвиндта, посвященный 40-летию советской исправительно-трудовой политики, стилистика данной работы мало чем отличается от публикаций автора, изданных в 1930-е гг.¹⁵

В 1960-е гг. появляются исследования А.Г. Крахмальника, Н.А. Стучкова, в которых комплексно рассматриваются вопросы, связанные с идеологией принудительного труда, задачами и методами трудового использования заключенных¹⁶.

Знаковым событием данного периода становится публикация в начале 1970-х гг. за рубежом художественно-публицистического произведения А.И. Солженицына «Архипелаг-ГУЛАГ 1918-1956. Опыт художественного исследования», которое в СССР впервые было опубликовано уже в конце 1980-х гг.¹⁷

Одним из первых исследователей исправительно-трудовых учреждений в Сибири является А.С. Кузьмина¹⁸. Несмотря на то, что ее работы содержат идеологические штампы и практически лишены критических оценок

¹³ Авербах И.Л. От преступления к труду. М., 1936.

¹⁴ Курицын В.М. Участие общественности в осуществлении исправительно-трудовой политики (1917-1933 гг.). // Труды высшей школы МВД СССР. М., 1957. № 2; Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917-1922 гг.). Омск, 1967; Еропкин, М.И. Развитие органов милиции в советском государстве. М., 1967.

¹⁵ Ширвиндт Е.Г. К 40-летию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957.

¹⁶ Крахмальник Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963; Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. М., 1963.

¹⁷ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 1-3.

¹⁸ Кузьмина А. С. Организация и правовое регулирование политико-воспитательной работы в первых ИТУ Сибири (1917-1924 гг.) Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью. Омск, 1977. С. 64-73; Она же. Осуществление ленинских принципов советской исправительно-трудовой политики в организации и деятельности первых ИТУ Сибири // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1970. Вып. 29. С. 53-57.

советской пенитенциарной системы, они внесли значительный вклад в развитие региональных изысканий по теме и накопление фактического материала по проблемам трудового перевоспитания спецконтингента в Сибири.

Несмотря на улучшение качества работ исследователей в 1980-е гг., они продолжали оставаться «идеологически осторожными» и содержательно выверенными, чему также способствовали ограниченные возможности доступа к архивным материалам. Публикациями такого уровня являются монография В.А. Уткина, в которой рассматриваются правовые, моральные и этические аспекты исправительно-трудовой политики государства, а также работы А.И. Зубкова, посвященные социально-правовым и организационным вопросам труда заключенных¹⁹.

В целом изучение вопросов, связанных с преступностью, социальной девиацией, политикой государства в отношении данных явлений, в исследованиях данного периода было представлено незначительно. Отличительной особенностью работ этого времени является излишняя идеологизированность, представление явлений социальной девиации и отклонений в контексте классовой борьбы как «отголосков капиталистического прошлого».

Второй период: 1990-е гг. – начало 2000-х гг.

Политика гласности, начало которой положил январский Пленум ЦК КПСС 1987 г., последующее открытие государственных архивов, способствовали активизации исследовательского интереса к изучению политики государства в различных сферах в 1920–1930-е гг. Политический режим, теоретические аспекты сталинизма, государственная репрессивная политика, пенитенциарная система и правоохранительные органы становятся важным предметом исторических изысканий.

¹⁹ Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984; Зубков А.И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы. Рязань, 1980; Он же. Трудовое перевоспитание заключенных в советских исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование. дис. канд. юр. наук. Томск, 1968.

Первой обобщающей работой о становлении и развитии советской пенитенциарной системы, основанной на большом количестве архивных данных, стала опубликованная в 1992 г. работа М.Г. Деткова, охватывающая период 1917–1930-х гг.²⁰ В соответствии с хронологией исследования автор уделил большое внимание изучению развития правовой базы, определяющей эволюцию уголовно-исполнительной системы и роль принудительного труда в ней. Продолжением исследований М.Г. Деткова по данной проблематике стала его монографии «Тюрьмы, лагеря и колонии России»²¹.

Практически всю историю советской исправительно-трудовой системы в своих работах и диссертации рассматривает С.И. Кузьмин, предложивший собственную периодизацию эволюции пенитенциарных учреждений. Несмотря на полноту рассмотрения вопроса и анализ значительного количества источников, работам Кузьмина присущ ведомственный формалистский подход и спорные утверждения, в частности об отсутствии в исправительно-трудовой политике периода 1930–1940-х гг. элементов произвола и ущемления прав заключенных²².

Ранее засекреченные материалы из архивных фондов ФСБ вводятся в научный оборот А.С. Смыкалиным, автор подробно исследует функционирование системы принудительного труда в уральских лагерях и колониях²³.

Тема ГУЛАГа стала отдельным объектом изучения значительного количества серьезных исследовательских работ. Книга международного коллектива авторов «ГУЛАГ: экономика принудительного труда» не только вводит в научный оборот ранее засекреченные документы таких ведомств как НКВД, МВД СССР, но раскрывает малоизученный вопрос лагерной

²⁰ Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992.

²¹ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999.

²² Кузьмин С.И. Деятельность ИТУ (1936-1960). М., 1989; Он же. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства, 1917-1985 гг.: дис. ... д-ра. юр. наук в форме науч. док. М., 1992.

²³ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997; Он же. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 60-х гг.: (историко-юридическое исследование). автореф. ... дис. д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1998.

экономики. Авторы рассматривают вопросы, связанные с функционированием региональных отделений ГУЛАГа (Дальний Восток, Урал, Сибирь), системой стимулирования труда, проводят оценку его эффективности²⁴. Авторы формулируют тезис, согласно которому принудительный труд заключенных ГУЛАГа имел низкую эффективность и уступал по важнейшим показателям свободному труду. Уже в 1930-е г. ГУЛАГа не справлялся с задачей – покрытия своей экономической деятельностью бюджетных затрат государства на его функционирование и принесение прибыли. Вопросам лагерной экономики посвящены и другие статьи авторов данной работы – Л.И. Бородкина, О.В. Хлевнюка²⁵.

Г.М. Иванова в своем исследовании истории ГУЛАГа подчеркивает исключительно репрессивный характер данного института, который, по ее мнению, преобладал над пенитенциарным содержанием лагерной системы, т.е. ГУЛАГ не являлся исправительно-трудовым учреждением с воспитательными целями. Автор считает экономику ГУЛАГа неэффективной, расходы на его содержание не окупались доходами от эксплуатации заключенных, прибыльные предприятия были скорее исключением²⁶.

Насыщена фактическим материалом книга Э. Эпплбаум «ГУЛАГ. Паутина большого террора», которая, несмотря на некоторые исторические и хронологические искажения и публицистический характер, не лишена научных достоинств²⁷.

Региональной проблематике ГУЛАГа посвящена монография Л.И. Гвоздковой, рассматривающей в своей работе эволюцию лагерей Кузбасса в период 1920–1950-х гг.²⁸ Гвоздкова отмечает негативное влияние

²⁴ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008.

²⁵ Бородкин Л.И. Ударники из «социально-опасных»: стимулирование лагерного труда в 1930-х гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 11. М., 2005. С. 130-143; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73-84.

²⁶ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

²⁷ Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006.

²⁸ Гвоздкова Л.И. История репрессий в сталинских лагерях в Кузбассе (30-50-е гг.). Кемерово, 1997.

сложившейся в советское время в регионе широкой лагерной сети на социально-экономическое развитие Кузбасса.

Функционированию пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920–1930-е гг. стало объектом научных изысканий томского исследователя В.Н. Уйманова²⁹. Рассмотрение пенитенциарной системы на протяжении двадцати лет позволило Уйманову ретроспективно показать изменения ее структуры, смену ведомственной принадлежности и превращения в карательный государственный механизм.

Историю формирования советской пенитенциарной системы на Алтае раскрывают некоторые работы А.П. Анашкина, в частности, о практике перевоспитания уголовников трудом в Алтайской губернии и деятельности Чистюньского отделения Сиблага³⁰. Наиболее обширный вклад в разработку алтайской пенитенциарной проблематики, а также вопросов, связанных с состоянием преступности и работой правоохранительных органов, был сделан коллективом исследователей Барнаульского юридического института во главе с Е.В. Суверовым, под руководством которого были защищены диссертации и опубликованы научные статьи³¹.

В отдельную группу исследований, содержащих значимый материал по тематике диссертации, можно выделить работы по истории репрессивной

²⁹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011.

³⁰ Анашкин А.П. Становление советской системы принудительного труда (на материалах Алтайской губернии) // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 63-72; Анашкин А.П., Новоселова Т.В. Чистюньский лагерь Сиблага на территории Алтая. // Актуальные вопросы отечественной истории. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 206-222.

³¹ Карпов Р.А. Борьба милиции с преступностью в Алтайской губернии (конец 1919-1925 гг.). // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 4. С. 58-62; Он же. Воспитательный процесс среди осужденных в местах лишения свободы в Алтайской губернии (1921-1925 гг.) // Алтайский юридический вестник. Барнаул, 2014. Вып. 1(5). С. 8-10; Кузнецов Д.Е. Охрана общественного порядка сотрудниками западносибирской милиции в первой половине 30-х гг. XX века // Алтайский юридический вестник. Барнаул, 2014. Вып. 1(5). С. 8-10; Он же. Борьба милиции Западной Сибири с самогоноварением в 1925-1934 гг. // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. Вып. 1(50), С. 340-342; Он же. Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925-1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016; Малкова Ю.А. Деятельность исправительно-трудовых колоний на территории Алтайского края (1937-1941 гг.) // Мир науки, культуры, образования. № 1(38), 2013. С. 227-229; Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.). Барнаул, 2012; Суверов Е.В. К вопросу о карательной политике в советских пенитенциарных учреждениях Алтайского края в конце 30-х гг. XX века. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. Барнаул, 2013. Вып. 1 (24). С. 29-31; Он же. Медицинско-санитарное и материально-бытовое обслуживание заключенных в Сибирском исправительно-трудовом лагере (Сиблаге) (1929-1939 гг.). // Алтайский юридический вестник. № 2(6), 2014. С. 14-17; Он же. Образование СибУЛОНа (Сиблага) в 1929-1932 гг. // Алтайский юридический вестник. № 1(5), 2014. С. 11-13.

политики советского государства. Большая работа по публикации архивных материалов о масштабах репрессий, проводившихся сталинским руководством, анализу состава контингента репрессированных была проделана В.Н. Земсковым. Земсков рассматривает вопрос о дифференциации режимом «политических» и «неполитических» преступников. Автор считает неправомерным стремление исследователей отмежевать уголовников от «политических» только на основе их морально и социально предосудительного поведения. Земсков на основе изучения документов властных органов делает вывод о наличии такой важной функции лагерной системы как подавление, причем не только действительной и воображаемой оппозиции, традиционного врага системы, но и социальной девиации³².

Попытка фундаментального осмысления масштабов, хода и направленности репрессий в СССР в 1920–1930-е годы предпринята Ю.И. Стецовским³³. Автор подчеркивает особую значимость классовой принадлежности при определении судьбы человека в советском обществе. В книге показаны масштабы, методы и корни репрессий. Ю.И. Стецовский считает, что репрессии связаны с насильственной природой коммунистического режима, так как большевики пришли к власти незаконным путем. Вследствие этого, по мнению исследователя, неверно связывать незаконные репрессии только с именем И.В. Сталина, репрессии начались еще при В.И. Ленине. «Красный террор» времени Гражданской войны, массовый голод, коллективизация, спецпоселения, массовый террор середины 1930-х годов, регулярное истребление интеллигенции и подавление инакомыслия и пр. – все это, по мнению исследователя, основные вехи необъявленной коммунистами войны против своего народа.

³² Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16; Он же. Спецпоселенцы СССР, 1930–1960 гг. М., 2005.

³³ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. Т. 1–2. М., 1997. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования.

Более общее дискурсионно-методологическое значение имеют труды, посвященные проблемам большевизма, сталинизма, революционного насилия, понятию «классовой вражды», которые, безусловно, обогащают в целом представление по ряду аспектов изучаемой проблемы. Среди них можно выделить исследование Н. Верта «Террор и беспорядок. Сталинизм как система»³⁴. В книге собрано около 20 статей, касающихся проблем реализации политики государственного насилия в СССР (массовые депортации, введение системы принудительного труда и пр.). Рассмотрены также социальные девиантные явления (в частности, бандитизм), которые развивались на протяжении всего рассматриваемого периода.

Фундаментальное исследование коллектива французских историков «Черная книга коммунизма» предоставляет широкую фактическую базу по истории коммунистических режимов, существовавших в XX веке.³⁵ Дополнительную выразительность и эмоциональность произошедшим событиям придают многочисленные свидетельства и воспоминания очевидцев, а также материалы из недоступных ранее архивов.

Собственную оценку сталинизму и террору дает в своей монографии «Красный террор. История сталинизма» немецкий исследователь Йорк Баберовский, полагающий, что лишь неумная энергия Сталина, особенности его личности привели к катастрофическим последствиям для общества. Автор отмечает, что террор и насилие являлись сущностью сталинизма³⁶.

Большинство данных исследований не уделяют специального внимания рассмотрению репрессий в отношении «социально-вредных элементов», за исключением работ В.Н. Земскова и «Черной книги коммунизма», где содержится раздел о репрессиях в отношении «социально-чуждых элементов».

На региональном уровне неоспоримый вклад в изучение репрессивной политики периода сталинизма внесли С.А. Папков, А.Г. Тепляков, С.А.

³⁴ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

³⁵ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А. и др. Чёрная книга коммунизма. М., 1999.

³⁶ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2004.

Красильников, В.Н. Уйманов, Н.Н. Аблажей, А.И. Савин, Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон и другие авторы.

Папков в своей работе делает вывод о том, что важность стратегического и экономического положения Сибири определили ее тесную связь и одновременно самостоятельное влияние на политические процессы, происходившие в СССР, в том числе и политику репрессий³⁷.

Работа А.Г. Теплякова «Непроницаемые недра ВЧК-ОГПУ...» проливает свет на функционирование глубинных механизмов сибирских чекистских органов в 1920–1930-е гг³⁸. Подробно представлены процессы формирования аппарата ВЧК-ОГПУ в Сибири и «социальная чистка» 1918–1922 гг. Освещается в работе и проблема репрессий в отношении уголовников и социально-вредного элемента (СВЭ). В том числе характеризуются и своеобразные формы, которые принимала борьба с бандитизмом в 1920-е годы. А.Г. Тепляков подробно освещает так называемые «массовые операции», что позволяет выделить самые крупные карательные акции ОГПУ-НКВД, в том числе и в отношении деклассированных элементов, оценить масштабы демографического урона, который был нанесен подобными действиями.

Хронологическим продолжением этого исследования является вышедшая через год монография Теплякова, посвященная деятельности органов внутренних дел (ОГПУ и НКВД) в 1929–1941 гг. Основное внимание в ней уделено наиболее закрытой области – агентурно-оперативной деятельности «органов». При этом, что важно для нашего исследования, рассмотрены и массовые репрессии, в том числе против деклассированных элементов и уголовников³⁹.

Подробно реконструирует историю репрессивной политики в отношении спецпоселенцев С.А. Красильников своей книге «Серп и Молох.

³⁷ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928-1941 гг. Новосибирск, 1997.

³⁸ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра» ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918-1929. М., 2007.

³⁹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. М., 2008.

Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы»⁴⁰. Красильников делает важный вывод о влиянии массовых принудительных депортаций крестьянского населения на рост социальной девиации и преступности в регионе, вследствие многочисленных побегов спецпоселенцев с мест ссылки.

Научные работы А.И. Савина посвящены изучению религиозных целевых групп массовых репрессий на Алтае⁴¹. Проблемам репрессий 30-х гг. XX века и реабилитации, а также функционированию пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920–1930-е гг. посвящены работы томского исследователя В.Н. Уйманова⁴². Автор рассматривает особенности социально-политической обстановки в послереволюционной Сибири и эволюцию государственной политики по отношению к «социально-чуждым» элементам, выразившуюся в массовых репрессиях различных категорий граждан.

История политических репрессий на Алтае представлена в исследованиях Г.Д. Ждановой⁴³. Н.Н. Аблажей рассматривает вопрос реализации массовых репрессий в рамках операции по делу «РОВС» в Алтайском крае и Западной Сибири⁴⁴. В.Н. Разгон в своих работах раскрывает особенности проведения массовых репрессий в Алтайском крае в отношении одной из главных целевых групп Большого террора – «кулаков»⁴⁵.

⁴⁰ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

⁴¹ Савин А.И. Евангельские верующие Алтайского края как целевая группа репрессий // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. Барнаул, 2014. С. 164-201.

⁴² Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011; Он же. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск, 2012.

⁴³ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае в 1919-1938 гг.: дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010; Она же. Реализация приказа № 00447: статистический анализ. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. Барнаул, 2014. С. 29-57.

⁴⁴ Аблажей Н.Н. «Ровсовская» операция: динамика репрессий // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. Барнаул, 2014. С. 13-28; Она же. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937-1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 311. С. 54-56.

⁴⁵ Разгон В.Н. Дело «кулака». // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 57-136; Он же. Бывшие «кулаки» как главная целевая группа репрессивной операции НКВД по приказу № 00447. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. Барнаул, 2014. С. 102-126.

Значительное внимание исследователями уделяется изучению роли различных государственных ведомств в механизме репрессий и государственного контроля. В монографии О.Б. Мозохина исследуются внесудебные полномочия органов государственной безопасности, делегированные им высшими законодательными органами государства⁴⁶. Исследователь раскрывает историю создания и деятельности внесудебных органов («троек», «двоек», Особого совещания и др.) в структуре органов государственной безопасности. Наибольшую значимость для нашей работы имеют содержащиеся в монографии материалы об образовании милицейских троек и компетенции этого внесудебного органа.

Особое значение для проблематики диссертационного исследования имеют публикации М. Юнге, Р. Биннера, Г. Бордюгова. Во многом благодаря усилиям названных ученых, более десяти лет назад стартовал масштабный международный проект «Большой террор в регионах СССР», в рамках которого вышли монографии и сборники документов по истории сталинских репрессий⁴⁷. Эти исследования позволяют по-новому взглянуть на политику «Большого террора», подробно раскрывают механизмы исполнения приказа НКВД № 00447 в центре и на местах.

В монографии «Как террор стал большим» авторы подробно рассматривают технологию исполнения секретного приказа НКВД №00447, «узаконившего» внесудебные расправы, которым были подвергнуты сотни тысяч людей.

Наибольшую ценность для нашей темы представляет сборник статей «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа НКВД №00447», поскольку две статьи этого сборника специально посвящены политике советского государства в отношении

⁴⁶ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006.

⁴⁷ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Биннер Р., Бордюгов Г., Юнге М. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа НКВД № 00447. М., 2009; Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.

уголовников. М. Юнге и Р. Биннер в статье «От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг.», попытались ретроспективно представить социально-правое положение уголовников в советском обществе в течение двух десятилетий, обозначить те факторы, которые привели к радикальной смене курса в отношении этой категории граждан⁴⁸. Благодаря привлечению новых источников, были развенчаны ряд мифов в отношении причин массовых чисток советского общества. Так, авторами отвергнут фактор угрозы «пятой колонны» как причины репрессивной политики в отношении уголовников и контрреволюционных элементов.

В.А. Иванов в своей статье, которая опубликована в этом же сборнике⁴⁹, раскрывает особенности политики в отношении уголовников на материалах Ленинградской области. В.А. Иванов категорически опровергает выводы классика криминологии В.В. Лунева⁵⁰ о том, что народ, «схваченный в ежовые рукавицы и посаженный в тюрьму», стал совершать меньше преступлений.

Источниковедческое значение имеют статьи-комментарии, опубликованные в сборнике документов «Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447». В частности, в статье «Дело «уголовников» М. Юнге опровергает доминирующую в историографии точку зрения относительно того, что социальное (этническое) происхождение являлось, практически независимо от других «объективных» критериев, решающим фактором для ареста и осуждения тысяч людей. На основе изученных следственных дел «уголовников» Юнге формулирует встречный тезис, согласно которому в случае со всеми целевыми группами приказа, как индивидуальное поведение в настоящем и прошлом, так и актуальный

⁴⁸ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918-1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 516-518.

⁴⁹ Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. массовая операция на основе приказа НКВД № 00447. М., 2009. С. 519-534.

⁵⁰ Лунеев Н.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.

социальный статус на момент ареста были для милиции и НКВД также важными критериями, на основании которых они производили «фильтрацию» жертв из общества⁵¹.

В целом исследователь резюмирует, что все проступки и правонарушения, которые прежде не подлежали уголовному преследованию, или наказание за которые уже были вынесены и отбыты, в 1937–1938 гг. снова были использованы для обвинения и наказание, более сурового, чем предусматривали действующие законодательные нормы. Рецидив преступности, закоренелость правонарушительной деятельности или постоянная социальная девиация, равно как и повторяющиеся проявления недовольства и вербальные провокации при вынесении приговора «уголовникам» выступали на первый план среди критериев, которыми руководствовалась милиция. В прошлое ушла презумпция невиновности, обвиняемый должен был сам искать свидетелей, которые могли бы опровергнуть, предъявленные ему «злодеяния»⁵².

Необходимо также подчеркнуть значимость трудов, вышедших в рамках серии «История сталинизма», где опубликовано более ста работ, в которых анализируются многие события и явления эпохи⁵³.

Еще один комплекс работ, важный для определения проблематики диссертации, представляют исследования, посвященные деятельности правоохранительных органов. Функционирование советской юстиции на протяжении 1924–1953 гг. и методы ее работы рассмотрены П. Соломоном в книге «Советская юстиция при Сталине»⁵⁴. Автор анализирует роль уголовного права как инструмента власти сталинского руководства, отмечая, что для достижения своих целей «верхушка» использовала не только террор,

⁵¹ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 216.

⁵² Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 226.

⁵³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008; Гулаг: экономика принудительного труда. М., 2008; Кип Дж., Литвин А. Эпоха Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2008; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; и др.

⁵⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

но и планомерно создавала «легитимную» систему юстиции, формально обладающую признаками законности. Соломон также отмечает особую роль кадровой политики, которая была акцентирована на назначение судьями необразованных партийных функционеров, что позволяло обеспечить высокую степень лояльности и контроля над органами юстиции.

Важное значение для изучения избранной нами темы имеют работы по истории милиции. В 2006 г. была опубликована монография В.И. Исаева, А.П. Угроватова «Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом 1920-е гг.»⁵⁵, которой на основе большого количества источников исследуются процессы использования правоохранительных органов партийными и советскими региональными элитами для решения возникавших в Сибирском крае хозяйственных и политических задач. Данная практика являлась типичной для советского государства. Авторы монографии сделали важные выводы, относящиеся не только к региональной истории, но и к истории российского общества и государства в целом. В частности, исследование темы позволило с новой стороны показать процесс постепенного перехода от политики НЭПа к созданию тоталитарной командно-административной системы, в котором правоохранительные органы играли важную роль.

Монография Д.Ю. Михеева «Суды Сибири в 1928–1938 гг.» рассматривает вопросы наименее изученного периода в деятельности судебной системы и является важным региональным исследованием проблематики⁵⁶. Автор раскрывает изменения, происходившие в деятельности судебных органов в связи с политико-экономическими и социальными условиями в регионе, а также показывает влияние политических установок на деятельность судебных органов.

М.А. Ефремов, бывший сотрудник МВД, в своей монографии «80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края. 1917–1937)» представляет

⁵⁵ Исаев В.И., Угроватов А.П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом. (1920-е гг.). Новосибирск, 2006.

⁵⁶ Михеев Д.Ю. Суды Сибири в 1928-1938 гг. Новосибирск, 2015.

детальную картину становления и развития органов сибирской милиции. Автор делает вывод, что с момента возникновения и до конца исследуемого периода милицию использовали в карательных или политических целях. В своей работе Ефремов сосредотачивает внимание преимущественно на анализе отрицательных сторон в деятельности милиции Сибири⁵⁷.

Работы по истории милиции в Алтайском крае представляют региональную специфику деятельности органов внутренних дел⁵⁸. Проблема преступности и уголовного бандитизма на территории Западной Сибири в начале 1920-х гг. исследуется в специальной статье И.В. Курышева⁵⁹. Автор подчеркивает факт слабости региональных властных структур и политического режима на местах, который предопределил развитие преступности и бандитизма в первой половине 1920-х гг.

Диссертационная работа и ряд публикаций И.А. Гридуновой посвящены деятельности Алтайской прокуратуры, где в том числе рассматривается ее надзорная деятельность за местами заключения⁶⁰.

В целом, несмотря на многообразие публикаций по истории пенитенциарных учреждений, деятельности правоохранительных органов, репрессий 1920–1930-х гг., политика советского государства в отношении деклассированных социальных групп еще не стала предметом специального исследования как на общем, так и на региональном уровне.

⁵⁷ Ефремов М.А. 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края. 1917-1937). Новосибирск, 2002.

⁵⁸ Крамаренко И. Стоящие на посту. Барнаул, 1967; Очерки Алтайского края. Барнаул, 1987; Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). Исторический очерк. Барнаул, 1961; Гриценко И.Ф. Рубцовская милиция: образование и этапы развития. Барнаул, 1998.

⁵⁹ Курышев И.В. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1(17). С. 32-34.

⁶⁰ Гридунова И.А. Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010; Гридунова, И.А. Прокуратура и местные органы власти: противостояние и взаимодействие в 20-е гг. XX (на материале Алтая) // Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления: третья Всероссийская научно-практическая конференция (Бийск. 12-13 мая 2005 г.). Бийск, 2005. С. 165-166; Она же. Роль прокурорского надзора в защите прав граждан от произвола властей в 1920-е гг. (на материалах Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008 № 4/3. С. 74-78; Она же. Участие прокуратуры в репрессивной операции и реабилитационных мероприятиях 1939-1941 гг. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. Барнаул, 2014. С. 87-101.

Объектом исследования является государственная политика в отношении деклассированных групп населения, проводившаяся в 1920–1930-е гг.

Предметом исследования выступили цели, формы, методы и результаты, реализованной органами власти и правопорядка политики по преследованию, уничтожению, изоляции и трудоустройству преступников и других деклассированных групп населения на Алтае в 1920–1930-е гг.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе анализа методов борьбы с преступностью и подавления социальной девиации, практики судебного и внесудебного правосудия, состояния пенитенциарной системы, трудоустройства и положения заключенных, установить содержательные изменения в государственной политике в отношении деклассированных групп населения на Алтае на протяжении 1920–1930-х гг. во взаимосвязи с общими политическими, социальными и экономическими процессами, происходившими в стране.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить этапы в эволюции политики советского государства в отношении уголовников в 1920–1930-е годы и обозначить их отличительные черты;
- 2) охарактеризовать деятельность правоохранительных органов, направленную на борьбу с уголовной преступностью на Алтае в исследуемый период;
- 3) установить содержание и определить результаты государственной политики трудового перевоспитания уголовников и реализации принципов пенитенциарной педагогики в 1920-е годы;
- 4) определить масштабы и раскрыть механизмы преследования уголовников и «социально-вредных элементов» в период Большого террора, выяснить роль в этом внесудебных органов (троек);

5) реконструировать состав уголовных и «социально-вредных» элементов, осужденных тройками УНКВД и милиции на Алтае в 1937–1938 гг. на основе анализа сведений, содержащихся в базе данных, составленной по протоколам их заседаний;

б) установить масштабы и результаты трудового использования заключенных, охарактеризовать их материально-бытовое положение в различных видах пенитенциарных учреждений на Алтае в 1920–1930-е гг.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1922 г. до начала Великой Отечественной войны. Нижняя граница обусловлена принятием первого советского Уголовного кодекса в мае 1922 г., что дает основания говорить о введении государственной политики в отношении уголовных элементов в правовое поле. Кроме того, в этом году завершается формирование аппарата советской судебной-правоохранительной системы. Верхняя хронологическая граница связана с началом Великой Отечественной войны. Условия военного времени внесли значительные изменения в парадигму внутригосударственной политики в целом, в том числе и в отношении исследуемых групп населения, что может являться темой отдельного исследования.

Рубежом внутри периода является 1929 г., что связано с изменением курса советского государства в отношении уголовников после выхода постановления СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных», закрепившего ужесточение карательной политики и создание двух структур мест заключения – в ведении ОГПУ и НКВД. Также в это время происходит отказ от практики перевоспитания заключенных в условиях изоляции и приоритетом в деятельности пенитенциарных учреждений становится интенсивное использование труда заключенных.

Территориальные рамки работы охватывают Алтайскую губернию, просуществовавшую до мая 1925 г., уезды (округа) и районы бывшей Алтайской губернии, входившие в состав Сибирского края (1925–1930 гг.),

Западно-Сибирского края (1930–1937 гг.), и образованный 28 сентября 1937 г. Алтайский край.

Методологической основой исследования стала социологическая теория маргинализации. Данная теория позволяет понять практику реализации и последствия социальной политики Советского государства в 1920–1930-е гг.

Понятие «маргинальность», появившееся в конце 20-х гг. XX века в американской социологии для определения культурных особенностей иммигрантских групп в американских городах⁶¹, впоследствии серьезно преобразовывалось и начало рассматривать также политические и экономические аспекты социальных отношений и их влияние на развитие «пограничных» групп населения. Применительно к нашему исследованию наиболее точной является трактовка маргинальности и причин возникновения в обществе маргинальных групп (лиц, находящихся на границе различных социальных систем) как следствия серьезных социально-политических и экономических трансформаций⁶². Глубокие структурные изменения общества, обусловленные революциями, войнами, экономическими кризисами, приводят к появлению в социуме маргинальных масс. Произошедшие в России в XX веке масштабные по своему значению и охвату социально-политические события, способствовали массовым утратам среди населения прежних социальных ролей, традиционных, культурологических, экономических связей и последующему закреплению в маргинальном статусе.

Советская власть адаптировала и использовала положения «теории классов»⁶³ в достижении задач общественного подавления, контроля и поддержания лояльности, что выразилось в регулярном создании и

⁶¹ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3-13.

⁶² На изломах социальной структуры. М., 1987; Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. № 10. С. 133–162. Маргиналы в советском социуме 1930–середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 28. С. 424-427; Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1977. Т. 39. С. 70.

поддержании образа «классового врага», ответственного за тяжелые социально-экономические последствия проводимой политики. Понятием «деклассированные элементы» в советском государственном дискурсе и пропаганде объединялись представители маргинальных групп, не принадлежавшие ни к одному социальному классу. Уголовники, бродяги, нищие, бомжи, проститутки и другие маргинальные группы, не относящиеся к какому-либо классу советского общества, были отнесены властью к «чуждым» категориям в силу несоответствия их образа жизни и социальных привычек идеологии «законопослушного и трудового советского общества».

Маргинальные группы, которые представляли собой остатки прежних классов и сословий (бывшие кулаки, церковники и др.) остались вне рамок исследования, основное внимание в диссертации сосредоточено на изучении эволюции государственной политики по отношению к маргинальным группам, по своей природе являвшимися «асоциальными» и не относившимися ни к одному из классов.

Важным инструментом в проведении исследования и выстраивании его структурных составляющих стал фундаментальный принцип исторической науки – историзм. Принцип историзма предполагает рассмотрение политики советского государства в отношении деклассированных групп населения в качестве самостоятельного исторического объекта, имеющего определенные хронологические и содержательные этапы, в ходе которых менялась система мер и оценка роли исследуемой социальной группы в контексте правовых, экономических и общественных задач.

В качестве основных методов исследования использовались историко-генетический, сравнительно-исторический, а также методы исторической информатики и статистические⁶⁴.

Суть историко-генетического метода состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе

⁶⁴ Аникеев А.А. Проблемы методологии истории. Курс лекций. Ставрополь, 1995. С. 97-105; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

её исторического движения. По своей природе генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации описательным. Использование этого метода помогло нам рассмотреть предмет нашего исследования в его развитии, понять причины включения уголовников и «социально-вредных элементов» в категорию «социально-чуждых» и враждебных власти социальных групп советского общества, установить характер эволюции политики государства по отношению к этой категории населения, оценить роль трудоустройства заключенных в реализации стратегии экономической модернизации страны.

Сравнительно-исторический метод – научный метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Сравнительно-исторический метод в нашей работе позволяет определить этапы эволюции политического курса государства в отношении деклассированных социальных элементов, установить содержательные особенности каждого периода и используемые механизмы и меры общественного контроля. Метод используется также для выявления соотношения реализованных мер политики в отношении деклассированных элементов на Алтае и в общегосударственной практике.

Методы и технологии баз данных использовались для структуризации информации, содержащейся в протоколах троек милиции и УНКВД, выносивших приговоры в отношении уголовников и «социально-вредных элементов» в 1937–1938 гг. Результатом их использования стало создание электронной базы данных «Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг.»

Для анализа сведений, содержащихся в базе данных, а также в таблицах и приложениях использовались статистические методы. Применение данных методов позволило установить абсолютные и относительные значения

различных показателей, определяющих содержание исследования, сгруппировать их, сделать доступными для интерпретации и анализа.

Источниковая база диссертации. В исследовании использованы опубликованные источники законодательного и нормативного характера: Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг., Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г., постановления и декреты ВЦИК и СНК РСФСР, такие как постановление от 26.03.1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения», «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11.07.1929 г., внутренние инструкции НКВД и др. Эти материалы представляют основу правовой системы в исследуемый нами период, кроме того, наглядно демонстрируют изменения первоначального курса советского государства в законодательной сфере в отношении исследуемой социальной категории⁶⁵.

Важнейшую группу использованных для написания диссертации источников составили материалы делопроизводственной документации, как опубликованные, так и архивные. Важное значение для исследования имеют сборники документов: «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939 (Т. 1–5)⁶⁶, «Вертикаль Большого террора»⁶⁷, «История сталинского ГУЛАГа» (Т. 1–7), «Массовые репрессии в Алтайском крае»⁶⁸ и др., в которых наряду с общими материалами, характеризующими историю сталинских репрессий, приводятся статистика и сведения о масштабах операции № 00447 в отношении уголовников.

⁶⁵ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. // Консультант-Плюс: инф.-справоч. система URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3551#04066864879148714> (дата обращения 14.04.2014); Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. // Консультант-Плюс: инф.-справоч. сист. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Ffreq%3Ddoc%3Bbase%3DESU%3Bn%3D3274#0869150285264447> (дата обращения 14.04.2014); Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 № 8. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [Электронный ресурс]. // Исторические материалы: инф.-справоч. портал URL: <http://istmat.info/node/33206> (дата обращения: 11.07.2015).

⁶⁶ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. 1937. Кн. 2. 1938–1939. / сост. В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин и др. М., 2004.

⁶⁷ Биннер Р., Бордюгов Г., Юнге М. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 М., 2008.

⁶⁸ Массовые репрессии в Алтайском крае 1837-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.

Опубликованные в пятом томе документального собрания «Трагедия советской деревни» материалы о проведении операций по социальной инженерии, в первую очередь сводку ГУГБ НКВД СССР о количестве осужденных на основании оперативного приказа НКВД СССР № 00447 на середину августа и конец сентября 1937 г., а также на начало января и начало марта 1938 г, среди этих данных присутствует в том числе информация об арестованных и осужденных в Алтайском крае и Новосибирской обл.⁶⁹

Сборник «Вертикаль Большого террора» воспроизводит и сводит воедино все значимые документальные свидетельства обо всех этапах массовых репрессий, содержит подробные авторские комментарии о целях репрессивной политики, отношениях центра и периферии, роли карательных органов, участии партии и так называемого неорганизованного населения в операции по приказу НКВД № 00447, рассматривается спорная проблема о достоверности следственных дел. Особенного внимания заслуживают приведенные в работе Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами» 7 августа 1937 г., который разъяснял компетенции троек НКВД и милицейских троек в борьбе с преступностью⁷⁰.

Большой вклад в исследование феномена ГУЛАГа проделан научным коллективом, объединившим большой массив документов в 7-ми томах, особую важность для нашего исследования представляют тома, посвященные репрессивно-карательной политике государства и истории ГУЛАГа⁷¹.

Вышедший в 2010 г. сборник «Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447» содержит важные источники по истории

⁶⁹ Трагедия советской деревни. Т.5 Кн.1:1937 / сост. В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин и др. М., 2004. С.344-348, 387; Кн. 2: 1938-1939 / сост. В. Данилов и др. М., 2006. С. 56-61.

⁷⁰ Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами» 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.,2008. С. 174–175.

⁷¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Том VII. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного Архива Российской Федерации. М., 2005; Том IV. Население ГУЛАГа: Численность и условия содержания. М., 2004.

сталинских репрессий на региональном уровне. Каждый раздел снабжен вводными комментариями, в которых характеризуется исторический контекст отраженных в документах событий, определяется значение публикуемых документов для изучения мотивации и механизма проведенной репрессивной операции. Террор показан в данном сборнике как многоликий и разноплановый процесс, освещенный с разных сторон. В сборнике есть два раздела, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме – о милицейской тройке⁷², следственное дело уголовника и комментарии к нему⁷³. Опубликованные в разделе о милицейской тройке документы подкрепляют тезис, согласно которому массовая операция на основе приказа НКВД № 00447 была двуликим элементом «Большого террора», с помощью которого проводились как политические, так и социальные преследования⁷⁴.

Уникальным по содержанию источником являются опубликованные в первой половине 1920-х гг. отчеты о пенитенциарном деле в РСФСР, которые содержат разнообразный статистический материал по численности мест заключения, динамике движения заключенных в них и т. д.⁷⁵. Сложность использования данного источника, состоит в том, что сгруппированные в нем сведения представляют информацию по Сибирскому региону в целом, поэтому возможность привлечения сведений из этих отчетов ограничена.

Опубликованные отчеты и обзоры Алтайского губернского и Барнаульского окружного исполкомов содержат информацию не только об экономических, хозяйственных показателях развития региона, преимущественно в губернский период, но и дают статистические

⁷² Куденко Н.В., Разгон В.Н., Юнге М. Милицейская тройка (документы) // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 382-428.

⁷³ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 215-227.

⁷⁴ Куденко Н.В., Разгон В.Н., Юнге М. Милицейская тройка // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 382.

⁷⁵ Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики X Съезду Советов. М., 1922; Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет НКВД по Главному Управлению мест заключения XI съезду Советов. М., 1924.

характеристики деятельности судебных органов, состояния преступности, положения мест заключения⁷⁶.

В ходе работы над диссертационным исследованием были привлечены архивные материалы, в том числе ранее не опубликованные и введенные в научный оборот впервые. Основной массив источников выявлен в 16 фондах двух региональных и в 6 фондах двух ведомственных архивов. В процессе работы над диссертацией автором были использованы материалы, хранящихся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), в информационном центре Главного Управления МВД России по Алтайскому краю (ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю), Информационном центре Главного управления Министерства внутренних дел России по Новосибирской области (ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области).

В ГААК были изучены фонды Р-558 – Административный отдел Барнаульского окружного исполкома (1925-1930 гг.)⁷⁷, Р-30 – управление Алтайского губернского прокурора, Р-113 – Управление прокурора Барнаульского округа⁷⁸, Р-32 – Алтайский губернский суд (1920-1925 гг.); окружные суды (1925-1930 гг.) Р-198 – Барнаульский окружной суд Сибирского краевого суда, Р-917 – Бийский Окружной суд Сибирского краевого суда, Р-915 – Каменский окружной суд; Р-23 – Алтайская губернская милиция, Р-39 – Барнаульская уездная рабоче-крестьянская милиция, Р-110 – Барнаульская окружная рабоче-крестьянская милиция исполнительного комитета барнаульского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1925-1930 гг.), Р-33 – Барнаульский губернский дом заключения, Р-615 – Барнаульский окружной

⁷⁶ Алтайский ежегодник за 1921-1922 хозяйственный год. Барнаул, 1923; Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925; Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925; Барнаульский округ. Статистическо-экономический обзор. Барнаул, 1927.

⁷⁷ Аналогичные фонды по административному отделу (АО) Бийского окрисполкома (Р-690) и АО Славгородского окрисполкома (Р-689) сохранились фрагментарно и содержат только дела по «церковным» вопросам.

⁷⁸ Прокурорские фонды Славгородского (Р-688) и Каменского округов (Р-547) до сих пор не рассекречены.

исправительно-трудовой дом. Также нами были изучены следственные дела на «уголовников» фонда Р-2 – прекращенные следственные дела отдела спецдокументации (ОСД) государственного архива Алтайского края. Представленные фонды имеют разную полноту и степень сохранности документальных источников, в некоторых из них (преимущественно, включающих окружной период административного устройства – 1925–1930 гг.) содержатся материалы лишь до 1926–1927 гг.

Рассмотрение темы диссертационной работы через призму документов органов юстиции, административной, правоохранительной и пенитенциарной системы, а также прокуратуры, позволяет наиболее полно и разносторонне раскрыть положение уголовников в государственной системе на различных этапах их юридического и правового статуса в обществе (от преступника до заключенного). Материалы данных фондов позволяют изучить целый ряд вопросов, поставленных в рамках данного исследования: и квалификацию преступлений, характер мер, применяемых в отношении нарушителей порядка, особенности организации оперативных мероприятий в различных уездах Алтайской губернии, алтайских округах Сибирского (Западно-Сибирского) края, реализацию на региональном уровне постановлений, приходивших в местные судебные и следственные органы из соответствующих центральных структур и т.д.

Фонды ГАНУ дают возможность дополнить некоторые сюжеты исследования, преимущественно по статистике преступлений в период 1925–1935 гг. Диссертантом была проделана работа по изучению делопроизводственных материалов фондов: Р-20 – Прокуратура Новосибирской области, Р-47 – Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого совета депутатов трудящихся (Запсибкрайисполком), П-3 – Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б).

Ведомственные архивы МВД в Алтайском крае и Новосибирской области позволили обогатить исследование уникальными данными о

деятельности внесудебных органов, структуре и функционировании пенитенциарных учреждений на Алтае.

В ИЦ ГУ МВД Новосибирской области нами были изучены фонд 4, 19, которые содержат приказы ПП ОГПУ по Сибири, приказы алтайской губернской РКМ, Приказы Алтайского административного отдела милиции, приказы УРКМ и УНКВД СССР по Западно-Сибирского краю; Ф. 22 – приказы системы ГУИН-УФСИН.

Материалы, сохраненные в ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю (фонды 2 и 12) объединяют дела ликвидированных органов управления по исправительным делам УВД Алтайского крайисполкома и Алтайского края. Данные этих фондов позволили раскрыть вопросы, связанные с условиями пребывания и трудовой деятельностью заключенных в ИТК и алтайском отделении Сиблага, проводившейся в местах заключения культурно-воспитательной и политической работой с момента образования Алтайского края в 1937 г.

Фонд 16 ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю содержит уникальные по своему содержанию источники следственного делопроизводства – протоколы троек УНКВД и милиции за 1937-1938 гг., подобные материалы в большинстве регионов нашей страны до сих пор засекречены. Протоколы содержательно представлены карточками на осужденных с биографическими данными и последующим кратким резюме обвинительного заключения, а также колонкой, содержащей информацию о приговоре, вынесенном тройкой. Данный источник позволяет определить динамику и «объемы работы», осуществлявшиеся заседаниями троек в тот или иной период операции, установить изменения, происходившие в составе троек, раскрыть механизмы выбора жертв внесудебного правосудия и т.д.

На основе выборки из протоколов Ф. 16 ИЦ ГУ МВД АК нами была составлена и зарегистрирована база данных «Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг.», которая, позволяет благодаря заданным алгоритмам, определить характеристики лиц, подвергшихся

репрессиям и установить механизмы и закономерности выбора жертв⁷⁹. Содержание протоколов троек открывает новые стороны воплощения приказа № 00447 на практике, а именно: позволяет раскрыть его социально-технологическую сторону. Организация материала в базу данных дала возможность систематизировать и проанализировать данные, позволяющие конкретизировать представления об уголовных и деклассированных элементах, осуждаемых тройками, механизме осуществления репрессий против этой категории граждан. Документы подтверждают тезис, согласно которому террор имел своей целью не только политические чистки, но и социальные, поскольку в его целевую группу попали лица, не представляющие реальной угрозы существующему режиму.

Составленная нами база данных включает сведения на 970 персоналий, из которых 567 чел. являлись «клиентами» милицейской тройки, 403 – тройки УНКВД. Каждая карточка персоналии содержит следующие категории информации: (1-я вкладка карточки – персональные данные) ФИО осужденного, год рождения, дата и место рождения, семейное положение, при наличии данных – место проживания, актуальный социальный статус, социальное происхождение, место работы или вид деятельности, национальность, состояние здоровья; (2-я вкладка карточки – криминальное прошлое) сведения о наличии или отсутствии приводов или судимостей; (3-я вкладка карточки – арест и обвинение) информация о дате и месте ареста, состав преступления, месте содержания, свидетельских показаниях (при наличии), признании вины обвиняемым; (4-я вкладка карточки – приговор) вынесенный тройкой приговор (срок или ВМН), дата начала, примечания. Карточки всех персоналий имеют интерфейс с указанием информации о районной принадлежности к отделу милиции, а также заседанию тройки, на которой рассматривалось дело.

⁷⁹ Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс]. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015621560 от 14.10.2015.

В качестве источника использовались также публикации в газетах «Красный Алтай» и «Советская Сибирь», которые освещали результаты работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также разделы «Происшествия», в котором сообщались актуальные новости о совершенных преступлениях и раздел «Из зала суда», где приводились заметки о слушавшихся делах, отдельные заметки были посвящены повседневной жизни заключенных⁸⁰. Статистические данные о работе правоохранительных органов, обсуждение законодательных инициатив и изменений в сфере пенитенциарной политики и т.д. содержатся в периодических изданиях «Еженедельник советской юстиции», «Административный вестник»⁸¹.

В целом, привлеченный корпус источников характеризуется видовым многообразием и полнотой, что позволяет разносторонне осветить тему диссертационной работы и решить поставленные перед исследованием цели и задачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым опытом комплексного исследования реализации государственной политики в отношении деклассированных слоев населения на Алтае в 1920-1930-е гг.

Автором вводится в научный оборот обширный корпус новых источников из государственных и ведомственных архивов субъектов РФ. Впервые комплексно в качестве источника были использованы протоколы троек УНКВД и милиции Алтайского края, на основе которых был создан новый агрегированный источник – электронная база данных на лиц, осужденных внесудебными органами. Анализ материалов базы данных позволил систематизировать сведения о масштабах репрессий, проводивших в период Большого террора в отношении уголовников и «социально-вредных

⁸⁰ Красный Алтай. 1923. №№ 1-73, 73-145, 146-222, 223-296; 1924. №№ 12-97, 98-274; 1926. №№ 165, 182, 189, 197, 205, 206, 247; Советская Сибирь. 1925. №№ 1-37; Алтайская правда. 1937. №№ 1-17, 40-50, 54, 56, 57; 1938. №№ 3-49, 61-177, 179-198, 200-204, 250-261, 263-296.

⁸¹ Административный вестник. 1925. №№ 7, 11, 12; 1929. №№ 1-12; 1930. №№ 1-8/9; Еженедельник Советской юстиции. 1928, №№ 1-51/52; 1929, №№ 1-51/52.

элементов» на Алтае, ввести в научный оборот данные, характеризующие состав лиц, прошедших через внесудебные органы (пол, возраст, национальность, состав преступления, рецидивность и т.д.), определить механизмы выбора жертв и охарактеризовать социально-технологическую сторону Большого террора, конкретизировать представление о нем не только как о политической, но и социальной чистке.

Установлено, что социальные чистки, проводившиеся во второй половине 1930-х гг., не стали эффективным инструментом подавления и контроля социальной девиации и преступности. В силу конвейерного подхода к изъятию уголовных и «социально вредных» элементов и судопроизводству, осуждению тройками милиции и НКВД подвергались преимущественно не профессиональные уголовники, а наиболее доступные представители асоциальных слоев населения.

В результате изучения динамики численности, состава, условий содержания и трудоустройства заключенных в различных типах пенитенциарных учреждений Алтая сформулирован вывод о том, пенитенциарная политика с начала 1930-х гг. все больше преследовала цели экономически эффективного использования труда заключенных, при этом задачи перевоспитания, сформулированные пенитенциарной педагогикой в 1920-е гг., уходили на второй план.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в законотворческой деятельности в сфере уголовного права, в частности по вопросу обоснования применения наказаний, не сопряженных с лишением свободы в местах общего заключения для лиц, впервые совершивших неуголовные преступления. Ряд положений может быть использован для коррекции режима учреждений пенитенциарной системы, в исправительно-трудовой практике и профилактике социальной девиации.

Материалы диссертации могут стать методическим ориентиром для изучения государственной политики в отношении других социальных групп

советского общества и механизмов государственного контроля и подавления. Результаты исследования могут быть использованы для создания обобщающих трудов по истории политики советского государства в отношении маргинальных групп советского общества, а также в преподавании спецкурсов по социально-политической истории Сибири и Алтая 1920-х–1930-х гг.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации прошли апробацию и были представлены в виде докладов на 11 конференциях различного уровня, включающих 3 международных (г. Новосибирск, г. Краснодар, г. Барнаул), 5 всероссийских (г. Барнаул, г. Новосибирск), 3 региональных (г. Барнаул). По теме исследования опубликованы 17 работ, в том числе: 1 подраздел и 1 раздел в коллективных монографиях⁸², 4 статьи в журналах из перечня ВАК⁸³, 11 публикаций иного статуса⁸⁴, 14 работ размещены в системе РИНЦ.

⁸² Куденко Н.В., Разгон В.Н., Юнге М. «Милицейская тройка. Милицейская тройка (документы)». // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. М., 2010. С. 382-394; Куденко Н.В. «Деклассированные элементы» как объект социальной чистки в период большого террора. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД № 04477: коллективная монография. Барнаул, 2014. С. 202-230.

⁸³ Куденко Н.В. Милицейская тройка Алтайского края как внесудебный орган массовых репрессий 1937–1938 гг. Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. № 4/1(84). 2014. С. 125-130; Разгон В.Н., Жданова Г.Д., Куденко Н.В., Савин А.И., Тепляков А.Г. Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937-1938 гг.: реализация приказа НКВД № 004477. Вестник алтайской науки, Вып. 1. 2015. С. 75-80; Куденко Н.В. Политика «трудового перевоспитания» преступников в начале 1920-х гг. (на материалах Алтайской губернии). Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. № 4-1(88). 2015. С. 165-169; Куденко Н.В., Разгон В.Н. Приговорная деятельность тройки при УНКВД и милицейской тройки в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: сравнительный анализ. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2017. 5(97). С. 75-81; Разгон В. Н., Куденко Н. В. Милицейская тройка УНКВД Алтайского края как инструмент социальной чистки периода Большого террора. // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т. И. Морозова (отв. секр.), В. М. Рынков (отв. ред.), А. И. Савин (отв. ред.) [и др.]. Новосибирск, 2018. С. 455-470.

⁸⁴ Куденко Н.В. Политика «перевоспитания» преступников в 1920-е гг. (на материалах Алтая). // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XL научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 10. Барнаул, 2013. С. 28-30; Она же. Характеристика уголовных элементов, осужденных судебной (милицейской) тройкой Алтайского края. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов III Всероссийской молодежной научной конференции (Новосибирск, 21-24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 239-248; Она же. Массовые «чистки» советского общества от уголовных и люмпенизированных элементов в 1920-1930-е гг. (на материалах Алтая). // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXVIII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 32-34; Она же. Политика советского государства в отношении уголовников в 20-30-е гг. XX века (на материалах Алтайского края). Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXVII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул, 2010. Вып. 7. С. 29-30; Она же. Уголовники как особая социальная группа репрессированных милицейской тройкой Алтайского края в годы «Большого террора». //

Отдельные статьи и раздел монографии были подготовлены в рамках работы исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937-1938 гг.: механизм реализации, региональная специфика», № 14-11-22004а(р). Также в рамках научной работы была реализована и зарегистрирована электронная база данных «Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.» (свидетельство о государственной регистрации № 2015621560).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В 1920-е гг. государственная политика в отношении преступников характеризовалась относительной мягкостью: более 60% приговоров, вынесенных судами, составляли приговоры к лишению свободы на срок до одного года, внутренний режим пенитенциарных учреждений предполагал внедрение принципов пенитенциарной педагогики – перевоспитания заключенных посредством приучению к труду и повышения их культурно-образовательного уровня, а также раздельное содержание контингента в зависимости от степени исправления.

Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953-2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого Советского государства. Материалы VIII международной конференции. Краснодар, 2013. С. 277-286; Она же. Политика государства в отношении несовершеннолетних преступников в 1930-е гг. (на материалах Алтая). // Актуальные вопросы истории Сибири: Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2013. С. 148-149; Она же. Основные подходы и практика борьбы с несовершеннолетними преступниками на Алтае в первой половине 1920-х гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов I Международной молодежной научной конференции (Новосибирск, 21-23 августа 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 219-228; Она же. Голодовки заключенных как средство борьбы за свои права в первой половине 1920-х (на материалах Алтайской губернии). // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXXII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул, 2005. Вып. 12. Т. 1. С. 33-37; Она же. Показатели экономической эффективности труда заключенных исправительно-трудовых домов в первой половине 1920—х гг. (на материалах Алтая). // Экономическая история Сибири XX-начала XXI века: сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции, Барнаул, 26-27 июня 2015. В 2-х томах. Т. 2. 2015. С. 59-67; Она же. Борьба с самогоноварением как причиной роста преступности на Алтае в 1920-е гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул, 2015. С. 78-81; В. Н. Разгон, Н. В. Куденко. Милицейская тройка УНКВД Алтайского края как инструмент социальной чистки периода Большого террора. // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2018. С. 455-470; Куденко Н.В. Хозяйственно-экономическая деятельность исправительно-трудовых колоний и лагерей Алтайского края в 1930-е гг. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Материалы V Всероссийской научной конференции (с международным участием) 29–30 июня 2018 г., Барнаул, 2018. С. 296-305.

2. Материально-бытовые условия содержания заключенных в алтайских ИТД, нехватка профессиональных кадров, отсутствие необходимого количества трудовых площадок не позволяли полноценно реализовать проводившуюся в 1920-е гг. политику трудового перевоспитания преступников. Существовавшая в этот период система пенитенциарных учреждений была экономически неэффективной и не обладала необходимыми ресурсами для того, чтобы удовлетворить возрастающие притязания государства на изоляцию все больших групп общества, в связи с чем закономерным стало ее реформирование на рубеже 1920–1930-х гг.

3. Ужесточение мер, предпринимаемых правоохрнительными и судебными органами в отношении уголовников и деклассированных элементов в 1930-е гг., отражало изменения в государственной политике, направленной на подавление социальной девиации. Важным маркером, позволяющим говорить об ужесточении в 1930-е гг. государственной политики в отношении данных социальных групп, является репрессирование их с помощью органов внесудебного правосудия (троек). Анализ протоколов троек милиции и УНКВД Алтайского края позволил установить результаты приговорной деятельности этих внесудебных органов в 1937–1938 гг.: милицейской тройкой Алтайского края были осуждены 6 942, тройкой УНКВД – 862 (за 1937 г.) уголовников и лиц, отнесенных к «социально-вредным элементам». Изучение состава лиц, осужденных тройками, и характера совершенных ими преступлений позволяет сделать вывод о значительном расширении в 1937–1938 гг. масштабов социальных чисток, направленных на подавление социальной девиации.

4. С началом воплощения курса на индустриализацию пенитенциарной системе была отведена важная роль в реализации планов экономической модернизации страны. Созданный на Алтае в 1930-е гг. комплекс ИТК и отделение Сиблага специализировались на производстве изделий легкой промышленности, выполнении контрагентских

лесозаготовительных и строительных работ, сельскохозяйственном производстве.

5. Разросшаяся во второй половине 1930-х гг. сеть алтайских пенитенциарных учреждений (ИТК и ИТЛ) обладала большим потенциалом для размещения и трудового использования поступающих контингентов, чем ИТД 1920-х гг. Исправительно-трудовые учреждения реорганизовывались, исходя из задач пенитенциарной политики, приоритетным направлением, которой стало создание экономически рентабельных профильных предприятий на базе мест заключения. При этом материально-бытовые условия для заключенных по-прежнему характеризовались чрезвычайной неустроенностью.

6. Исправительно-трудовые учреждения в 1930-е гг. прежде всего были нацелены на выполнение производственных планов и максимально эффективное использование труда находившегося в их распоряжении контингента заключенных. В связи с этим культурно-просветительной работе в местах заключения отводилась преимущественно агитационная роль (особенно в ИТЛ) в достижении поставленных производственных задач, при этом принципы пенитенциарной педагогики в значительной степени оказались нивелированы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, выделенных по проблемно-тематическому и хронологическому принципам, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения. В первой главе рассмотрена реализация политики государства в отношении деклассированных групп населения на Алтае в 1920-е гг. Исследуются вопросы, характеризующие состояние преступности на Алтае и меры, предпринимаемые правоохранительными органами по борьбе с ней, содержание государственного курса в отношении уголовников и положение контингента в общих местах заключения. Во второй главе определены основные маркеры, свидетельствующие о смене государственного курса в отношении уголовных элементов, рассмотрены

показатели уголовной преступности в регионе и организуемые органами милиции и ОГПУ кампании по установлению контроля над ростом социальной девиации, анализируется деятельность милицейской тройки и тройки при УНКВД по Алтайскому краю по осуждению уголовников и «социально-вредных элементов» в период Большого террора на Алтае. В третьей главе представлены структурные изменения в пенитенциарной системе региона, проанализированы ключевые характеристики, определяющие положение заключенных в местах общего заключения (ИТК) и спецназначения – лагерном отделении Сиблага (ИТЛ), а также рассмотрен характер трудового использования заключенных.

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ НА АЛТАЕ В 1920-Е ГГ.

1.1 Деятельность правоохранительных органов по борьбе с уголовной преступностью на Алтае в 1920-е гг.

Создание советской милиции связано с выходом Постановления Наркомата внутренних дел РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции», которое заложило основные принципы деятельности данного органа, отданного в ведение Советов рабочих и солдатских депутатов⁸⁵. После окончания Гражданской войны алтайская рабоче-крестьянская милиция входила в состав общесибирской милиции, находившейся в ведении созданного постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. чрезвычайного органа гражданского и военного управления – Сибревкома. Сибревком обладал широкими административными и властными полномочиями и мог на свое усмотрение вводить особые меры для поддержания порядка. В связи со сложной общественно-политической ситуацией в Сибири, милиция активно привлекалась для решения жизненно важных задач, не всегда соответствующих ее прямому предназначению: для оказания содействия во взимании продразверстки и пр.

Алтайская губернская рабоче-крестьянская милиция была организована в январе 1920 г. и вошла в качестве подотдела в структуру Алтайского губревкома (с августа 1920 г. – губисполкома). Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции»⁸⁶ от 10 июля 1920 г. предусматривал следующий ее состав: городская и уездная милиция, промышленная (фабрично-заводская, лесная, горнопромышленная), железнодорожная, водная (речная, морская) и уголовный розыск.

⁸⁵ Милиция России. Документы и материалы. 1917-1999. Т. 1. (1917-1934). Саратов, 2001. С. 19

⁸⁶ Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 10 июля 1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции» [Электронный ресурс] // Libussr.ru: информ.-справоч. портал. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_688.htm (дата обращения: 15.03.2018).

Борьба с преступностью являлась главной задачей отделения уголовного розыска. Дела, связанные с бандитизмом, кражами, грабежами и рядом других преступлений, находились в его компетенции. Уголовный розыск осуществлял оперативно-следственные мероприятия по расследованию совершенных уголовных преступлений, проводил обыски, облавы. Через агентов и осведомителей собирались данные о воровских притонах, местах скопления «неблагонадежного элемента». Первый отдел уголовного розыска в Алтайской губернии был образован 22 декабря 1919 г. в г. Барнауле, вскоре отделения были созданы в остальных городах и крупных селах⁸⁷. В состав уголовного розыска входили: губернское отделение и представительства на местах в Бийске, Славгороде, Рубцовске, с. Змеиногорском и Павловский уголовно-розыскной стол, в Камне-на-Оби была налажена работа агентурной сети. Охрана общественного порядка являлась задачей, так называемых общих (административных) отделов городской и уездной милиции и входившей в их состав постовой службы.

В целом милицейская структура в Алтайской губернии включала следующие отделения: Барнаульская городская милиция, Барнаульская уездная милиция, Бийская и Рубцовская уездно-городская милиция с подведомственными им по принадлежности 5 городскими отделениями и 30 отделениями в уездах.

Помимо милиции, сформировавшаяся к концу 1922 – началу 1923 гг. правоохранительная структура Алтайской губернии была представлена органами прокуратуры и суда. Прокуратура Алтайской губернии была учреждена 7 августа 1922 г. на основании постановления ВЦИК от 28 мая 1922 г.⁸⁸. Алтайский губернский суд создан 1 января 1923 г. на основании постановления ВЦИК от 31 октября 1922 г.⁸⁹. Первое судебное заседание

⁸⁷ Карпов. Р. А. Некоторые вопросы становления, комплектования и деятельности алтайской милиции в начале 20-х гг. XX в. // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2(10). С. 8.

⁸⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 36. С. 424.

⁸⁹ ГААК. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 8. Л. 21-22.

Алтайского губернского суда прошло 16 января 1923 г.⁹⁰. Однако институт народных судей на местах начал формироваться еще в 1920 г., согласно Декрету ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде»⁹¹, в конце года народные суды были открыты во всех уездах Алтайской губернии.

Отдел Государственного политического управления базировался в губернском центре, в Бийске и Рубцовске работали уполномоченные управления⁹².

Архивные сведения о деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и уровне преступности на Алтае представлены в отчетной документации административного отдела губернского (с 1925 г. – окружного) исполкома, отчетах милиции и уголовного розыска. Степень подробности и полноты данных источников неравноценна и варьируется от детальных статистических выкладок до формальных оценок об увеличении или уменьшении отдельных показателей. Сохранность документов некоторых фондов очень фрагментарная, в особенности по Бийскому и Славгородскому административным окружным отделам.

На ситуацию с формированием и сохранностью отчетности о преступности повлияли территориально-административные изменения в Алтайской губернии (с 1920 по 1922 г. из ее состава были выведены Каменский и Славгородский уезды). Более поздние изменения в результате, которых появилась окружная система и территория бывшей Алтайской губернии вошла в состав Сибкрая, привели к появлению новой, более дробной формы статистики по округам и обобщающих отчетов об уровне преступности в Сибири в целом, а не на Алтае. Поэтому в статистике второй половины 1920-х гг. нами учитывались сведения по трем округам –

⁹⁰ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 176.

⁹¹ Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18782#0816990070099263> (дата обращения: 12.03.2018).

⁹² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 58. Л. 184об.

Барнаульскому, Бийскому, Рубцовскому, которые составляли территорию Алтайской губернии на момент образования Сибирского края в 1925 г.

По мнению А.П. Угроватова, сведения о состоянии преступности в Сибири вплоть до 1924 г. представлены в источниках довольно фрагментарно⁹³. Однако первые систематизированные данные, отражающие состояние преступности в Алтайской губернии, относятся к более раннему времени – ко второй половине 1922–1923 гг. Учет так называемой «моральной статистики», составляемой на основании приговоров, вынесенных судебными органами, в губернии начал вестись с апреля 1922 г., однако процесс заполнения и сбора статданных налачился не сразу⁹⁴.

Большинство судебных дел проходили через заседания народного суда, который обладал широкими правами в осуществлении правосудия в качестве суда первой инстанции, в связи с его широкой компетенцией. На сессиях народных судов рассматривались и разрешались все гражданские дела, подведомственные судебным органам, дела об административных правонарушениях, почти все уголовные дела. В юрисдикцию народных судов попадали практически все дела уголовно-бытового характера, которые составляли значительную часть правовых нарушений⁹⁵. Ряд источников содержит статистическую информацию о деятельности нарсудов, включая в том числе данные о судебных разбирательствах по различным жалобам и прочим гражданским делам, что затрудняет анализ уголовной статистики.

Губернский суд в свою очередь рассматривал наиболее важные уголовные дела и также являлся кассационной инстанцией по делам, решенным на заседаниях народных судов. Через губернский суд проходило примерно 10% дел от общего объема судопроизводства.

⁹³ Угроватов А.П. Из истории бытовой преступности в Сибири в 1920-е гг. // Страницы экономической истории России. 2010. № 10. С. 177.

⁹⁴ Преступность в Алтайской губернии по данным моральной статистики за 1922 и 1923 г. // Бюллетень Административного губернского статистического бюро. Барнаул, 1923. № 15.

⁹⁵ Суд в СССР. / Под ред. Л. Н. Смирнова, В. В. Куликова, С. Г. Банникова, В. М. Савицкого, Х. Б. Шейнина. М., 1977. С. 88.

Динамика общего уровня преступности в Алтайской губернии в первой половине 1920-х гг. отражена в статистических отчетах милиции (табл. 1).

Таблица 1

**Общая динамика преступности в Алтайской губернии
в 1922–1925 гг.**

Динамика роста кол-ва преступлений	январь-июнь 1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Количество преступлений, зарегистрированных милицией	8 465	12 631	17 413	17 598
Увеличилось в сравнении с предыдущим годом, в %	-	-	+37,9	+1,1
Уровень раскрываемости преступлений, в %	57	нет свед.	71	70

Составлено по: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 20. Л. 7-8об.; Алтайский ежегодник за 1921-1922 хозяйственный год. Барнаул, 1923. С. 101; Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 200; Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925. С. 14.

Поскольку данные 1922 г. представлены только за первую половину года, то оценить изменение уровня преступности в последующем году на основании данных таблицы сложно. Однако согласно статистике уголовных дел, поступавших на рассмотрение в народные суды (табл. 2), в 1923 г. наблюдалась тенденция увеличения преступной активности в губернии, которая продолжилась и в 1924 г. Количество совершенных преступлений в 1924 г. в сравнении с предыдущим годом выросло на 38%. В 1925 г. ситуация оставалась относительно стабильной, количество зафиксированных преступлений увеличилось незначительно (табл.1).

Таблица 2

Движение уголовных дел в нарсудах Алтайской губернии в 1921-1925 гг.

Год	Поступило	Окончено	Остаток
1921	17 189	15 065	2 124
1922	18 406	16 881	3 649
1923	22 384	22 009	4 024
1924	39 800	34 028	9 796
1925	13 645	18 126	5 315

Составлено по: Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 187; Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925. С. 19.

Сведения о движении уголовных дел в нарсудах Алтайской губернии (табл. 2) соотносятся с параметрами статистики милицейской статистики (табл. 1) и также свидетельствуют о росте уголовной преступности до 1924 г. включительно. Количество вновь поступивших уголовных дел в 1925 г. сокращается практически втрое, однако такое значительное уменьшение имело в большей степени законодательную подоплеку. Ускорению судебного разбирательства, разгрузке нарсудов и снижению числа вновь поступающих дел способствовала передача дел по некоторым статьям УК (главы VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» УК ред. 1922 г.) в компетенцию административных органов, согласно Постановлению ВЦИК от 16 октября 1924 г. В рамках данного постановления были отредактированы некоторые статьи УК РСФСР, которые касались распространенных видов преступной деятельности, не имевших при этом серьезной уголовной или антисоциальной направленности и совершавшихся преимущественно сельским населением. Редакция коснулась ст. 99 УК РСФСР «Об охране лесов» – нарушение этого закона с выходом Постановления ВЦИК перестало быть уголовно-наказуемым деянием и рассматривалось в административном порядке волостным исполнительным комитетом. Наказание предусматривало штраф суммой не выше трехкратного размера украденного, в случае если сумма ущерба не превышала 15 руб., и кража была совершена не с целью промысла⁹⁶.

Изменения произошли и в отношении уголовных дел, возбуждаемых по статье 76 («хулиганство»): постановление предусматривало передачу преступлений, совершенных по этой статье, в ведение административных органов и смягчение меры наказания, поскольку суды были просто завалены делами о различного рода хулиганских действиях.

⁹⁶ Наказание по ст. 99 УК в старой редакции предусматривало более суровое наказание в уголовном порядке - лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года с конфискацией незаконно добытого, а равно орудий охоты или лова, или штраф до 500 руб. золотом.

Таким образом, в результате произошедших законодательных корректировок в отношении преступлений «об охране лесов» и «хулиганства» произошел отток значительной части дел из ведомства судебных институтов в компетенцию административных органов, что способствовало разгрузке судебной системы, а также усилению дифференциации репрессии, что отразилось в статистике 1925 г. и способствовало общему сокращению числа вновь поступивших судебных дел по уголовным преступлениям.

Однако уже в конце 1925 г. статья о хулиганстве, относившаяся к преступлениям против личности, была отнесена к преступлениям против порядка управления, в таком варианте она вошла в редакцию Уголовного кодекса 1926 г.⁹⁷.

Таблица 3

Движение уголовных и гражданских дел, разбираемых народными судьями, в Барнаульском округе в 1923-1926 гг.

Виды дел	1923 г.	1924 г.	1925–1926 гг.
Гражданские дела	5 709	5 722	13 929
<i>Доля, в %</i>	33,2	22,8	57,6
Уголовные дела	11 494	19 320	10 245
<i>Доля, в %</i>	66,8	77,2	42,4
Всего	17 203	25 042	24 174

Составлено по: Барнаульский округ. Статистическо-экономический обзор. Барнаул, 1927. С. 70.

В 1925 г., преимущественно благодаря переводу ряда преступлений из числа уголовно-наказуемых в административно-наказуемые, уменьшается количество не только общего числа дел, проходивших через нарсуды, но и изменяется соотношение между гражданскими и уголовными делами: заметно сокращается доля уголовных разбирательств – за два года (1925-1926 гг.) их доля составила – 42,4%, при этом доля гражданских дел в 1925-1926 гг. в сравнении с 1924 г. увеличивается более чем вдвое и достигает 57,6% (табл. 3).

⁹⁷ Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. Вып. 4. С. 147.

Кроме того, в первой половине 1920-х гг. происходила смена содержательной части преступлений – окончание Гражданской войны и переход к мирному времени способствовали постепенному снижению числа «политических» преступлений и увеличению уголовной девиации. Сведения о подсудимых, дела которых были рассмотрены разными судами и ревтрибуналом, позволяют составить представление о характере преступной деятельности, распространенности различных видов преступлений в губернии (табл. 4).

Таблица 4

Осуждение по разным статьям УК в Алтайской губернии в 1922-1924 гг.

Год	Всего подсудимых	Было под судом по ст. ст. Уголовного Кодекса, в %					
		Контрреволюционные преступления (ст. 57-73)	Прест. против порядка управления (ст. 74-104)	Должностные преступления (ст. 105-118)	Нарушение правил отделии церкви от государства (ст. 119-125)	Хозяйственные преступления (ст. 126-141)	Преступления против жизни, здоровья, свободы и личности (ст. 142-179)
1922	13 869	6,3	28,5	6,8	0,01	2,3	11,6
1923	10 028	1,2	29,1	3,4	0,05	29,9	11,1
1924	20 141	0,5	24,8	2,2	-	54,4	7,2

Продолжение таблицы

Год	Было под судом по ст. ст. Уголовного Кодекса						
	Имущественные преступления (ст. 180-199)	Воинские преступления (ст. 200-214)	Нарушение правил, нарушающих народное здравие (ст. 215-227)	Крестьян	Рабочих	Интеллиг.	Нетрудов. элементов
1922	32	12	0,5	-	-	-	-
1923	28,3	0,3	1,7	73,8	13,8	2,2	10,2
1924	10,2	-	0,6	74,9	12,3	1,8	11

Составлено по: Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 184.

*Данные таблицы в первоисточнике приведены с ошибками, сумма показателей по всем видам преступлений ни по одному году на равняется 100%. Данные источника не позволяют скорректировать ошибки таблицы, поскольку по видам преступлений приведены только относительные показатели. При этом несмотря на указанные ошибки, в целом данные таблицы не искажают общую картину распространенности тех или иных видов преступлений, а за 1922 и 1924 г. расхождения составляют менее 1%, поэтому мы считаем допустимым анализ приведенных в ней данных с учетом возможной погрешности.

Как видно из данных таблицы 4, в 1922 г. в Алтайской губернии имущественные преступления составляли 32% от общего числа, преступления против порядка управления (ст. 74-104) – 28,5%, преступления против личности (ст. 142-179) – 11,6%, политические преступления (ст. 57-73) – 6,3%. С 1923 г. характер преступности начинает изменяться: сокращается число политических преступлений (в 1924 г. они составляют всего лишь 0,5%), уменьшается и доля осужденных за должностные преступления (с 6,8 % в 1922 г. до 2,2% в 1924 г.) (таблица 4).

Значительной на протяжении рассматриваемого периода остается доля преступлений против порядка управления, только в 1924 г. наблюдается некоторое ее уменьшение. Также несмотря на небольшой спад в 1924 г., высокой была доля правонарушений, связанных с незаконной вырубкой леса (ст. 99, входящая в группу преступлений против порядка управления): в 1923– 23%, в 1924 г. – 20,8%. В значительной мере это было связано с итогами землеустройства на Алтае, проведенного еще в 1899–1915 гг., в ходе которого большая часть крестьянских хозяйств не получила лесных наделов. В связи с ростом незаконных порубок леса и попадания в места заключения обычного сельского населения по Постановлению ВЦИК от 16 октября 1924 г. были приняты поправки к ст. 99 УК РСФСР⁹⁸, относившие данное правонарушение к числу административных.

⁹⁸ Ст. 99. Нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищения и истребления, если стоимость незаконно добытого не превышает пятнадцати рублей по местной таксе, карается в административном порядке волостным исполнительным комитетом штрафом в размере не свыше тройной стоимости незаконно добытого по местной таксе. Нарушение постановлений, изданных в интересах охраны

В течение 1922–1924 гг., согласно приведенным в таблице 4 данным, движение дел по имущественным преступлениям имело тенденцию к уменьшению, в 1924 г. доля преступлений этой группы сократилась втрое в сравнении с 1922 г. По-видимому, начали сказываться благоприятные последствия перехода к новой экономической политике: постепенное восстановление экономики и рост жизненного уровня населения.

Однако борьба с имущественными преступлениями и, в особенности, кражами по-прежнему оставалась важнейшим направлением деятельности правоохранительных органов. По данным губернского управления уголовного розыска за 1923 г., различного рода имущественные преступления, в том числе кражи, составляли 65,9% от общего количества правонарушений в губернии, проходивших через их ведомство⁹⁹.

Чрезвычайно распространенным видом преступлений в рассматриваемый период являлось скотоконократство. Кражи скота очень болезненно сказывались на материальном положении крестьянских семей и их хозяйстве. Основные причины, способствовавшие росту данного вида преступления, заключались в большой выгодности этого вида кражи и фактической безнаказанности скотоконократов, поскольку достать удостоверение на лошадь, чтобы ее сбыть, не представляло особого труда. Большая активность конократов отмечалась вблизи г. Барнаула и Рубцовском уезде на границе с Киркраем¹⁰⁰. По данным уголовного розыска, к массовым хищениям скота были причастны и приезжавшие в Алтайскую губернию закупочные комиссии из районов, пострадавших от неурожая и голода (Поволжье). В период закупочных кампаний кражи скота учащались именно

лесов от хищения и истребления, если стоимость незаконно добытого превышает пятнадцать рублей по местной таксе или хищение совершается в виде промысла, а равно ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана или разработка недр земли с нарушением установленных правил - карается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до ста рублей с обязательной конфискацией незаконно добытого во всех случаях. // Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовного Кодекса РСФСР».

⁹⁹ Алтайский ежегодник за 1921-1922 хозяйственный год. Барнаул, 1923. С. 101.

¹⁰⁰ *Киркрай – Киргизский край, с 1925 г. Казахская АССР. Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 201.

в тех уездах, где накануне производилась закупка, через заготовителей воры с легкостью сбывали краденых животных.

Для нормализации ситуации и повышения уровня раскрываемости преступлений, связанных со скотоконокравством, уголовным розыском были запрошены от всех волостных и сельских советов оттиски печатей для установления права собственности на скот, что позволило повысить раскрываемость данного вида преступлений до 40%. В качестве превентивной меры для борьбы с регулярными кражами скота было предложено создание универсальной единой формы расписок, которая позволила бы избежать массовых подделок документов, подтверждающих права владельца. Однако инициатива не была поддержана со стороны администрации губернии из-за отсутствия средств.

С 1925 г. был увеличен бюджет на оперативные расходы, связанные с борьбой с конокрадами. Усиление работы правоохранительных органов в этом направлении дало свои результаты: на территории Барнаульского округа кражи скота и лошадей в 1925 г., в сравнении с предыдущим годом, сократились на 39%¹⁰¹.

Как видно из данных таблицы 4, доля преступлений всех категорий в период с 1922 по 1924 г. имела тенденцию к сокращению за исключением хозяйственных преступлений, которые не только составляли одну из наиболее значительных групп правонарушений, но и год от года значительно увеличивались. Несмотря на низкий процент хозяйственных преступлений в 1922 г. – 2,3%, что с большой вероятностью являлось следствием отсутствия полной статистики (в этом году не приведены данные по статьям 140 и 141, предусматривавшим наказание за самогоноварение), в последующие годы доля правонарушений данной категории существенно выросла и в 1924 г. достигла 54,4% (прирост относительно предыдущего года на 24,5%).

¹⁰¹ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 201.

Стремительный рост хозяйственных преступлений связан в первую очередь с выявлением такого вида правонарушений, как незаконное производство и продажа алкогольной продукции («самогоноварение»). Серьезной социальной проблемой в 1920-е гг. являлось массовое пьянство и производство самодельных алкогольных напитков (в 1923 г. в Алтайской губернии имелось 4,7 тыс. самогонных аппаратов, т.е. один аппарат на 65 дворов), лежащие в основе многих преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения¹⁰². В связи с этим незаконное самогоноварение с целью сбыта и продажи, согласно УК, вступившему в силу с 1 июня 1922 г., подлежало наказанию в виде принудительных работ сроком до 1 года с конфискацией имущества. На дела по ст. 140 УК («Приготовление с целью сбыта вин, водок <...>») в 1923 г. приходилось 29% осужденных, а в 1924 г. их доля увеличилась до 52,9%¹⁰³. Рост числа преступлений в области незаконного самогоноварения с 1923 г. был связан не столько с увеличением числа самогонщиков, сколько с усилением борьбы правоохранительных органов в этом направлении. Стоит отметить, что дела о самогоноварении составляли основной вид правонарушения в категории «Хозяйственные преступления», доля преступлений по остальным статьям этой группы была незначительной и составляла в течение 1922–1924 гг. от 0,9% до 2,3%¹⁰⁴.

Борьба с распространением самогоноварения имела важное значение не только для пресечения этого вида преступлений, но и для искоренения первопричины ряда других преступлений, возникающих на почве алкогольного опьянения (хулиганство, преступления против личности, грабежи и проч.).

Другой немаловажной причиной борьбы с самогоноварением была угроза срыва обязательных государственных поставок зерна крестьянским населением. Излишки зерна было гораздо выгоднее пустить на изготовление

¹⁰² Угроватов А.П. Из истории бытовой преступности в Сибири в 1920-е гг. // Страницы экономической истории России. 2010. № 10. С. 179.

¹⁰³ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 184.

¹⁰⁴ Там же.

самогона. Переработка излишков зерна в самогон при продаже конечного продукта была для крестьян в 7–8 раз выгоднее продажи зерна государству (из одного пуда зерна можно было выгнать 10–12 бутылок самогона)¹⁰⁵. Часть самогона выгонялась для продажи, кроме того, каждая семья имела запасы самогона для важного повода (свадьба, похороны и др.), а также на случай оплаты работ по хозяйству. С началом уборки урожая зерновых повсеместно происходило увеличение случаев выгона самогона и других видов винокурения. Такая ситуация отмечалась, в частности, в отчетах алтайских правоохранительных органов в сезон уборки 1922 г. В связи с этим для ограничения незаконной деятельности милицией проводились кампании по борьбе с самогоноварением: устраивались рейды по домам, во время которых изымались самогонные аппараты, самогон, брага и проч.¹⁰⁶ В 1923 г. в губернии были изъяты 2 519 самогонных аппаратов и 33 943 ведер суррогата, в 1924 г. – 2 374 аппаратов, 14 693 ведра самогона¹⁰⁷.

Для контроля потребления алкоголя в городах в 1922 г. в местах общественного питания были введены ограничительные правила на продажу алкоголя, в том числе легкого (виноградных, плодово-ягодных, изюмных вин). Например, отпуск вина в ресторанах разрешался только при условии заказа горячего блюда, продажа алкоголя в городах ограничивалась по времени до 10 часов вечера в губернских городах, 9 часов – в уездных городах, запрещалось продавать вино в закрытой посуде, только в открытых графинах, запрещалась продажа вина лицам до 16 лет¹⁰⁸.

Места общественного питания в районе вокзалов и станций находились под особым вниманием милиции, поскольку зачастую становились местом массовых беспорядков и пьяных разборок. Поэтому после закрытия на Барнаульском вокзале за неуплату налогового сбора последнего частного

¹⁰⁵ Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-е гг. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 77.

¹⁰⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 50об.

¹⁰⁷ Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925. С. 14.

¹⁰⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

ресторана «Люкс», в газете «Советская Сибирь» появилась разоблачительная статья «Последний притон», в которой данный ресторан представлялся «как место сборища всех темных элементов и проституток»¹⁰⁹.

Кампании против тайного винокурения, обыски и облавы, проводившиеся милицией в отношении самогонщиков, давали лишь краткосрочный локальный эффект. В сельской местности распространенным явлением было злоупотребление выпивкой не только со стороны рядовых крестьян, но и представителей сельской «верхушки». В частности, в Чумышском районе пьяная компания, участвовавшая в драке, решила обратиться с жалобой к председателю сельского совета, который, однако, в тот момент тоже оказался пьяным и, согласно отзывам, часто «злоупотреблял»¹¹⁰. В отчетах губернской прокуратуры описывались случаи распития участковыми милиционерами изъятого у населения «незаконного» самогона. В ноябре 1923 г. рассматривалось дело милиционера г. Рубцовска С.Ф. Навражина, который выпил изъятый у гр-на Полянского самогон, не доложив начальству о проведенном изъятии¹¹¹.

Борьба с самогоноварением напоминала борьбу с ветряными мельницами, особенно возрос выгон самодельной продукции с увеличением цен на очищенное вино. В связи с этим Алтайский губисполком в декабре 1923 г. принял постановление об ужесточении борьбы с тайным винокурением. Административное наказание теперь предусматривалось не только за пункты, предусмотренные ст. 140 УК РСФСР (изготовление с целью сбыта), но и за 1) хранение самогона без цели сбыта; 2) распитие самогона, покупку его и вообще приобретение самогона всякими способами; 3) хранение самогонного аппарата; 4) изготовление аппаратов. Виновные в нарушении данного постановления подвергались в административном

¹⁰⁹ Сибирские новости. «Последний притон» // Советская Сибирь. 1925. № 3. С. 6.

¹¹⁰ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

¹¹¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 81. Л. 220.

порядке штрафа до 300 руб. или наказывались принудительными работами на срок до 3-х месяцев¹¹².

В 1924 г. случаи незаконного самогонварения увеличились практически в два раза в сравнении с предыдущим годом, что привело к еще большему ужесточению карательных мер в отношении самогонщиков на основе Постановления ВЦИК «О дополнениях и изменениях Уголовного Кодекса РСФСР» от 16 октября 1924 г., внесшем корректировки в содержание пунктов ст. 140 УК РСФСР¹¹³.

В новой редакции ст. 140 УК «изготовление самогона и хранение с целью сбыта для обогащения» каралось заключением «на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, конфискацией всего имущества и поражением в правах на срок до пяти лет». То же самое, но выполняемое в силу материальной нужды, каралось лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией части имущества или без таковой. Старая редакция ст. 140 предусматривала наказание в виде принудительных работ на срок до одного года с конфискацией части имущества.

Столь значительное ужесточение мер наказания в отношении самогонщиков было обусловлено рядом причин: 1) неэффективностью запретительной антиалкогольной политики в отношении производства и продажи самогона; 2) потребностью государства в поставках зерна крестьянским населением по минимальным ценам, чему препятствовало самогонварение; 3) отменой сухого закона в 1924 г., положившей начало продаже водки, что повысило заинтересованность государства в поступлении доходов от продажи алкоголя в бюджет.

Ввиду усиления самогонварения в сельской местности, в конце 1924 г. начальником административного отдела милиции Алтайской губернии было дано секретное распоряжение о включении в число прочих мер борьбы с

¹¹² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 51. Л. 48-48об., 55.

¹¹³ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовного Кодекса РСФСР». [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18775#07094197136024506> (дата обращения: 17.03.2018).

«самогонщиками» административной высылки тех из них, кто уже дважды судился по ст. 140 УК РСФСР¹¹⁴.

Новый УК РСФСР 1926 г. устанавливал значительные послабления в отношении самогонщиков (ст. 101-103)¹¹⁵: максимальная мера наказания предусматривала один год лишения свободы за изготовление самогона с целью промысла, в остальных случаях назначались принудительные работы на срок от 3 месяцев до 1 года или штраф. Фактически дела в отношении самогонщиков перешли в распоряжение административных органов. Широкая борьба с самогоноварением с привлечением правоохранительных органов в течение 1927 г. не проводилась, поскольку благодаря снижению цены на водку в городах удалось сократить продажи самогона. Очередной всплеск борьбы с самогонщиками произошел в 1928 г., когда были не выполнены планы хлебозаготовительной кампании и борьба с винокурением стала частью общей политики государства в деревне. Борьба за трезвость стала частью агитационной пропаганды, которая велась активными представителями общественности.

Массовое пьянство, как социальное явление, становилось причиной совершения различных хулиганских действий, широкое распространение которых привело к ужесточению мер в отношении борьбы с ними и переквалификации хулиганства из административных правонарушений и преступлений группы «Иные посягательства на личность и ее достоинство» (ст.176 УК РСФСР 1922 г.), в число уголовно-наказуемых деяний «против порядка управления» (ст. 74 УК РСФСР 1926 г.). В середине 1920-х гг. хулиганство стало основным опасным видом преступления, особенно в сельской местности, где хулиганские действия часто сопровождались тяжкими телесными повреждениями, поджогами и т.д.¹¹⁶ В отчетах алтайской губернской милиции большую озабоченность вызывали случаи

¹¹⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 2. Д. 15. Л. 38.

¹¹⁵ УК РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926, № 80, ст. 600.

¹¹⁶ Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 71.

детских хулиганств и большое число малолетних преступников, проходивших через заседания комиссии по делам несовершеннолетних. В течение 1922 г. ею были рассмотрены дела в отношении 400 человек несовершеннолетних правонарушителей-хулиганов¹¹⁷.

Одним из направлений подавления преступной активности являлась борьба правоохранительных органов с сопутствующими уголовной жизни атрибутами – притонами и проституцией. В ходе оперативных рейдов и агентурной работы уголовным розыском проводились обыски притонов и прочих мест скопления «сомнительных элементов». Статистика зарегистрированных на территории г. Барнаула в 1923 г. «хазок»¹¹⁸ воров, притонов по продаже самогона и содержанию проституток представлена в таблице 5.

Как следует из данных табл. 5, притоны по содержанию проституток и продаже самогона даже в совокупности составляли меньшее количество (20 мест), чем воровские «квартиры» (27), и все они базировались в отдаленных, менее приметных районах города (на горе, вблизи набережной). Это соотношение отражает общую картину преступности: кражи имели самые высокие показатели среди уголовных преступлений, проституция наряду с самогонварением и его незаконной продажей, являлись своеобразным сопровождением повседневной жизни криминального элемента. Обитательницы притонов оказывали содействие воров в хранении и сбыте краденого.

Таблица 5

Притоны, зарегистрированные уголовным розыском Алтайской губернии на территории г. Барнаула в 1923 г.

Районы города (согласно делению по оперативным секторам)	Количество
<i>Район Сад-город:</i>	
Притонов воров	4

¹¹⁷ Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. Л. 17.

¹¹⁸ «Хазы», иначе притон, квартира, угол на тюремном жаргоне «занимаемый на воле».

Продолжение таблицы

Продажа самогонки и содержание проституток	9
2-й и 3-й районы (от берега р. Барнаулки по 12-ю Алтайскую ул. и Московскому переулку):	
Притонов воров	12
Продажа самогонки и содержание проституток	4
4-й район (от берега р. Барнаулки по 8-й Алтайской и Московского переулка Оби до набережной):	
Продажа самогонки	5
5-й район («Гора»):	
Притонов воров	11
Продажа самогонки	1
Содержание проституток	1
Итого:	47

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 51. Л. 22-23.

Несмотря на то, что проститутки, согласно советской идеологии, считались «социально-паразитическим элементом», проституция не являлась уголовно-наказуемым деянием по УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. В начале 1920-х гг. меры борьбы с проституцией, согласно приказу Центрального Административного управления (ЦАУ) НКВД от 5 января 1924 за № 15с и данной на его основе органам милиции инструкции, были направлены преимущественно на притоносодержателей и сводников, т.е. на лиц, способствующих ее распространению. Однако в этом же году борьба с проституцией начала вестись еще и в поле социально-здравоохранительной инициативы.

На рапорт, поступивший в Административный отдел Алтайского губисполкома от начальника Барнаульской уездной милиции об отсутствии во вверенном ему оперативном районе проституции, был направлен ответ следующего содержания, опровергающий правдивость предоставленных данных: «Из собранных с мест на основании запроса Алтгубздрава от 1-3 апреля 1924 г. за № 1014 сведений усматривается, что милицией по всей губернии в 1924 г. было раскрыто 4 притона разврата, из коих 3 в городе Барнауле, существовавшие под предлогом прислуги, проживающей в качестве безработных, и 1 в городе Рубцовске, где к молодой вдове под предлогом ночевки ходят молодые женщины и девушки. Подтверждают

предположение о неполноте сведений Алтгубздрава о числе притонов, данные алтайского уголовного розыска¹¹⁹. Приведенная переписка свидетельствует о том, что уездная милиция занижала показатели по зафиксированным случаям проституции и притоносодержательства, вероятно в силу того, что на милицию и без того приходилась большая нагрузка в связи с недостаточной укомплектованностью кадрового аппарата. Проституция при этом не являлась уголовным преступлением, поэтому органы милиции позволяли себя некоторое попустительство в отношении данного вида деятельности.

Административный отдел Алтайского губисполкома охарактеризовал работу милиции по борьбе с проституцией как «крайне слабую» и потребовал составить объективную статистику: «1) О количестве открытых домов-притонов; 2) О количестве задержанных лиц, заподозренных в действиях, предусмотренных ст. 170 и 171 УК РСФСР; 3) О количестве зарегистрированных женщин, занимающихся проституцией. И независимо от всего этого сообщить свои соображения о способах и методах борьбы с проституцией, которые бы было желательно провести в жизнь по местным условиям»¹²⁰.

Распространенность различных видов преступления в конце губернского периода можно установить на основе сведений о составе заключенных Алтайского губернского ИТД (табл. 6).

Таблица 6

Распределение следственно-заключенных Алтайского губернского ИТД по характеру предъявленных обвинений, апрель–август 1925 г.

Виды преступлений	Число преступлений	
	Абс.	%
Грабежи-кражи	162	32,9
Убийство или покушение на убийство	110	22,3
Разбой	53	10,7
Половые преступления	51	10,3
Должностные преступления	36	7,3

¹¹⁹ ГААК. Ф. Р-39. Оп. 2. Д. 11. Л. 47.

¹²⁰ Там же.

Подлоги	26	5,3
Телесные повреждения	17	3,4
Подделка дензнаков	17	3,4
Против порядка управления	14	2,8
Государственные преступления	4	0,8
Мошенничество	3	0,6
Хозяйственные преступления	1	0,2
Итого:	494	100

Посчитано по: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 81. Л. 334.

Среди следственно-заключенных ИТД по характеру предъявленного обвинения самую значительную категорию составляли грабители и воры – 32,9%, убийцы – 22,3%, осужденных за разбой было 10,7%, насильников – 10,3%, лиц, совершивших должностные преступления – 7,3%. Таким образом, картина социальной девиации на Алтае в 1925 г. была представлена преимущественно уголовными правонарушениями в сфере имущественных преступлений и преступлений против личности. К концу первой половины 1920-х гг. в Алтайской губернии наблюдалось снижение показателей уголовной преступности, в сравнении с началом десятилетия, однако зафиксированный спад был вызван переквалификацией ряда дел в 1924–1925 гг. из уголовных в административные (самогоноварение, вырубка леса, хулиганство), которые по-прежнему продолжали оставаться широко распространенными в регионе преступлениями. В Барнаульском округе в 1925 г. количество уголовных дел, поступающих в судебные учреждения, сократилось на 42,5% (табл. 7), а количество осужденных уменьшилось на 17,9% в сравнении с предыдущим годом¹²¹.

Таблица 7

**Поступление уголовных дел по судебным учреждениям
в Барнаульском округе**

Год	Нарсуды	Окрсуды	Всего
1923	9412	1075	10487
1924	15492	2499	17991
1925	7165	3178	0343

Источник: ГААК. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 86. Л. 15.

¹²¹ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 86. Л. 15-15об.

Сокращение показателей уголовной статистики, начиная с 1925 года, подтверждается и статистическими данными в масштабах РСФСР (таблица 8)¹²².

Таблица 8

Преступность в РСФСР в 1920-1926 гг. (1923 г.=100%)

Прошло через:	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Нарсуды	78	108	104	100	115	68	74
Губсуды	60	68	68	100	217	135	134
Итого	77	107	107	100	119	71	77
Милиция и уголовный розыск	-	-	153	100	123	123	111
Население мест заключения	-	-	81	100	122	135	150
Административные взыскания	-	-	-	100	216	445	585

Источник: Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. М., 1928. С. 18.

При этом количество заключенных в местах лишения свободы в 1925 г. и число административных правонарушений увеличились на 13% и 31,5% соответственно. Повышение этих показателей соотносится с ужесточением карательной политики и мер, принимаемых в отношении различных категорий правонарушителей (в частности, в отношении хулиганов), что способствовало росту числа заключенных, а также переквалификацией в 1924 г. ряда распространенных преступлений из уголовно-наказуемых в административные (незаконная вырубка леса), что сказалось на изменениях статистики административных взысканий.

Общее состояние преступности на Алтае в конце губернского периода – в 1924–1925 гг. – характеризуется скорее, как стабильное, о чем свидетельствует статистика преступлений, зарегистрированных губернской милицией (табл. 1).

Статистика о распространенности тех или иных видов преступлений в округах бывшей Алтайской губернии в период существования Сибкрая (1925–1930 гг.) представлена в источниках менее полно, нежели в

¹²² Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. М., 1928. С. 18-19.

предшествующий период. Произошедшие в данный период территориально-административные изменения отразились и на содержании статистических отчетов, которые в большинстве случаев представляют информацию об общем уровне преступности в Сибкрае.

По данным окружной милицейской статистики, в период с 1925 по 1927 г. уровень уголовной преступности в главном алтайском округе – Барнаульском, имел следующие показатели:

Таблица 9

**Количество зарегистрированных преступлений
по Барнаульскому округу в 1925-1927 гг., по данным милиции**

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Количество преступлений, зарегистрированных милицией	7 162	8 717	10 076
Уменьшение/увеличение, в %	+38%	+22%	+15,6%

Составлено по: ГААК. Ф. Р-110. Оп.1. Д. 6. Л. 23об, 30-30об; ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 14, 35.

Динамика изменения числа преступлений в 1925–1927 гг. показывает, что несмотря на количественный рост преступлений, темпы их прироста год от года сокращались, это означает, что милиции удавалось сдерживать рост преступности в результате проводимых оперативных мероприятий¹²³.

Барнаульская милиция объясняла увеличение преступности в округе в данный период рядом причин: низкий урожай 1924 г., прогрессирующий рост безработицы, резкое расхождение цен на продукты сельского хозяйства и промышленности (так называемые «ножницы цен»), рост мелких преступлений (хулиганства).

Судебные органы в данный период отмечали рост числа дел по таким видам преступлений как хулиганство, половые преступления, растраты и убийства. Отмечалось уменьшение хозяйственных, воинских преступлений, правил нарушения отделения церкви от государства. Положительные результаты были достигнуты в сокращении случаев скотоконократства: в

¹²³ ГААК. Ф. Р-110. Оп.1. Д. 6. Л. 23об.

1926 г. показатели данного преступления в округе по отношению к предыдущему году сократились на 39%¹²⁴. Раскрываемость преступлений в округе находилась на довольно высоком уровне: 61–69%, при этом большие показатели раскрываемости были характерны для сельской местности ввиду меньшей мобильности населения, особенно это проявлялось при раскрытии небольших правонарушений – бытовых краж, мелких хулиганств¹²⁵.

По отчетным данным уголовного розыска, в Барнаульском округе в 1926 г. имущественные преступления составляли 38,7%, преступления против личности – 26,7%, должностные преступления – 13,9%, приготовление и сбыт спиртных напитков – 10,9%¹²⁶. Барнаульский окружной административный отдел по итогам первой половины 1927 г. отмечал, что в сравнении с предыдущим отчетным периодом (2 пол. 1926 г.) в округе наблюдалось увеличение случаев хулиганства на 37%, убийств – на 13%, краж – на 25%¹²⁷. Преступления против личности (убийства и причинение телесных повреждений) зафиксированы преимущественно на почве семейных неурядиц, ревности, избавления от алиментов, по неосторожности в пьяных драках. Кражи увеличились в связи с активностью «гастролеров» и ростом числа беспризорников. По итогам 1927 г. в округе был вновь зафиксирован общий рост преступности на 15,6%¹²⁸. Общий прирост произошел из-за резкого увеличения таких преступлений, как причинение тяжелых телесных повреждений – на 45,4%, скотоконократство – на 94,2%, грабежи – на 47%, самогоноварения – на 13,6%, убийств – 14,2%, квалифицированные кражи – 13,4%. Преступления против личности, кражи скота имели выраженные сезонные колебания, в летнее время их количество значительно увеличивалось в силу естественных обстоятельств (большая социальная активность населения, выгон скота на пастбища).

¹²⁴ Барнаульский округ. Статистическо-экономический обзор. Барнаул, 1927. С. 70-71.

¹²⁵ Там же. С 69.

¹²⁶ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 6. Л. 30-30об.

¹²⁷ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 20.

¹²⁸ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 35.

Примечательно, что милиция относилась к снижению доли хулиганских преступлений на проведенную кампанию по военизации населения¹²⁹, преследовавшую целью вовлечь население в оборонное движение, для чего использовалась пропаганда военной угрозы. Особенно масштабная кампания была проведена Сибкрайкомом в 1927 г. в связи с разрывом дипломатических отношений с Англией. В ходе кампании по военизации комсомольский актив, как правило, состоявший из молодых людей, получал на руки личное оружие. Исследователь В.И. Исаев отмечает, что военизация молодежи Сибири создавала благоприятные условия для революционного экстремизма и провоцировала ряд случаев, в которых молодые люди становились зачинщиками незаконных актов и расправ в отношении политически нелояльных граждан, в том числе на территории алтайских округов¹³⁰. В связи с этим выводы окружной милиции не представляются достаточно обоснованными, поскольку данное явление имело противоречивые последствия в отношении соблюдения правопорядка.

Увеличение числа краж в 1927 г. органы милиции и уголовного розыска связывали с наплывом профессионального преступного элемента, едущего в Семипалатинск на строящуюся Туркестанскую железную дорогу¹³¹. Высокий уровень городской безработицы также способствовал появлению социально-неустроенной прослойки граждан, потенциально способной пополнить ряды правонарушителей. Количество безработных только в г. Барнауле по данным на 1 октября 1925 г. составляло 2 191 чел., к 1 января 1926 г. этот показатель достиг уже 2 756 чел. (рост на 25,8%), через год число нетрудоустроенных увеличилось еще на 41% (3888 чел.)¹³². Наибольшую долю среди них составляли низкоквалифицированные рабочие, так называемые чернорабочие. Однако уже в 1927 г. половину всех безработных составляли

¹²⁹ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 35.

¹³⁰ Исаев В.И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е — начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3. История. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 63-70.

¹³¹ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 35-36.

¹³² Барнаулский округ. Статистическо-экономический обзор. Барнаул, 1927. С. 122.

промышленные рабочие, к которым относились строители, кожевники, металлисты, пищевики, текстильщики. Соответственно причиной для роста безработицы в городе являлось не только наличие прослойки низкоквалифицированной рабочей силы, превышающей фактический спрос на нее, но и сокращение числа предприятий, повлекшее увеличение числа нетрудоустроенных граждан (в 1925 г. был остановлен мыловаренный завод, в 1927 г. – завод «Молот и Серп», работа маслобойного завода была парализована пожаром, произошедшим в 1926 г.)¹³³.

Статистика преступности по Барнаульскому округу за 1927 г. демонстрирует не только количественный прирост преступлений, но и некоторую смену состава криминального контингента. Преступления, по которым увеличились показатели (убийства, тяжелые телесные повреждения, грабежи, кражи лошадей и скота, прочие кражи) в большей степени относятся к деятельности профессиональных преступников-рецидивистов, а не мелких уголовников¹³⁴. Изменения в составе преступлений могли быть вызваны рядом факторов: началом строительства Турксиба, способствовавшего притоку профессионального уголовного элемента в регион, также давало о себе знать неблагоприятное экономическое состояние населения в целом. В 1927 г. был усилен налоговый нажим на деревню и «кулаков», лишавший крестьян стимула к развитию собственного хозяйства, вынуждавший их искать лучшей жизни в городах.

Согласно отчету милиции, в Барнаульском округе в первом полугодье 1927 г. на каждую тысячу населения приходилось 9,8 преступников, во втором – 10,1. Показатели городской преступности составляли 28,2 преступников на 1 тыс. жителей в первой половине 1927 г., 29,8 – во второй (средний годовой показатель 29 случаев на 1 тыс. населения), показатели преступности в деревне за аналогичный период составили 7,6 на 1 тыс.

¹³³ Барнаульский округ. Статистическо-экономический обзор. Барнаул, 1927. С. 267.

¹³⁴ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 76. Л. 92.

жителей и 7,3 соответственно (в среднем 7,5)¹³⁵. С 1923 г., когда на 1 тыс. жителей алтайских городов приходилось 17,1 осужденных¹³⁶, по 1927 г. городская преступность увеличилась почти на 70%.

Для 1920-х гг. в целом был характерен количественный рост преступлений, совершаемых в городах, обусловленный особенностями городской среды и миграцией сельского населения. Доля преступлений, совершенных в алтайских городах, в 1922 г., составляла около 23%, в 1927 г. этот показатель достиг 30% от общего количества преступлений¹³⁷. Смене географии уголовной преступности также способствовали произошедшие законодательные изменения. Переквалификация в 1924 г. ряда уголовно-наказуемых деяний, распространенных в большей степени в сельской местности (незаконная вырубка лесов, самогонварение, потрава и др.), в административно-наказуемые привела к снижению показателей уголовной статистики в алтайских селах.

Согласно оценкам краевых правоохранительных органов за 1926 г., три из четырех алтайских округов – Барнаульский, Бийский и Рубцовский – относились к районам Сибкрая, имевшим повышенный уровень преступности. Доля преступлений, совершенных в четырех алтайских округах, составляла 16,5% от общесибирского показателя (табл.10).

Таблица 10

Распределение преступлений, зарегистрированных в алтайских округах в 1926 г., по видам

Округ	Бандитизм	Фальшивомонетничество	Растрата и подлог	Убийство	Половые преступления
Барнаульский	6	17	550	204	75
<i>В %</i>	<i>0,1</i>	<i>0,4</i>	<i>13,5</i>	<i>5,1</i>	<i>1,8</i>
Бийский	1	8	409	202	29
<i>В %</i>	<i>0,1</i>	<i>0,3</i>	<i>13,7</i>	<i>6,8</i>	<i>0,9</i>

¹³⁵ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 48.

¹³⁶ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 20. Л. 11-12.

¹³⁷ Алтайский ежегодник за 1921-1922 гг. Барнаул, 1923. С. 98-99; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 44. Л. 57.

Продолжение таблицы

Округ	Банди- тизм	Фальшиво- монетни- чество	Растрата и подлог	Убийство	Половые преступ- ления
Каменский	-	10	121	149	36
<i>В %</i>		<i>0,6</i>	<i>6,7</i>	<i>8,2</i>	<i>2</i>
Рубцовский	7	12	288	153	56
<i>В %</i>	<i>0,3</i>	<i>0,6</i>	<i>14,3</i>	<i>7,6</i>	<i>2,8</i>
Всего абс.	14	47	1368	708	196
<i>Всего, в %</i>	<i>0,1</i>	<i>0,4</i>	<i>12,6</i>	<i>6,5</i>	<i>1,8</i>
По Сибкраю всего:	203	309	6005	2876	2047
<i>По Сибкраю, в %</i>	<i>0,3</i>	<i>0,5</i>	<i>9,1</i>	<i>4,3</i>	<i>3,1</i>
Доля алтайских округов в краевой статистике, в %	6,9	15,2	22,8	24,6	9,6

Продолжение таблицы

Округ	Хулиганс- тво	Разбой и грабеж	Скотоконо- крадство	Кражи	Итого абс.	Итого в %
Барнаульский	767	80	336	2 051	4 086	37,5
<i>В %</i>	<i>18,8</i>	<i>1,9</i>	<i>8,2</i>	<i>50,2</i>	<i>100</i>	
Бийский округ	446	69	462	1 360	2 986	27,4
<i>В %</i>	<i>14,9</i>	<i>2,3</i>	<i>15,5</i>	<i>45,5</i>	<i>100</i>	
Каменский	620	38	179	658	1 811	16,6
<i>В %</i>	<i>34,2</i>	<i>2,1</i>	<i>9,9</i>	<i>36,3</i>	<i>100</i>	
Рубцовский	306	43	285	867	2 017	18,5
<i>В %</i>	<i>15,2</i>	<i>2,1</i>	<i>14,1</i>	<i>43</i>	<i>100</i>	
Всего абс.	2139	230	1262	4936	10900	100
<i>Всего, в %</i>	<i>19,6</i>	<i>2,1</i>	<i>11,6</i>	<i>45,3</i>	<i>100</i>	
По Сибкраю всего:	13357	1595	5341	34509	66242	100
<i>По Сибкраю, в %</i>	<i>20,1</i>	<i>2,4</i>	<i>8,1</i>	<i>52,1</i>	<i>100</i>	
Доля алтайских округов в краевой статистике, в %	16	14,4	23,6	14,3		16,5

Источник: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 136. Л. 3.

Как видно из таблицы 10, на алтайские округа приходилась значительная доля целого ряда преступлений: экономические правонарушения – растрата и подлог, фальшивомонетничество составляли 22,8% и 15,2% от общего числа преступлений данного вида, совершенных в

Сибирском крае, убийства – 24,6%, скотоконократство – 23,6%, разбой и грабеж – 14,4%, хулиганство – 16%. Таким образом, почти четверть таких преступлений, как растрата и подлог, убийства, скотоконократство совершались на Алтае.

Стоит отметить, что сравнительная распространенность различных видов преступлений по алтайским округам в основном соответствует аналогичным показателям по Сибирскому краю в целом. Наибольшее расхождение наблюдается по кражам: их доля в общем числе преступлений по Сибири на 6,8% превышает соответствующий алтайский показатель.

Серьезной проблемой во второй половине 1920-х гг., особенно для сельских жителей, оставался такой вид преступления, как скотоконократство. В алтайских округах он имел высокие показатели – 11,6%. Особенно распространенным данное правонарушение было в пограничных округах региона, через которые проще было сбывать ворованный скот: в Бийском – 15,5%, в Рубцовском – 14,1%. В Рубцовском округе скотоконократы орудовали активно, так как имели возможность перегонять скот и лошадей на продажу в Казахстан, в Бийском округе осуществлялся незаконный трансферт скота в Ойротию.

Согласно отчету начальника Шипуновской районной милиции¹³⁸, в сентябре 1926 г. ситуация в его районе с конократством чрезвычайно обострилась¹³⁹. По оперативным данным, на территории района орудовала шайка цыган и казахов-конократов, которые организовали переправку лошадей через станцию Аул в Казахскую АССР. Таким образом, в данном районе профессиональными группами конократов был налажен трансфер лошадей за пределы региона, после чего поимка и доказательство преступления становились крайне затруднительными. Однако в отдельных округах бывшей Алтайской губернии в борьбе с конократством были достигнуты положительные результаты: в частности, в Барнаульском округе,

¹³⁸ Шипуновский район с декабря 1925 г. был передан из Барнаульского округа в состав Рубцовского округа.

¹³⁹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 101. Л. 56.

где в первое полугодие 1925 г. было зафиксировано 163 случая пропажи скота, за аналогичный период 1926 г. поступило только 80 заявлений¹⁴⁰, т.е. количество преступлений данной категории уменьшилось вдвое. Однако отдельные достижения по борьбе со скотоконократством не давали устойчивого положительного результата. Уже зимой 1929 г. прокуратура края объявила 10-дневку борьбы с конокрадами во всех округах, в рамках которой предусматривалось ужесточение репрессивных мер по данному преступлению, чему способствовал очередной рост краж скота и активизация «скотоконократческих шаек». Органам суда и прокуратуры предписывалось применять административную высылку в отношении конократов-рецидивистов¹⁴¹.

На Барнаульский округ, как наиболее развитый в экономическом отношении и плотно заселенный среди алтайских округов, приходилась наибольшая доля зафиксированных в 1926 г. на Алтае преступлений – 37,5%. Большую часть от общего числа этих преступлений составляли кражи – 50,2%, далее следовал такой вид преступных деяний как хулиганство – 18,8%, на растраты и подлоги приходилось 13,5%, скотоконократство – 8,2%.

Примерно такой же, как и в Барнаульском округе, была ситуация с соотношением между различными видами преступности в остальных алтайских округах. Здесь кражи также находились на первом месте: в Бийском округе их доля составляла 45,5%, Рубцовском – 43%, Каменском – 36,3%. Большая распространенность краж в Барнаульском и Бийском округах, помимо более высокой плотности заселения, была обусловлена их образованием вокруг крупных городов, что само по себе способствовало высокой концентрации различного рода уголовных и полууголовных элементов, которые совершали имущественные преступления в местах массового скопления людей. Также на территории Барнаула и Бийска находились исправительно-трудовые учреждения, многие бывшие обитатели

¹⁴⁰ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

¹⁴¹ ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

которых после освобождения оседали тут же в городских центрах и на их окраинах.

Доля хулиганских преступлений в Бийском округе составляла 14,9%, в Каменском округе хулиганство имело очень высокие показатели – 34,2%, в Рубцовском округе – 15,2%. Средняя статистика хулиганских преступлений находится примерно на одном уровне (от 15 до 18%) во всех округах, за исключением Каменского.

На совещании по борьбе с преступностью, проходившем 2 октября 1926 г. в Каменском округе под руководством старшего помощника прокурора края Фриша, его участники отмечали невероятную распространенность хулиганских преступлений в округе. Среди факторов, способствующих их росту, указывались наличие большого количества пивных, особенно в центре города, что приводило к спаиванию рабочих, служащих и молодежи, отсутствие культурно-просветительной работы со стороны профсоюзов и периодической печати, а также досрочное освобождение из ИТД лиц, осужденных за хулиганство. Кроме того, снижению эффективности мер, предпринимаемых в отношении хулиганов, способствовали недостаточный штат милиции в округе и низкая профессиональная квалификация ее работников, отсутствие «летучей камеры», с помощью которой можно было бы проводить оперативные задержания нарушителей¹⁴².

Показатели Каменского округа были выше доли хулиганских преступлений в Сибирском крае, где они составляли 20,1% от всех преступлений. Органы милиции указывали на увеличение хулиганских преступлений в 1926 г. по всей Западной Сибири: по сравнению с 1923-1925 гг. число хулиганств возросло в 4-5 раз. В связи с этим в сентябре 1926 г. органами милиции была начата повсеместная кампания по усилению мер борьбы с хулиганством.

Высокие показатели этого вида преступлений в общей статистике преступности на протяжении 1920-х гг. объяснялись также широким

¹⁴² ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 101. Л. 83, 85-85об.

толкованием состава данного правонарушения согласно УК 1922 и 1926 гг. В УК РСФСР 1922 г. к хулиганству относились «озорные, бесцельные, сопряженные с явным неуважением к отдельным гражданам или обществу в целом действия» (ст. 176). В редакции УК РСФСР 1926 г. хулиганство определялось как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, буйство и бесчинство» (ст. 74). Под данные определения подходило множество действий, в связи с чем по статье «хулиганство» попадали «оскорбление матом, публичные беспорядки, вызывающее поведение на людях и т.д.»¹⁴³.

Исследователи отмечают, что широкое распространение различных хулиганских проявлений являлось неотъемлемой частью и характерной чертой уголовного мира советской России с началом нэпа и на протяжении 1920-х гг.¹⁴⁴

До середины 1920-х гг. крайне незначительная часть дел о хулиганских деяниях проходила через народные суды, поскольку в большинстве случаев наказание определялось в административном порядке. С началом кампании по борьбе с хулиганством в 1926 г., после выхода новой редакции Уголовного кодекса, наблюдается ужесточение политики в отношении данной категории преступников, что выразилось в рассмотрении дел о хулиганствах на заседаниях народных судов. Особенностью судопроизводства по хулиганским делам был довольно быстрый для тех лет срок рассмотрения дел: их рекомендовалось разбирать в первоочередном порядке в срок до 3-х месяцев. Несмотря на передачу дел о хулиганстве в суды, многие из них в результате проведения слушания прекращались (только по Каменскому округу в ходе кампании в 1926 г. были прекращены 477 дел¹⁴⁵), что дает основания говорить скорее о показательном значении

¹⁴³ ГААК. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 10. Т. 2. Л. 136.

¹⁴⁴ Панин Е.С. К вопросу о факторах активизации городского хулиганства в России в 20-е-начале 30-х гг. XX века. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Т. 11, № 6, 2009. С. 139-143.

¹⁴⁵ ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 101. Л. 87об. По данному факту было разбирательство по вопросу эффективности ведения дознания органами милиции поскольку более 400 следственных дел находились в состоянии дознания.

данных заседаний, нежели о серьезном ужесточении мер в отношении хулиганских проявлений. По крайней мере, суды и присяжные не были готовы к применению серьезной репрессии по значительному количеству дел о хулиганствах и не усматривали состава преступления, что вызывало протест и недоумение у представителей милиции и прокуратуры.

Сибирский краевой административный отдел (СКАО), характеризуя состояние хулиганских преступлений в 1926 г., указывал, что с 1925 г. хулиганство стало преимущественно уделом городов и рабочих районов, эта тенденция сохранялась и в последующие годы. Согласно статистике, в Сибкрае в 1926 г. на каждые 1000 человек городского населения приходилось 140 человек хулиганов, на 1 тыс. сельских жителей – 38¹⁴⁶.

В ходе кампании по борьбе с хулиганством 1926 года, помимо уголовной ответственности, к административным наказаниям в виде штрафов и исправительно-трудовым работам по Сибкраю были привлечены около 21 тыс. чел¹⁴⁷.

Широкое распространение хулиганства во второй половине 1920-х гг. требовало со стороны правоохранительных и судебных органов особого внимания для установления контроля над ситуацией. Борьба с хулиганами велась в порядке массовых кампаний с подключением всех структур правопорядка. Циркулярное распоряжение ЦАУ и НКВД от 4 января 1927 г., разосланное правоохранительным и судебным органам округов, предписывало устраивать в отношении хулиганов показательные процессы с привлечением широких масс, подвергать их жестким репрессиям – выселять согласно ст. 49 УК РСФСР осужденных за хулиганство дважды за последние три года¹⁴⁸. По городам для «отлова» хулиганов и дебоширов предписывалось создавать дежурные камеры или «летучки», что позволяло

¹⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-20. Д. 136. Оп. 1. Л. 5.

¹⁴⁷ Кузнецов Д.Е. Борьба с хулиганством сотрудников милиции Западной Сибири во 2-й половине 20-х гг. XX в. [Электронный ресурс] // Горизонты образования: электрон. науч. журн.: мат-лы 11-й всерос. науч.-технич. конф. аспирантов и молодых ученых: Наука и молодежь 2014. Барнаул, 2014. Вып. 16. URL: http://edu.secna.ru/media/f/history_tez_2014 (дата обращения 20.01.2018).

¹⁴⁸ ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

сотрудникам милиции оперативно в массовом порядке задерживать нарушителей.

Однако уже к концу 1927 г. на заседании фракции ВКП(б) Сибирского краевого исполкома была выдвинута инициатива о смягчении карательной политики и необходимости более точной классификации судебными органами хулиганских деяний. Поскольку обследование дежурных камер по борьбе с хулиганством в Новосибирске, Красноярске и Барнауле свидетельствовало о том, что «борьба с хулиганством в городах бьет главным образом по рабочему, который, выпив во время зарплаты, в большинстве случаев безобидно дебоширит на улице, в пивной или дома»¹⁴⁹. В связи с чем судебным органам предлагалось «смягчить» приговорную деятельность в отношении не судившихся ранее «рабочих, выпивающих в день зарплаты», а также «считаться с вековыми навыками деревни, борьбу с которыми надо вести не путем усиления репрессии, а путем углубления культурно-просветительной работы»¹⁵⁰.

Власти предложили судебным органам не только смягчить репрессии по отношению к рабочим и батракам, но и стараться прибегать к мерам «материального воздействия к имущим группам населения»¹⁵¹, избегая массовых задержаний, что позволяло частично нивелировать ужесточение карательной политики в отношении хулиганов.

Для борьбы с особо опасным видом преступлений – уголовным бандитизмом в Сибири использовались и внесудебные органы. Распространение случаев уголовного бандитизма в Сибири в 1925 г. привело к распоряжению со стороны ЦИК СССР от 16 декабря 1925 г. о создании при ПП ОГПУ Сибкрая специальной тройки для вынесения приговоров по данным делам. Если в начале 1920-х гг. «чрезвычайные тройки» создавались для оперативной расправы над политическими врагами советской власти, то в середине 1920-х гг. тройки были реанимированы уже для борьбы с

¹⁴⁹ ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 6. Л. 37.

¹⁵⁰ Там же. Л. 38.

¹⁵¹ Там же. Л. 70.

уголовниками. В 1925 г. тройка ПП ОГПУ Сибирского края вынесла приговоры в отношении 934 уголовников (из них 53,1% к высшей мере наказания), в 1926 г. – 695 чел. (40,7% к ВМН), наиболее масштабной ее деятельность была в 1927 г. – 1351 чел. (48,3% к ВМН). В 1928 г. тройка стала выносить приговоры в отношении «кулаков», в связи с чем количество дел, рассмотренных ее по уголовному контингенту значительно сократилось и составило только 282 приговора (из них 46,1% к ВМН)¹⁵².

Динамика преступности в Сибкрае на протяжении 1925-1929 гг. не имела устойчивых положительных тенденций: периоды спада преступной активности в регионе сменялись очередным ростом правонарушений (таблица 11).

Таблица 11

**Движение преступности в Сибирском крае в период с 1925-1929 гг.
(на 1000 населения)**

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	I полугодие 1929 г.
Все преступления	20,53	16,03	18,61	15,45	7,46

Источник: Административный вестник. 1930. № 6. С. 51–56.

В 1927 г. в крае был зафиксирован очередной рост преступности, особенно в городах. Неблагоприятным фактором, обусловившим приток преступного контингента в города, стала амнистия 1927 г., проведенная в честь десятилетия Октябрьской революции, в результате которой более 40 тыс. заключенных Западной Сибири практически единовременно оказались на свободе – в городах, где находились места заключения¹⁵³. На Алтае с июля 1927 г. по июль 1928 г. также отмечался рост преступности в городской среде на 15,2%, в сравнении с предыдущим отчетным годом¹⁵⁴. В 1928 г. в Барнауле наблюдалась тенденция к росту имущественных преступлений и

¹⁵² Папков С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 131-133.

¹⁵³ Михеенков Е.Г. Особенности реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири. // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. № 27. С. 95.

¹⁵⁴ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.

преступлений против порядка управления, среди которых на первом месте были хулиганство и незаконный сбыт спиртных напитков¹⁵⁵.

В конце 1920-х гг. борьба с отдельными видами преступлений все чаще велась чрезвычайными методами – организацией «кампаний», «10-дневок» и т.п. Подобные инструменты позволяли органам правопорядка в короткий срок представить результаты проделанной работы, особенно часто подобные методы борьбы велись в отношении конокрадов, самогонщиков. С 1928 г. особое внимание местными властями и правоохранительными органами уделялось борьбе с самогоноварением, поскольку распространение данного явления угрожало срывом государственной хлебозаготовительной кампании. Административный отдел Сибкрайисполкома 22 августа 1928 г. разослал в районные административные отделы и городские отделения милиции распоряжение о необходимости подготовки к сезону сбора урожая и усиления борьбы с самогоноварением¹⁵⁶. В целом акцент в деятельности правоохранительных органов в 1928-1930 гг. во многом сместился в сторону борьбы с хозяйственно-политическими преступлениями. Милиции была отведена значительная роль в соблюдении государственных интересов по выполнению планов сдачи зерна крестьянскими хозяйствами, при этом внимание к уголовной преступности со стороны правоохранительных органов, за исключением хулиганских действий и самогоноварения, несколько ослабло, о чем можно судить, основываясь на содержании отчетной и распорядительной документации данного периода.

При этом в целом уровень уголовной преступности в конце 1920-х гг. в Сибирском крае пошел на спад (табл. 11). Такая же тенденция, согласно статистике уголовного розыска, имела место и в Барнаульском округе: в первой половине 1929 г. на 1 тыс. человек населения регистрировалось в среднем 8,7 уголовных дел, а во втором полугодие 1929 г. этот показатель

¹⁵⁵ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 1 Д. 77. Л. 113.

¹⁵⁶ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 378. Л. 21.

уменьшился до 5,3 преступлений¹⁵⁷. Таким образом, количество зарегистрированных преступлений на 1 тыс. населения в течение 1929 г. составляло 14 случаев, в 1927 г., как указывалось выше, этот показатель равнялся 19,9, т.е. к концу 1920-х гг. уровень уголовной преступности в округе в среднем уменьшился почти на 30%.

Можно предположить, что на положительные изменения повлияло ужесточение карательной политики в отношении уголовников, выразившееся в том числе в привлечении внесудебных органов к вынесению приговоров определенным категориям преступников. Кроме того, нельзя отрицать влияния социально-политической обстановки в стране в конце 1920-х гг., связанного с началом применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок и реализации политики «раскулачивания», в ходе которой ресурсы правоохранительной системы активно привлекались на обеспечение ее проведения, что способствовало ослаблению внимания к учету и борьбе с уголовной преступностью.

Несмотря на уменьшение количественных показателей общего уровня преступности, отдельные виды правонарушений, характерные для данного периода, доставляли правоохранительным органам множество проблем в связи с серьезными последствиями, к которым приводило их распространение. Так, во второй половине 1929 г. в крае вновь участились случаи уголовного бандитизма, что при большом количестве оставшегося на руках со времен Гражданской войны у населения огнестрельного оружия создавало опасные уголовные прецеденты¹⁵⁸. В связи с чем, правоохранительными органами в Сибкрае была начата кампания по борьбе с социально-опасными уголовными преступлениями, в число которых кроме уголовного бандитизма были включены разбой, грабеж, кражи, притоносодержательство и шинкарство¹⁵⁹.

¹⁵⁷ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 76. Л. 110.

¹⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 30. Л. 21-22 об.

¹⁵⁹ ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 3. Л. 34; Ф. Р-917. Оп.1. Д. 10. Т. 2.

В конце 1920-х гг. уголовную статистику в том числе определяли факторы и последствия начавшегося в январе 1928 г., после визита Сталина в Сибирь, административного нажима на деревню при проведении хлебозаготовок. Общая социальная обстановка в данный период была беспокойной, чему способствовали сопротивление крестьян несправедливой политике государства. Новый сельскохозяйственный налог, введенный Постановлением ВЦИК и СНК 21 апреля 1928 г., изменил систему налогообложения крестьянских хозяйств по принципу доходности и прогрессивного расчета, что губительно сказалось на материальном положении крепких крестьянских хозяйств и способствовало нарастанию социально-политического кризиса в деревне. Многие крестьянские семьи, спасаясь от раскулачивания, бежали в города, пополняя слой материально-неустроенного населения. Наблюдавшиеся положительные тенденции в отношении снижения общего уровня преступности носили противоречивый и непродолжительный характер на фоне сложной социально-политической обстановки в регионе и тяжелого положения значительных слоев населения.

1920-е гг. являлись периодом становления правоохранительной системы, которое было сопряжено с ошибками и упущениями в работе. В указанный период система правоохранительных органов не была способна полностью установить контроль над уровнем преступности в регионе. Сложная социально-политическая и экономическая ситуация в стране и регионе, нехватка кадрового состава в органах милиции создавали благоприятную почву для роста уголовных преступлений. Доказательством чему служит обострение криминогенной ситуации по различным видам преступлений в определенные годы, что требовало проведения кампаний и мобилизации правоохранительных ресурсов на борьбу с отдельными правонарушениями. В течение 1920-х гг. на Алтае регулярно проводились кампании по борьбе с бандитизмом, хулиганством, незаконным самогонварением (антиалкогольные кампании), «скотоконокравством».

1.2 Политика трудового и культурного перевоспитания заключенных в 1920-е гг.

Изучение политики советской власти в отношении уголовных преступников актуализируется обозначившимся в современной историографии интересом к исследованию политики государства в отношении массовых маргинальных групп населения, существовавших в советском социуме¹⁶⁰.

Политика в отношении преступников являлась составной частью социальной политики государства, которая была направлена на построение социально однородного советского общества¹⁶¹. Уголовники в этой системе социальных координат были определены общественной группой «социально-близкой» к рабочему классу, в связи с чем задачами пенитенциарных учреждений, кроме изоляции преступников, стали их перевоспитание и приобщение к труду.

В начале 1920-х гг. в Алтайской губернии существовало два дома заключения (ДЗ): губернский в г. Барнауле и уездного значения в г. Бийске. Алтайский губернский ДЗ был рассчитан на 350 штатных мест, уездный Бийский вмещал 150 человек. В 1923 г. в ведение Губернской инспекции по местам заключения были переданы три арестных дома в городах Барнауле, Бийске и Рубцовске, через которые в среднем за месяц проходили около 150 человек (подследственных или административно-наказуемых заключенных)¹⁶².

В октябре 1924 г. губернский и уездный дома заключения были переименованы в исправительно-трудовые дома (ИТД), в связи с введением

¹⁶⁰ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). / отв. ред. С.А. Красильников. Москва, 2017. – 600 с.

¹⁶¹ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918-1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 473.

¹⁶² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 336.

Исправительно-трудового кодекса, в соответствии с которым места заключения должны были иметь и развивать производственные базы, привлекая для работы в них заключенных¹⁶³. По ИТК РСФСР 1924 г., исправительно-трудовые дома являлись основным видом мест лишения свободы для применения мер исправительного характера.

Через Барнаульский дом заключения в течение 1922 г. прошло более 800 чел., в 1923 г. – более 1100 чел., в 1924 г. численность заключенных в ИТД в среднем в течение года находилась на уровне 900 чел. В течение 1925–1929 г. в окружном ИТД г. Барнаула содержалось от 700 до 2500 чел.

Динамика численности заключенных в Бийском ДЗ имела следующие характеристики: в 1922–1923 г. число заключенных в Бийском ДЗ составляло от 450 до 600 чел. ежемесячно¹⁶⁴, а в более поздний период в данном учреждении регулярно содержались не менее 400 заключенных¹⁶⁵.

По социальной принадлежности основную категорию заключенных составляли крестьяне. В 1923–1924 гг. доля крестьян среди обитателей алтайских домов заключения равнялась 74%, рабочих – 13%, «нетрудовых элементов» – 13%¹⁶⁶.

Высокая доля крестьян среди заключенных была связана с аграрной спецификой региона и преобладанием сельского населения. Широкое распространение и активная борьба с такими видами преимущественно «деревенских» правонарушений, как незаконное самогонарение и нарушение закона об охране лесов, также способствовали попаданию значительного количества крестьян в места заключения.

Обозначившийся во второй половине 1920-х гг. рост городской преступности привел к некоторым изменениям и в соотношении представителей различных социальных групп среди преступного контингента. Согласно сведениям за 1926 г., в Барнаульском окружном ИТД

¹⁶³ ИЦ ГУ МВД России Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15.

¹⁶⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 330.

¹⁶⁵ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. С. 76.

¹⁶⁶ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 184.

60% арестантов являлись крестьянами, 32–33% – рабочими, 7–8% – выходцами из других групп населения¹⁶⁷. Таким образом, несмотря на то, что крестьянское население являлось преобладающим среди обитателей мест заключения, в результате роста социального расслоения, вызванного новой экономической политикой, роста безработицы в городах, доля рабочих (городского населения) среди заключенных в течение непродолжительного времени увеличилась более чем в два раза.

Традиционно преступная деятельность в большей степени была характерна для мужской части населения, которая и составляла основную категорию обитателей мест заключения. На протяжении 1920-х гг. доля мужчин в составе заключенных находилась на уровне 92–95%. Согласно статистическому отчету о составе заключенных в Алтайской губернии на 1923 г., мужчины в их числе составляли 94,4%, женщины – 5,6%¹⁶⁸. Значительных изменений в соотношении мужского и женского контингента во второй половине 1920-х гг. не наблюдалось. Согласно различным ведомостям алтайских мест заключения, в 1925–1926 г. среди их обитателей доля мужчин в среднем составляла около 93%, на женский контингент приходилось 7%¹⁶⁹. Однако по отдельным видам преступлений доля женщин-уголовниц была выше среднестатистических показателей. Наибольшая доля женской преступности фиксировалась по таким видам правонарушений как имущественные преступления и преступления против личности. Согласно отчетным данным за 1922–1926 г., среди лиц, совершивших имущественные преступления, женщины составляли от 9 до 14%, преступления против личности – от 6,6 до 13,4%¹⁷⁰.

Сведения о возрастных характеристиках заключенных Алтайской губернии представлены в источниках довольно фрагментарно. Согласно имеющимся данным, средний возраст заключенных обоего пола в начале

¹⁶⁷ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6086. Л. 7об.

¹⁶⁸ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 20. Л. 11-13.

¹⁶⁹ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 55-58, 151об.-152.

¹⁷⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 20. Л. 11-12об.; Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 55-58, 151об.-152.

1920-х гг. составлял от 28 лет до 31 года¹⁷¹. Основную возрастную группу среди заключенных составляли лица молодого и среднего возраста. По данным за 1925–1926 гг., на заключенных в возрасте от 20 до 40 лет приходилось от 60 до 72% от общего числа¹⁷². Значительной во второй половине 1920-х гг. среди заключенных была доля молодежи в возрасте от 16 до 20 лет – около 20%¹⁷³. Большой процент молодежи в местах заключения во многом был обусловлен тем, что в данный период на территории Западной Сибири наблюдался значительный рост хулиганских правонарушений среди представителей данной возрастной категории (см. об этом в предыдущем разделе). В связи с этим правоохранительные органы вели активную борьбу с данным видом преступлений: в городах улицы патрулировали «летучие камеры», проводились массовые задержания хулиганов. Доля несовершеннолетних среди арестантов была невысокой и не превышала 1,5-2%.

Важной характеристикой состава заключенных является количество «срочных» и «следственных» среди них. Соотношение данных показателей позволяет судить об эффективности работы судебно-следственного аппарата, которая определяла скорость продвижения дознания по делам следственных заключенных, тем самым регулируя плотность населения и качество жизни в местах заключения. В течение 1922–1924 гг. доля следственных заключенных в среднем по Барнаульскому и Бийскому ДЗ составляла 42%, «срочников» – 57,6%, пересыльных – 0,4%¹⁷⁴. Соотношение данных категорий заключенных в последующие годы не претерпело значительных изменений: в Барнаульском ИТД в 1925–1926 г. на следственных

¹⁷¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 173-188.

¹⁷² Анашкин А.П. Становление советской системы принудительно труда (на материалах Алтайской губернии) // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 70.

¹⁷³ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 55-58.

¹⁷⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 334; Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6066 Л. 74.

заклученных приходилось 40,9% от общего числа, на срочных – 58,7%, пересыльных – 0,4%¹⁷⁵.

Несмотря на то, что большую часть населения мест заключения составляли срочнозаклученные, в отношении которых имелось постановление суда, вторую, близкую по численности, группу составляли подследственные заклученные, ожидающие постановления суда под стражей. Высокая доля следственных заклученных создавала для ИТД проблемы с излишней переполненностью, что негативно сказывалось на материально-бытовом положении заклученных. Проводимые для снижения переполненности мест заключения амнистии и «разгрузки» существенно не влияли на уменьшение численности следственных заклученных в ИТД, поскольку они применялись только к «срочникам». Наряду с недостатками в деятельности правоохранительных органов в данный период: затяжной характер ведения дознания и следствия, а также судебного рассмотрения, значительному количеству следственных заклученных способствовал общий высокий уровень преступности, наблюдавшийся на протяжении 1920-х гг. (см. п. 1.1.) Содержание данной категории заклученных являлось экономически обременительным для бюджета пенитенциарных учреждений, поскольку направление их на внешние работы, являвшиеся самым значительным источником средств, поступавших в бюджет мест заключения, было запрещено инструкцией ГУМЗ.

Необходимость принудительного привлечения к труду уголовных и асоциальных «элементов» была заявлена уже в самых ранних правовых актах советского правительства. Впервые роль труда как инструмента «перевоспитания» была определена в инструкции Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке

¹⁷⁵ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 55-58, 151-151об.

проведения его заседаний»¹⁷⁶. Однако становление исправительно-трудовой системы и применение «трудотерапии» для борьбы с преступностью и асоциальным образом жизни было процессом длительным и осложненным рядом серьезных социально-экономических факторов. Общественно-полезный труд становился средством не только перевоспитания правонарушителей, но и давал возможность сократить финансовые расходы государства на содержание мест заключения. Одним из наиболее ранних постановлений, определивших содержание пенитенциарной политики Советского государства, стало постановление Наркомюста от 23 июля 1918 года, утвердившее Временную инструкцию «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового»¹⁷⁷. Согласно данной инструкции, 1-е Отделение НКЮ должно было заниматься разработкой воспитательно-трудовых методов и исправительных мер, применимых в пенитенциарных учреждениях различного типа. В числе задач данного отделения были указаны: «Постановка работ вне стен тюрьмы. Принципы оплаты труда заключенных. Применение различных видов тюремного заключения и работ к отдельным категориям преступников. Принципы применения различного режима в связи с результатами действия исправительных мер. Профессиональное обучение. Общее образование и воспитание. Снабжение учебными пособиями. Создание кадров учителей для мест заключения. Организация курсов для работников в тюремном деле...»¹⁷⁸. Таким образом в стенах пенитенциарных учреждений заключенный должен был исправляться посредством физического труда и образования.

Труд заключенных использовался на «внешних работах» (т.е. за пределами мест заключения, как правило, на сторонних предприятиях или на общественных работах), а также в мастерских и фермах при исправительно-

¹⁷⁶ Инструкция Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 «О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» [Электронный ресурс] // Libussr.ru: информ.-справоч. портал. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_114.htm (дата обращения: 11.08.2016).

¹⁷⁷ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. С. 28.

¹⁷⁸ Там же.

трудовых домах. Задачей администрации мест заключения было привлечение к физическому труду максимально возможного числа заключенных не только в воспитательных целях, но и из-за заработков, которые они получали на платных работах.

Платными преимущественно являлись внешние работы, поэтому в связи с переходом большинства мест заключения на самообеспечение с 1 октября 1922 г., администрация данных учреждений была заинтересована в получении заявок на трудоустройство заключенных от различных организаций. Согласно данным из доклада начальника Алтайского губернского дома заключения 1923 г., основной статьей самостоятельного дохода домзака являлись внешние работы, которые давали 58,4 % от общих заработков¹⁷⁹.

Несмотря на то, что внешние работы приносили местам заключения самые значительные финансовые средства, устройство заключенных на эти работы затруднялось высоким уровнем безработицы, характерным для периода нэпа. Кроме того, допускаться на заработки вне зоны изоляции могла лишь ограниченная категория осужденных: срочно-заключенные, относившиеся к категории «исправляющихся».

Система ранжирования заключенных предусматривала деление контингента первично по составу совершенного преступления, а также в зависимости от соблюдения дисциплинарных норм. Все заключенные изначально относились к разряду «испытуемых», спустя определенный срок, по решению распределительной комиссии они могли быть переведены в разряд «исправляющихся», если не имели нарушений режима, в обратном случае – в разряд «штрафников». На внешние работы могли привлекаться только срочно-заключенные, относившиеся к категории «исправляющихся».

Использование труда заключенных на внешних работах затрудняла и нехватка конвоиров, которые этапировали заключенных за пределы территории ИТД. По отчетам начальника Бийского уездного домзака 1923 г.,

¹⁷⁹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 8, 11.

один надзиратель вынужден был присматривать за 20–30 работниками, поскольку увеличить число конвоиров не представлялось возможным. Хотя по правилам конвойной службы полагалось назначение одного наблюдателя на 3 человека, при групповых работах – 5 наблюдателей на 40 человек заключенных¹⁸⁰.

Возможность трудиться на внешних работах давала некоторые преимущества и самим заключенным: получение заработка (25% от заработанной суммы шли на счет работнику), улучшение питания в счет заработанных средств. Многие стремились оказаться на работах, чтобы получить возможность находиться на свежем воздухе, а не в переполненных и зловонных камерах, или пользовались представившейся возможностью для совершения побега.

Администрация мест заключения ввиду острой потребности в дополнительных заработках, а также из-за собственной халатности, направляла на внешние работы в том числе злостных преступников. Согласно докладу помощника прокурора Алтайской губернии Коренюка, в результате обследования 27 сентября 1922 г. домзака в Барнауле оказалось, что заключенные, осужденные за бандитизм и убийство, в нарушение режима не только не содержались в специально-изолированных камерах, но и допускались на внешние работы¹⁸¹.

Другой инцидент нашел отражение в переписке прокурора губернии с начальником Барнаульского ДЗ. С разрешения начальника дома заключения на внешние работы в качестве столяра был направлен один из строго осужденных заключенных (т.е. заключенный третьей категории – осужденный за серьезные преступления, рецидивист), что являлось нарушением приказа НКЮ № 34 от 19.07.1922 г., в связи с чем лицам, допустившим использование на внешних работах опасного преступника, грозила уголовная ответственность. Однако в данном случае прокуратура,

¹⁸⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

¹⁸¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-1об.

как надзорный орган, ограничилась лишь выговором в отношении начальника дома заключения¹⁸².

В целом несоблюдение правил по подбору заключенных для внешних работ со стороны администрации ИТУ имело место регулярно и определялось сужением состава заключенных, допускавшихся к таким работам (до 1923 г. на внешних работах допускалось использование в том числе следственных заключенных, а с этого времени – только «исправляющихся» срочно-заключенных), наличием неформальных доверительных отношений между заключенными и администрацией.

Несмотря на существующие сложности в организации внешних работ, в сентябре 1922 г. 290 чел. из губернского дома заключения были задействованы в качестве работников в 30 организациях (Приложение 1). Значительная часть заключенных работала на сельскохозяйственной ферме дома заключения – 18,9%, на железнодорожных путях – 13,4%, на опытном поле Алтайского губземотдела – 10,3%. Также заключенные губернского ИТД в 1924–1925 гг. по договору найма работали на заводе «Молот и Серп», на мельнице в селе Шилово, в художественной промышленной артели (Приложение 2). Однако задействовать на внешних работах в силу различных ограничений получалось не более 20% от общего состава заключенных¹⁸³.

Со второй половины 1920-х гг. ситуация с применением труда заключенных постепенно изменяется. Заключенные преимущественно используются на внутренних работах при ИТД, главным образом в строительстве и ремонте помещений различного назначения, а также на сельскохозяйственных работах. Внешние работы в сторонних организациях фактически отсутствуют в перечне мест трудоустройства заключенных. Так в декабре 1926 г. общее количество заключенных, занятых на внешних работах, составляло 619 чел., из которых 217 чел. (35%) – участвовали в ремонте здания под ИТД, из них 10 – на платных, 207 – на бесплатных, на

¹⁸² ГААК. Ф. Р-30. Оп.2. Д. 25. Л. 355-355об.

¹⁸³ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091. Л. 6об.

внутренних работах были заняты – 402 чел. (65%) из них, на платных – 319 чел. и на бесплатных – 83 чел.¹⁸⁴ Увеличение количества занятых на внутренних работах произошло благодаря расширению собственного производства и сельхозугодий ИТД, что давало дополнительные места для трудоустройства заключенных. Подобные изменения стали закономерными, поскольку отправка и устройство заключенных на внешние работы создавали большие сложности для администрации ИТД, а увеличение числа собственных рабочих площадок отменяло необходимость поиска заказов от сторонних предприятий и не требовало организации конвоя.

На внутренних работах в ИТД заключенные были заняты в различных мастерских, на сельскохозяйственных участках, на арендованном мыловаренном заводе, на собственной электростанции и типографии, в учебно-воспитательной части и т.д. Некоторые хозяйственные работы, которые выполняли заключенные в ИТД, были оплачиваемыми, однако из-за регулярного сокращения бюджета перечень данных работ постоянно сокращался. Так, в 1926 г. из числа оплачиваемых хозяйственных работ Барнаульского ИТД были исключены работы на кухне, в бане, обслуживание коридоров, продолжали оплачивать только работу на конюшне и в ассенизационном обозе¹⁸⁵.

Мастерские рабочей части являлись еще одним источником доходов, кроме внешних работ. Все заключенные, работающие в мастерских, согласно инструкции рабочей части, должны получать вознаграждение за свой труд (оплата была нефиксированной и зависела от нормы выработки), однако фактически выплаты задерживались по несколько месяцев. На данных видах работ администрация ИТД могла использовать не только заключенных «срочников», но и следственных¹⁸⁶.

В губернском ДЗ (с 1924 г. ИТД) действовали пимокатная и овчинная мастерские, в 1923 г. была построена паровая мельница

¹⁸⁴ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 48об.

¹⁸⁵ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091. Л. 4

¹⁸⁶ Там же. Л. 6-боб.

производительностью до 300 пудов зерна в сутки и просушка. Паровая мельница и просушка, кроме обслуживания внутренних нужд самого ДЗ, приносили доход, выполняя сторонние заказы.

В целом в губернском домзаке функционировали 18 мастерских: столярных – 2, сапожных – 2, портновских – 2, кузнечно-слесарных – 2, переплетных – 2, бондарных – 2, шорных – 2, жестяных – 2, пимокатная – 1, овчинная – 1¹⁸⁷. Указанные мастерские выполняли заказы самих ДЗ, местных учреждений и частных лиц. Кроме того, Барнаульский ИТД с 1924 г. арендовал мыловаренный завод на 2 года с ежемесячной оплатой 29 руб. в месяц и открыл слесарно-жестяную, мясную и другие лавки на базаре. Бийский ДЗ арендовал мельницу для производственных целей¹⁸⁸, также на территории дома заключения имелись ассенизационный обоз и сельскохозяйственная ферма¹⁸⁹. В Барнаульском ИТД с 1924 г. начала свою работу собственная пекарня, в Бийском – кузница и другие производственные мастерские, также заключенные использовались на отлове бродячих собак¹⁹⁰.

Большинство мастерских носили кустарный характер и были плохо оборудованы. Мастерские Барнаульского ИТД размещались во временных сараях бывшего лагеря военнопленных, т.е. в очень ветхих постройках¹⁹¹. Серьезным недостатком в деятельности мастерских было отсутствие оборотного капитала, который можно было бы использовать на их модернизацию и техническое оснащение с целью увеличения доходов. Заработков от работы мастерских хватало только на покрытие необходимых расходов, несмотря на то, что потребность рынка в производимых ими товарах была высокой. Самая крупная в Барнаульском ИТД пимокатная мастерская в 1925 г. получила крупный заказ от организации «Сибгосторг»,

¹⁸⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 339.

¹⁸⁸ Анашкин А.П. Становление советской системы принудительно труда (на материалах Алтайской губернии) // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 70.

¹⁸⁹ ГААК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 71. Л. 36об.

¹⁹⁰ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6066. Л. 75об.

¹⁹¹ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 84.

однако собственных мастеров из числа заключенных на выполнение работы в полном объеме было недостаточно, поэтому в качестве сдельщиков были привлечены частные пимокаты и кустари. В целом состояние производства в данной мастерской было одним из лучших, поскольку полученные от Госбанка кредиты позволяли ИТД закупать шерсть в Семипалатинске. В то время как работа некоторых других мастерских приостанавливалась из-за отсутствия средств на покупку сырья: в 1925 г. в течение полугода простаивали сапожная и слесарно-кузнечная мастерские¹⁹².

Небольшие площади помещений, отведенных под рабочую часть ИТД, не позволяли обучать в мастерских необходимое количество новых кадров из числа заключенных, что снижало их производительный потенциал. Однако по итогам 1924/1925 отчетного года деятельность рабочей части ИТД принесла более 7 тыс. рублей чистой прибыли, в то время как финансовый баланс предыдущего отчетного года был отрицательным из-за неумелого руководства администрации, оставившей за ИТД много задолженностей¹⁹³.

Собственное сельскохозяйственное подворье было важной финансово-продовольственной базой для организации питания и быта заключенных. Дома заключения каждый сезон брали в аренду сенокосы площадью от 200 до 450 десятин¹⁹⁴. Собственные огороды позволяли запасаться овощами для внутренних нужд, устраняя необходимость покупать их на рынке. Сельскохозяйственная деятельность мест заключения также постепенно набирала обороты. В 1922 г. при Барнаульском ДЗ появилась сельскохозяйственная колония, которая обрабатывала 75 дес. земли¹⁹⁵, в 1923 г. – уже 161 дес., к концу года площадь используемой земли увеличилась еще на 200 дес.¹⁹⁶ В 1924 г. Барнаульский ИТД засеял 223 дес. земли, а Бийский – 244 дес. земли. Имевшиеся в 1924 г. площади на следующий сезон предполагалось увеличить еще на 500 дес., с тем, чтобы развивать

¹⁹² ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 8, 84.

¹⁹³ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 93-94

¹⁹⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 340.

¹⁹⁵ Там же. Л. 339об.-340.

¹⁹⁶ Там же. Л. 340.

четырёхпольную систему земледелия, которая позволяла увеличить урожайность. На полях сельскохозяйственной колонии при Барнаульском ИТД сеяли пшеницу, овес, горох, гречиху, садили картофель, 4 десятины занимал огород с различными овощными культурами. Однако на территории колонии не было колодца, поэтому необходимо было привозить питьевую воду и возникали сложности с регулярным поливом огорода, так как искусственные пруды быстро пересыхали из-за песчаного характера почв¹⁹⁷.

Рабочая сила заключенных также применялась на бесплатных общественных работах за пределами ИТД. Заключенные привлекались в качестве дворников на городских улицах и мостовых, для очистки канализационных стоков. Несмотря на то, что эти работы не приносили прямых заработков для мест заключения, они экономили средства городского бюджета и создавали дополнительные трудовые площадки для отбывающих наказание заключенных. С организацией в 1923 г. деятельности бюро принудительных работ при общих местах заключения данные виды общественных городских работ перешли в их ведение.

Бюро принудительных работ должны были организовывать трудовые площадки и следить за исполнением приговора суда в отношении лиц, осужденных к принудительным работам без содержания под стражей. Как правило, подобные приговоры выносились в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, пьяниц, мелких хулиганов, не являвшихся рецидивистами. Главной целью организации бюро принудительных работ было ограждение мелких преступников и правонарушителей от негативного влияния мест заключения, а также разгрузка последних в связи с их переполненностью.

Однако в организации своей практической деятельности бюро столкнулись с серьезными трудностями. Согласно постановлению НКВД от 20 февраля 1923 г. (СУ №16 ст. 202) «О принудительных работах без содержания под стражей», осужденные к принудительным работам должны

¹⁹⁷ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091. Л. 29-29об.

направляться исключительно на работы, организуемые для мест заключения или в состоящих при них хозяйственных предприятиях, т.е. находящихся в ведомстве мест заключения (только по особому распоряжению Верховного суда принудработы могли отбываться на местах – вне мест заключения, при этом рекомендовалось направлять осужденных на работы наиболее тяжелые и опасные, выполнять которые не было желающих из числа безработных, состоящих на бирже труда)¹⁹⁸. Исполнение данного постановления для всех поступавших принудработников было невозможно в силу ограниченного количества рабочих мест. Начальник Бийского бюро принудительных работ при ИТД в отчете за 1924/1925 г. указывал, что «ввиду большой безработицы в городе, осужденных к принудительным работам за небольшим исключением пристроить не удастся», поэтому заработки, получаемые от принудработ составляли за январь–июнь 1924 г. только 1300 руб.¹⁹⁹

С аналогичными сложностями сталкивалось бюро принудительных работ при Барнаульском ДЗ (ИТД), что побудило начальника бюро Цыпина в 1925 г. направить запрос на имя начальника ГУМЗ НКВД Е. Ширвиндта с просьбой о возбуждении ходатайства перед НКЮ об отмене данной меры наказания («принудительные работы без содержания под стражей»). В своем докладе Цыпин подробно описывает недостатки в организации деятельности бюро: 1) для доставки «принудиловцев» по приговорам народных судов из районов необходим конвой²⁰⁰; 2) задействовать осужденных на платных работах в силу низкой профессиональной квалификации и при существующей безработице получается только в исключительных случаях; 3) большинство «принудиловцев» вынуждено направляются бюро в распоряжение рабочей части дома заключения, который и без того переполнен неквалифицированной рабочей силой, поэтому их задействовали на бесплатных хозяйственных работах²⁰¹. Кроме того, прибывая в город,

¹⁹⁸ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6066. Л. 133.

¹⁹⁹ Там же. Л. 74об.

²⁰⁰ Многих необходимо было сопровождать в Барнаул за 300-400 верст, в результате они могли более половины срока провести в дороге.

²⁰¹ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6066. Л. 136-137.

принудработники нуждались в жилье, те, кто не имел возможности получить угол у знакомых, вынуждены были скитаться. Многие из них голодали, так как получали от бюро только 1,5 фунта хлеба в день, по окончании срока они возвращались домой пешком. Все указанные в докладе сложности, по мнению начальника бюро, способствовали не исправлению, а попаданию «принудиловцев» в обстоятельства и среду, располагающую к преступлениям, а также появлению среди них обид на власть. Бюро предпринимало попытки хотя бы частично устроить быт принудработников. Начальнику бюро удалось получить в Доме крестьянина 7 мест для бесплатного размещения иногородних работников, прибывших в Барнаул²⁰². Однако данная мера, конечно не решала всех сложностей, связанных с необходимостью организации принудительных работ без содержания под стражей.

Использование принудработников на местах являлось оптимальным решением перечисленных выше проблем, но в этом случае административным органам данных населенных пунктов необходимо было отчислять в фонд бюро 25% от заработной платы. Сельские советы не имели на это средств, поэтому райисполкомы и другие учреждения не могли оставить «принудиловцев» для отбывания приговора суда по месту жительства.

ГУМЗ дало алтайскому бюро принудительных работ отрицательный ответ на запрос о возможности отказа от меры пресечения в виде принудительных работ без содержания под стражей: «частный случай Алтайской губернии не означает, что данная мера неэффективна»²⁰³.

В сложившейся ситуации Бюро ПР, не получив от ГУМЗ поддержки об отмене меры наказания в виде «принудительных работ без содержания под стражей», и не заручившись согласием прокуратуры на предложение об использовании принудработников при районных исполкомах на бесплатных

²⁰² ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6066. 152-153.

²⁰³ Там же. Л. 135.

работах, поскольку оно противоречило Кодексу Законов о труде и ИТК, вынуждено было бездействовать, так как вызывать граждан с мест для отбывания наказания по приговору суда было некуда. В результате только по Барнаульскому уезду накопилось более 300 неисполненных приговоров.

Положительные изменения в деятельности бюро принудительных работ на Алтае отмечаются только со второй половины 1920-х гг., когда в связи с изменениями в законодательстве работе бюро и их потребностям стало уделяться больше внимания со стороны центральных и местных органов власти. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 сентября 1926 г. инициировал организацию принудительных работ без содержания под стражей в качестве наказания для мелких нарушителей. Однако вторую жизнь данная мера наказания получила с выходом Постановлений ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» и 21 мая 1928 г. «Об изменении главы 4 Отдела 1 Исправительно-Трудового Кодекса», которые определили важность применения судами приговора в виде принудительных работ без содержания под стражей²⁰⁴. Данные изменения были вызваны не столько желанием реанимировать институт принудительных работ, сколько необходимостью разгрузить места заключения от излишнего контингента, среди которого значительную часть составляли краткосрочно осужденные (согласно данным по итогам первого полугодия 1928 г., около 43% заключенных по стране составляли осужденные на сроки до одного года лишения свободы²⁰⁵). Кроме того, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. установило бесплатность труда принудработников и сокращение заработной платы до

²⁰⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.03.1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 305; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. «Об изменении главы IV отдела первого Исправительно-трудового Кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20332#03619090187066969> (дата обращения: 12.11.2017).

²⁰⁵ Еженедельник советской юстиции. 1928. № 5. С. 158.

госминимума, лицам, отбывающим принудработы по месту службы²⁰⁶. Тем самым была предпринята попытка к увеличению числа рабочих площадок и их развитию в районных отделениях бюро принудительных работ, чему способствовало отсутствие необходимости оплаты труда.

На Алтае во второй половине 1920-х гг. окружным бюро принудительных работ удалось организовать районные представительства, что позволяло устраивать «принудиловцев» на работу по месту жительства. В Барнаульском округе в 1927–1928 гг. работали 14 районных бюро принудительных работ (т.е. в каждом районе).

Тем не менее, несмотря на законодательную инициативу, бюро принудительных работ не сразу стали играть заметную роль в государственной исправительно-трудовой политике. В ноябре 1928 г. по всем округам Сибирского края был разослан циркуляр НКЮ о необходимости налаживания «правильного темпа разрастания института принудительных работ»²⁰⁷. Многочисленные призывы о замене краткосрочного содержания под стражей на принудительные работы без заключения не имели необходимого результата. Суды по-прежнему продолжали выносить приговоры к лишению свободы на сроки до 1 года, что приводило к переполненности мест заключения.

На игнорирование принудительных работ без содержания под стражей в качестве меры наказания со стороны судебных органов указывается в докладе начальника Барнаульского окружного бюро ПР: «...до октября 1928 г. контора бюро, не имея ни одного штатного работника, находилась при канцелярии ИТД и числилась как один из столов по принудительным работам при ИТД, о его существовании почти никто не знал, и принудительными работами, как мерой социальной защиты никто не интересовался. Только в начале 1929 г., когда судебно-административные органы стали применять эту меру наказания часто, стал вопрос об

²⁰⁶ Эстрин А.Я. Основы и задачи советской уголовной политики // Эволюция советской уголовной политики / под ред. Е.Г. Ширвиндта. М., 1929. С. 41.

²⁰⁷ ГААК. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 10. Т. 1. Л. 61.

налаживании бюро и выделении такового в самостоятельную организованную единицу»²⁰⁸.

Аналогичная ситуация была выявлена по результатам проверки районных бюро в апреле 1929 г.: оказалось, что осужденных к принудительным работам без содержания под стражей фактически не задействовали на платных работах и сама деятельность была организована «спустя рукава». В районных представительствах бюро допускалось использование средств не по прямому назначению, для получения заработков принудработников по договорам устраивали в зажиточные хозяйства, не велся учет отработанных часов и производительности труда.

Существенной проблемой для бюро принудительных работ и их районных представительств являлись уклонения осужденных от отбывания наказания. В связи с неполной укомплектованностью районных отделений, постоянной ротацией кадрового состава, большой рабочей нагрузкой (на 1 милиционера в алтайских округах приходилось более 8 тыс. чел.) органы милиции не могли заниматься обеспечением присутствия всех принудработников на местах отбывания наказания, поскольку последние не находились под стражей²⁰⁹. Сами районные и окружные бюро, укомплектованные, как правило, только двумя сотрудниками, также не обладали необходимыми ресурсами, чтобы обеспечить явку своих подопечных на места отбывания принудительных работ. Таким образом, присутствие осужденных во многом зависело от их личного самосознания. В случае, если осужденным не соблюдалось постановление суда о порядке отбытия принудительных работ или он уклонялся от них, согласно ст. 40 ИТК, заведующий бюро мог наложить на нарушителя следующие взыскания: «а) перевод на другие работы, б) незачет в срок небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени; в) арест в дисциплинарном порядке

²⁰⁸ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 60. Л. 44.

²⁰⁹ Там же. Л. 22-24.

на срок до 14 суток с возбуждением ходатайства перед судом о замене меры социальной защиты или без такового»²¹⁰.

Статистика использования принудработников Барнаульским окружным бюро в 1929 г. представлена в таблице 12.

Таблица 12

Виды работ для осужденных Барнаульского бюро принудительных работ на 1 марта 1929 г.

Вид работы	В %
В м/з бюро, отд. милиции, Нарсуде, ГПУ, ОУР и ОАО ²¹¹	31,6
Уклоняется от работы ²¹²	27,7
Не привлечено к работе ²¹³	18,8
Больных	7,0
Работает по месту службы	5,0
В учреждения по договорам	4,7
В отпуске по разным причинам	3,9
Арестовано в дисциплинарном порядке	1,3
Всего:	100

Источник: ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 60. Л. 49.

Как следует из данных таблицы 12, в 1929 г. Барнаульскому бюро принудительных работ удалось привлечь к отбыванию наказания только 41,3% осужденных к ИТР. Доля «отказников» составляла 46,5%, которые уклонялись или не были привлечены к принудработам, 1,3% – были арестованы в дисциплинарном порядке, как злостные нарушители.

Несмотря на существование значительной доли «отказников», бюро необходимо было увеличивать количество трудовых площадок для привлечения максимально возможного количества принудработников к исполнению назначенного судом наказания. В 1929 г. Барнаульское окружное бюро принудительных работ заключило договоры на проведение лесоразработок, получило от городского коммунального хозяйства заказы на

²¹⁰ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7927#02970139236352701> (дата обращения: 12.10.2015).

²¹¹ Работники, которые заняты на лесозаготовках, очистке мостовых и реставрации горелых зданий, заключенных по договорам подряда.

²¹² Принудработники, на которых объявлен розыск и есть приводы.

²¹³ Принудработники, которым вручены повестки, но на работу они не вышли.

предоставление работников для очистки мостовой, реставрации горелых зданий, ремонта плотины. Также при бюро для работников были организованы кузнечно-слесарная и столярные мастерские, обозы по пассажирской и грузовой перевозке, взяты для посева 70 десятин земли. Эти мероприятия позволили постоянно обеспечивать 350-400 «принудиловцев» рабочими местами.

Тем не менее деятельность, которую курировало бюро принудительных работ, в конце 1920-х оставалась не организованной и малоэффективной. Кроме внутренних организационных сложностей, с которыми сталкивались данные учреждения, и отсутствия средств, на деятельность бюро оказывала влияние приговорная деятельность судебных органов. Суды применяли исправительно-трудовые работы без содержания под стражей в том числе в отношении лиц, не подходящих для исполнения данного вида наказания. Бывали случаи, когда на принудработы приговорами судов и административных отделов направлялись физически неспособные к этому люди (старики, больные и инвалиды), также эту меру социальной защиты применяли к рецидивистам, имеющим 2–3 судимости, «шермачам» и различного рода гастролерам, которых невозможно было привлечь к отбыванию срока принудительных работ²¹⁴.

Таким образом, применение труда в качестве средства перевоспитания на уровне всей пенитенциарной системы имело существенные недостатки. Организованные в местах заключения трудовые площадки не могли охватить весь контингент в силу ограниченного числа мест на внутренних работах, тогда как на внешние работы допускались только срочнозаключенные с хорошим поведением. По статистике 1926 года на платных и бесплатных работах было задействовано около 53,7% заключенных алтайских ИТД²¹⁵. Наличие большого количества следственных и строго осужденных, раздетых и больных заключенных, недостаток надзирателей и конвоиров не позволяли

²¹⁴ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 60. Л. 49.

²¹⁵ ГААК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 71. Л. 36об.

в полном объеме реализовать практику трудового «перевоспитания» криминальной части общества в условиях мест заключения. Однако несмотря на существующие сложности, статистика в течение 1920-х демонстрировала положительную динамику показателей трудовой занятости заключенных на Алтае. В РСФСР в 1928 г. доля заключенных, занятых трудом, составляла 39% от общего их числа, включая и следственных²¹⁶.

Бюро принудительных работ также не могло в полной мере реализовать социальный проект по исполнению наказания в виде «принудительных работ без содержания под стражей». Неудачи были обусловлены, с одной стороны, нехваткой финансовых ресурсов, необходимого числа рабочих мест для «принудиловцев», помощи со стороны административных органов и частных предприятий, с другой стороны, полномочия данного органа были ограничены отсутствием у него рычагов контроля и принуждения за исполнением наказания. Кроме того, реализация данного проекта не обошлась без формализма, который проявился в том, что судебные органы, обязанные выносить приговоры к «принудительным работам без отбывания под стражей» и способствовать разгрузке мест заключения, применяли данную меру наказания и к неподходящим категориям преступников (рецидивистам, опасным уголовникам). В результате эффективность проекта была невысокой, однако широкое применение принудительных работ в отношении различного рода правонарушителей закрепило на долгие годы понятие «общественные работы» в советском обществе и способствовало последующему развитию данного института.

Наряду с провозглашением и утверждением труда в качестве главного средства перековки уголовников в «людей социализма», большое внимание в пенитенциарных учреждениях уделялось повышению образовательного и культурного уровня заключенных. Впервые цели, задачи и роль культурно-просветительной работы в местах заключения на законодательном уровне

²¹⁶ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. I всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15-21 октября 1928 г. М., 1929. С. 17.

были определены в исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. Несмотря на то, что организация общеобразовательных учреждений в тюрьмах была предусмотрена еще Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере отбывания наказания и о порядке отбывания такового», повышенное внимание школьной работе среди заключенных начало уделяться уже в 1920-е гг.²¹⁷ Организация культурно-просветительной и образовательной работы была полностью возложена на администрации мест заключения, в связи с чем была введена должность заведующего учебно-воспитательной частью.

Важным направлением культурно-просветительной политики в местах заключения являлась работа по ликвидации безграмотности среди заключенных. Первые курсы ликбеза проводились в Барнаульской и Бийской тюрьмах на рубеже 1920–1921 гг.²¹⁸ Уроки, как правило, вели учителя из числа заключенных, имеющие соответствующий уровень грамотности и образования. Несмотря на то, что привлечение к педагогической и воспитательной деятельности заключенных было нежелательным явлением, администрация вынуждена была прибегать к этим мерам, в связи с необходимостью экономии средств, точнее их отсутствия, на оплату ставок учителей. Другой проблемой являлось частое нежелание гражданских педагогов обучать уголовный контингент, что провоцировало нехватку профессиональных учителей и частую ротацию кадров.

Все арестованные в зависимости от степени грамотности разбивались на три группы (неграмотные, малограмотные и грамотные) и проходили соответствующий обучающий курс. Для грамотных в зависимости от уровня развития заключенных должен был преподаваться курс школьных предметов. Занятия с неграмотными заключенными проводились ежедневно, с

²¹⁷ Быков А.В. Проблема организации школьного обучения в местах заключения Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2(6). С. 140.

²¹⁸ Анашкин А.П. Становление советской системы принудительно труда (на материалах Алтайской губернии) // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 71.

малограмотными – 4 раза в неделю. Посещение школ грамоты было обязательным для всех заключенных в возрасте до 50 лет²¹⁹.

Согласно отчету заведующего учебно-воспитательной части губернского дома заключения, в течение второй половины 1922 г. школу грамоты начальной ступени в этом заведении окончили только 39 человек. Организовать обучение для большего количества заключенных не было возможности, главным образом из-за отсутствия специального помещения. Иногда занятия в школе не проводились в течение нескольких месяцев по разным причинам: в ноябре 1922 г. – не было помещения, в сентябре 1924 г. – не было дров для его отопления, в ноябре этого же года – проводился ремонт и т.д. Также уроки отменяли из-за отсутствия надзора, т.е. сотрудников конвоя и охраны, которые могли бы сопровождать заключенных и следить за порядком во время занятий.

В среднем в 1923 г. через школьные курсы по ликвидации неграмотности в Барнаульском домзаке проходили порядка 55 человек ежедневно, за месяц занятия посещали от 400 до 1600 чел.²²⁰ В Бийском ИТД в 1924 г. в двух группах (неграмотные и грамотные) насчитывалось 60 заключенных²²¹. В 1924–1925 гг. в двух ИТД губернии в среднем обучались около 90 человек в группе безграмотных и 80 человек малограмотных заключенных ежедневно, таким образом охват заключенных увеличился на 48% в сравнении с 1923 г.²²². Количество заключенных, прошедших через обучение в школах грамоты, постепенно увеличивалось: так, в 1924 г. в губернном доме заключения обучение прошли 9559 чел., в 1925 г. их число увеличилось до 15 184 чел., или на 59%²²³. Количество учеников, обучавшихся в школе грамоты в разные месяцы, различалось, кроме

²¹⁹ Постановление Наркомюста РСФСР от 15.11.1920 «Положение об общих местах заключения РСФСР» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9642#06390993415070717> (дата обращения: 12.10.2017); Стручков Н.А. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917–1925 гг.). Вып. 1. Часть 1. 1984. С. 72.

²²⁰ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6086. Л. 3, 5.

²²¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 13об.

²²² ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6086. Л. 33, 63.

²²³ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 36. Л. 113.

естественной прибыли/убыли заключенных, оно зависело от необходимости отправки заключенных на внешние работы, которые являлись приоритетными, из-за чего они часто пропускали занятия.

В отчетах заведующих учебно-воспитательной частью Барнаульского ИТД сохранились некоторые сведения о содержании школьной программы²²⁴. Так, учащиеся начальной ступени на уроке русского языка знакомили с буквами, чтением букваря, правилами написания гласных после шипящих, переписывали отрывки текста. Ученики «старшей» группы изучали письмо заглавных букв русского алфавита, грамматические правила о письме сомнительных согласных: б/п, д/т, в/ф, з/с, понятие предложение, подлежащее сказуемое. Также преподавались практические навыки: умение поставить подпись, читать печатные и рукописные тексты, выполнять основные арифметические действия.

Сведения о деятельности учебно-воспитательной части в алтайских местах заключения во второй половине 1920-х гг. в источниках представлены более фрагментарно, тем не менее известно, что работа по ликвидации безграмотности среди заключенных продолжала вестись. По данным на 1 апреля 1926 г., в Барнаульском окружном ИТД около 70% заключенных «были охвачены школой»²²⁵. В 1927–1928 гг. ежедневно посещали занятия до 95 учащихся. В школе ликвидации безграмотности обучались 95 чел., в школе для малограмотных – 45 чел., кроме того в образовательной программе появилось новое направление – профессионально-техническая школа, которую посещали 45 чел.²²⁶ В рамках этой школы заключенные получали профессиональные знания и навыки, как правило, по тем специальностям, которыми они могли овладеть в производственных мастерских ИТД. В разное время проводились краткосрочные курсы пчеловодов, счетоводов, типографских работников, давались знания о

²²⁴ ГААК. Ф. Р-33. Оп.1. Д. 6084. Л. 17-18.

²²⁵ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 36. Л. 139.

²²⁶ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 72. Л. 99.

кузнечном, столярном, сапожном ремесле²²⁷. Во второй половине 1920-х гг. для «учеников» школы начали регулярно устраивать итоговые экзамены.

Кроме обучения грамоте в местах заключения проводилась внешкольная работа, которая включала беседы и лекции с заключенными на различные темы, организацию кружков. Лекции и беседы проводились в камерах, в качестве лекторов преимущественно выступали сами заключенные. Согласно отчетам учебно-воспитательной части, ежемесячно заключенным прочитывалось от 50 до 100 лекций и бесед на различные темы²²⁸. За месяц лекции посещали порядка 3 тыс. заключенных²²⁹.

Осужденным читались лекции, направленные на развитие политической культуры, получение практических знаний, привитие дисциплины и т.д. Были прочитаны доклады по темам «Сельское хозяйство», «Землеустройство», «Пчеловодство на Алтае», «Строительство Советского государства», «Конституция», «Международное и внутреннее положение советского государства», «Что такое ВКП(б)», «Профсоюзы и их роль», «История революции», «Равноправие женщин», «Значение коммунизма» и др.²³⁰ Для проведения научных и просветительных бесед с заключенными и чтения лекций приглашались учителя и врачи. Так, в губернском ИТД учительница Попова читала лекции «О причинах массовой неграмотности. Декрет о ликвидации неграмотности», «Гражданская война и ее причины», «Февральская революция», «Последствия мировой войны», врач Шписман – лекции по темам «Санитария», «Венерические болезни», «О браке сифилитиков», «Как совершается пищеварение», «Кровообращение человека»²³¹. Лекции на медицинские темы были важной частью политики просвещения, поскольку венерические заболевания были распространенным явлением в среде заключенных. Представители уголовного мира в большой

²²⁷ ГААК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 71. Л. 36об.; ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. 13об.

²²⁸ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 37. Л. 16.

²²⁹ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6086. Л. 3-5.

²³⁰ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 41. Л. 115.

²³¹ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6086. Л. 51-52., Д. 6084. Л. 9.

степени находились в зоне риска заражения этими болезнями в силу особенностей образа жизни – пьянство, распущенная половая жизнь, проституция.

Согласно отчету учебно-воспитательной части Барнаульского окружного ИТД, в 1928 г. общеобразовательные лекции посетили 5 594 чел., только 30% прочитанных лекций и докладов состояли из материалов на политические темы, остальная часть была посвящена прикладным вопросам²³². Воспитательный процесс, хотя и носил политизированный характер, но содержательно был направлен не только на привитие политической грамотности, но и получение полезных практических знаний. Также заключенные имели возможность посещать кружки: хоровой, драматический, художественный, литературный, музыкальный, шахматный. В Бийском ИТД, кроме указанных выше направлений, работали также кружки по рисованию и музыке.

В Барнаульском ДЗ в секциях художественной самодеятельности в 1922 г. участвовало около 150 чел.²³³ Особенными достижениями в развитии художественной самодеятельности среди заключенных являлись организация оркестра и постановка спектаклей. Спектакли проводились в доме культуры, под который было приспособлено здание бывшей церкви, находившееся на территории ИТД. Помещение было отремонтировано на деньги, которые удалось заработать театральными постановками заключенных. Учебно-воспитательная часть систематически премировала актеров-заключенных за участие в спектаклях, преимущественно папиросами.

В месяц проводилось от 5 до 10 постановок, в год – около ста различных выступлений²³⁴. Судя по их названиям: «Сытые и голодные», «На конспиративной квартире», «Бедность не порок», «Совесь проснулась», «Власть тьмы» – содержание постановок имело политическую окраску и преследовало цель привить социалистическое сознание «преступному

²³² ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 72. Л. 99.

²³³ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 150об.

²³⁴ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 72. Л. 99.

контингенту». Задачей подобной идеологической обработки было повышение статуса рабочего класса в среде лиц, ведущих незаконный образ жизни, для вовлечения их в ряды пролетариата. В репертуаре самодеятельного театра были заявлены постановки классических писателей Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, а также популярной в 1920-е гг. писательницы Софьи Белой²³⁵.

Заклученные и администрация ИТД посещали спектакли бесплатно, поэтому, чтобы культурная деятельность приносила доход, несколько спектаклей в месяц проводились для гражданского населения. Поскольку один из входов в дом культуры находился с улицы (т.е. не с внутренней территории ИТД), администрация имела возможность устраивать платные выступления для гражданской публики. Кроме того, в 1922 г. заключенными был поставлен благотворительный спектакль «Стенька Разин» для сбора средств в пользу голодающих Поволжья²³⁶. Благотворительные вечера устраивались и для сборов в пользу самих заключенных. Пожертвования принимались деньгами в виде оплаты участия в лотерее, книгами для библиотеки ИТД²³⁷. Для сокращения расходов клуба при ИТД губисполком с 1925 г. освободил его от уплаты налогов от средств, получаемых с выступлений²³⁸.

Драмкружок работал также и в Бийском ИТД, в течение 1924-1925 гг. еженедельно в клубе ставились платные спектакли. Кроме того, в Бийском ИТД заключенными был организован эстрадно-джазовый музыкальный коллектив, выступления которого пользовались большой популярностью в городе²³⁹.

В 1925 г. Барнаульский ИТД был включен в сеть учреждений, обслуживавшихся передвижной библиотекой. Книги выдавались заключенным в камеры под ответственность старост на срок не более 14

²³⁵ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6088. Л. 1; Д. 6084. Л. 61.

²³⁶ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6083. Л. 7.

²³⁷ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091. Л. 1.

²³⁸ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6087. Л. 95.

²³⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 13об.

дней, за просрочку взимался денежный штраф в размере 2 коп.²⁴⁰ За первый год сотрудничества заключенным было выдано 1045 абонементов, газет и журналов – 554, книг – 3605. Бийская библиотека при ИТД насчитывала в своем фонде около 400 книг, фонд библиотеки Барнаульского ИТД насчитывал только 230 книг²⁴¹. Заведующие учебно-воспитательной частью регулярно указывали не только на нехватку книг, но и на устаревшее содержание большинства из них.

Выписывались газеты «Известия», «Правда», «Труд», «Рабочая газета», «Красный Алтай», «Звезда Алтая», журнал «Огонек». В Барнаульском ИТД с 1922 г. издавалась газета «Голос заключенного», в Бийском – «Наша жизнь». Максимальный тираж газеты «Голос заключенного» составлял 150 экземпляров в 1923 г., газета печаталась в собственной типографии ИТД. Однако к 1926 г. выпуск тиражной газеты «Голос заключенного» был прекращен по финансовым причинам, администрация ИТД приняла решение ограничиться выпуском стенной газеты. Еженедельный выпуск стенгазеты «Бийский заключенный» подготавливался редакторским отделом Бийского ИТД.

Сложности возникали и с организацией культурно-воспитательной работы по другим направлениям. Больше года в Барнаульском ИТД не мог начать работу шахматно-шашечный кружок, потому что не было игральных наборов, несмотря на то, что их могли изготовить в собственной столярной мастерской. Так и не начал свою работу физкультурный кружок, из-за отсутствия средств на покупку необходимого инвентаря²⁴². Эти направления культурно-воспитательной деятельности не получили развития не только из-за финансовых причин, но и в силу невысокой заинтересованности в повышении эффективности этой работы руководства ИТД, переобремененного решением многих других сложных материально-бытовых

²⁴⁰ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6085. Л. 7.

²⁴¹ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

проблем, связанных с обеспечением жизнедеятельности мест заключения. В свою очередь заведующий учебно-воспитательной частью не обладал необходимыми полномочиями для решения всех проблем, связанных с материальным обеспечением своей работы.

Ведение культурно-просветительной работы в местах заключения, осложнялось дефицитом учебников и письменных принадлежностей. В отчетах заведующего учебно-воспитательной частью отмечаются случаи, когда ученики вынуждены были писать на старых газетах между строчками напечатанного текста. Острой проблемой была и нехватка воспитательно-педагогических кадров для работы с заключенными. По данным за 1928 г., из 25 работников культпросвета Барнаульского ИТД 20 являлись лицами из числа самих заключенных²⁴³. Около 63% преподавательского состава было представлено следственными заключенными, т.е. их преподавательская деятельность с большой вероятностью носила временный и непродолжительный характер и могла пресечься в случае вынесения оправдательного приговора или перевода в другие места заключения, что не сказывалось положительно на результатах их работы.

Для вовлечения как можно большего числа заключенных в культурно-воспитательную и педагогическую работу НКВД РСФСР 2 августа 1926 г. издал циркуляр с инструкцией камерным и коридорным культурным работникам в местах заключения²⁴⁴. Согласно данной инструкции, в каждой камере вводился институт «камерных культурников», которые выбирались заключенными самостоятельно из их же числа сроком на 3 месяца, затем проводились перевыборы. В задачи «культурника» входило сотрудничество с учебно-воспитательной частью, получение и распределение газет, проведение громких чтений в камерах, беседы, вовлечение заключенных в активную культурно-просветительскую работу «путем товарищеского влияния на них, побуждения к систематическим работам и учебе». Также в

²⁴³ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6087. Л. 103.

²⁴⁴ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 36. Л. 323-325.

обязанности камерного культурного работника входило устройство досуга заключенных.

Таким образом, несмотря на желание руководства пенитенциарной системы использовать в качестве преподавателей и культурных работников гражданских лиц, на практике единственным возможным решением, позволяющим реализовывать политику по перевоспитанию и повышению уровня образованности заключенных, являлось привлечение своих «подопечных» на эти должности.

Организация работы учебно-воспитательной части в местах заключения на протяжении 1920-х гг. сталкивалась с серьезными трудностями. Кроме необходимости вести работу со сложным преимущественно мужским контингентом, находившимся под влиянием субкультуры уголовного мира, катастрофически не хватало квалифицированных специалистов для организации этой деятельности. Каких-либо средств, кроме тех, что могли заработать заключенные от устройства платных культурных мероприятий в клубе дома заключения (спектаклей, концертов), на нужды учебно-воспитательного сектора не выделялось. Только с 1925 г. в отчетах учебно-воспитательной части содержится статья дохода в 25 руб., которые выдавались из бюджета ИТД на необходимые расходы, однако эта сумма была недостаточной²⁴⁵. Все эти факторы приводили к тому, что для занятий не хватало необходимых учебников и пособий, тетрадей, канцелярских принадлежностей.

Тем не менее, учебно-воспитательные части общих мест заключения проводили важную работу по ликвидации безграмотности среди различных категорий заключенных, получению ими общеобразовательных и профессиональных знаний. Однако в условиях постоянной нехватки финансирования, профессиональных кадров работа администрации мест заключения по повышению культурного и образовательного уровня

²⁴⁵ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.

заклученных носила в большей степени непланомерный и ситуативный характер.

В конце 1920-х гг. в связи со свертыванием новой экономической политики и переходом к реализации курса на форсированную индустриализацию и коллективизацию происходит отказ от гуманистических идей перевоспитания заключенных и осуществляется переход к ужесточению карательной политики. Вышедшее 28 марта 1928 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения»²⁴⁶ закрепило новое направление политического курса в отношении уголовников, отменив краткосрочное лишение свободы, условно-досрочное освобождение, ограничив применение различных льгот (зачет трудодней, отпуск) только классово-близким элементом, демонстрирующим исправление и лояльность.

Результатом этой смены курса стало радикальное преобразование сети исправительно-трудовых учреждений, выразившиеся в строительстве лагерей ОГПУ и отходе от идеологии и практики «трудового перевоспитания» уголовных элементов в условиях изоляции.

1.3. Положение заключенных в алтайских местах заключения в 1920-е гг.

С установлением советской власти начался процесс постепенного реформирования пенитенциарной системы. Практически в течение всего периода 1920-х гг. несмотря на формальные преобразования (переименование тюрем в дома заключения, позднее в исправительно-трудовые дома) сеть исправительных учреждений функционировала на базе уже существовавших старых «царских» тюрем. Принимая в свое

²⁴⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.03.1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 305.

распоряжение уже имеющийся тюремный фонд, советская власть неминуемо наследовала его недостатки и проблемы, ставшие одним из тормозящих факторов в становлении и развитии пенитенциарной системы нового типа, способной исправить преступника в условиях лишения свободы. Успешность реализации нового курса в отношении уголовных элементов определяли целый ряд факторов: материально-бытовые условия пребывания в местах заключения, режим изоляции, профессиональные кадры.

Помимо «воспитательной» работы, администрация домов заключения должна была решать и другие не менее важные задачи, связанные с соблюдением режима, изоляцией преступных элементов, снабжением заключенных продовольствием, их медицинским обслуживанием, обеспечением вещевым довольствием.

Алтайские исправительно-трудовые дома в г. Барнауле и г. Бийске сочетали в себе функции всех основных типов общих мест заключения. Они одновременно являлись домами предварительного содержания (для следственных заключенных), исправительно-трудовыми домами, изоляционными тюрьмами и проч. Необходимость размещения большого числа различных контингентов лишала ИТД возможности соблюдения ИТК, согласно которому места заключения должны были соблюдать режим раздельного содержания заключенных в зависимости от правового статуса – срочноосужденных и следственных заключенных²⁴⁷. Согласно ИТК, срочноосужденные заключенные делились на три категории: к первой категории относились осужденные за случайные, некорыстные преступления, ко второй – совершившие преступления с целью получения личной выгоды, к третьей – злостные нарушители, рецидивисты. При поступлении в места заключения всем арестантам кроме категории присваивался дополнительный разряд. Первоначально осужденным присваивался разряд «испытуемых», в котором заключенные первой категории отбывали 1/4 общего срока наказания, но не менее трех месяцев, второй категории – 1/3 срока и третьей

²⁴⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

категории – половину срока²⁴⁸. По окончании указанных сроков в случае, если заключенные демонстрировали признаки исправления, распределительная комиссия при МЗ переводила их в разряд «исправляющихся». В обратной ситуации они переводились в разряд «штрафников» на срок не менее 3-х месяцев, для которых предусматривался более строгий режим содержания. Следующей после «исправляющихся» наивысшей ступенью дисциплинарного послушания являлась категория – «образцовых» заключенных. Предполагалось, что лояльные и дисциплинированные заключенные не должны были содержаться вместе с нарушителями внутреннего режима, однако выполнение данного правила на практике было невозможно в связи с постоянной переполненностью, о чем подробнее будет написано ниже.

Ряд исследователей отмечают, что деление на разряды зачастую было весьма условным и не всегда отражало объективную картину исправления преступника²⁴⁹. Понижение разряда являлось дисциплинарной мерой, которая предусматривала ряд ограничений в отношении нарушителя порядка. Например, перевод в разряд штрафников означал для заключенного отсутствие возможности участия во внешних работах, отказ в получении краткосрочных отпусков в сезон сбора урожая, снижение нормы питания и т.д. Как правило, именно к штрафникам применялись такие дисциплинарные взыскания, как карцер, лишение прогулки и свиданий и перевод в изоляционные тюрьмы. Функциям изолятора среди общих мест заключения на Алтае отвечал только Бийский ИТД, поскольку был организован по правилам тюремной архитектуры и имел в своем распоряжении 20 одиночных камер. Однако в условиях постоянной переполненности ИТД индивидуальное содержание заключенных в карцере было затруднительным.

При поступлении осужденного в дом заключения он оказывался в строгой системе, регламентирующей его жизнь определенными правилами,

²⁴⁸ Курас Л.В., Суш С.П. Нормативно-правовая документация о режиме в местах лишения свободы СССР в 20-30-е гг. XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. С. 79-80.

²⁴⁹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. С. 65.

расписанием и дисциплиной. Важную роль в формировании и возможности проведения политики «перевоспитания» в условиях пенитенциарной системы играли материально-бытовые условия, которые определяли повседневную жизнь заключенных. Общей характеристикой пенитенциарных учреждений не только в отдельных регионах, но по всей стране, в данный период являлись невероятная переполненность, скученность и антисанитария. Согласно статистике, сформированной на основании отчетов, поступавших из регионов о состоянии общих мест заключения, условия пребывания в домах заключения не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Плотность сосредоточения людей в местах заключения в отдельных случаях не позволяла предоставить каждому место на нарах или топчанах, поэтому спать приходилось посменно. В 1922-1923 гг. в РСФСР плотность заключенных в местах лишения свободы находилась на уровне 110-130 чел. на 100 штатных мест²⁵⁰. В Алтайской губернии, образованной в 1917 г. и не имевшей исторически сформировавшейся системы пенитенциарных учреждений губернского масштаба, ситуация с размещением заключенных была значительно хуже. В январе 1920 г. в Барнаульской, Бийской и Змеиногорской тюрьмах содержалось 2124 заключенных, что в 5 раз превышало возможные нормы. В конце 1920 г. в Барнаульский лагерь принудительного труда было помещено 389 чел.,²⁵¹ а в течение 1921 г. через него прошло 2183 чел.²⁵² Уже в 1922 г. органы надзора за местами заключения начали бить тревогу относительно чрезвычайной переполненности губернского домзака. В здании, рассчитанном на 350 чел., в декабре 1922 г. фактически размещались 1240 чел. – на 354% больше нормы, в январе 1923 г. коэффициент плотности составлял 341%, в апреле – 354%²⁵³.

²⁵⁰ Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики X Съезду Советов. М., 1922. С. 9.

²⁵¹ Анашкин А.П. Становление советской системы принудительного труда (на материалах Алтайской губернии). // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 68.

²⁵² Там же. С. 65-66.

²⁵³ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 58. Л. 38об.-39об.

В Бийском доме заключения на 30 октября 1922 г. состояло по списку 456 человек на 150 штатных мест,²⁵⁴ т.е. норма была превышена в 3 раза²⁵⁵.

По данным на 1923 г., в Алтайском губернском ДЗ, на 340 штатных мест по факту приходилось в среднем в течение года 1100 чел. В этом же году помощник губернского прокурора Леонтович в своем отчете отмечал, что в двух корпусах губернского дома заключения с 20 камерами, рассчитанными на 340 человек, содержались 1278 чел.²⁵⁶

Между тем, рассматривая в отдельности каждый ДЗ, мы видим, что ситуация с переполненностью в них несколько отличалась (таблица 13).

Таблица 13

**Коэффициент плотности заключенных
в домах заключения Алтайской губернии в 1922–1923 гг.**

Алтайский губернский ДЗ ²⁵⁷ : Коэффициент плотности, в %		Бийский уездный ДЗ: Коэффициент плотности, в %	
1922 г.	1923 г.	1922 г.	1923 г.
252,3 (883 чел.)	326,9 (1144 чел.)	308,7 (463 чел.)	494 (741 чел.)

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 334.

В каждом из домов заключения в 1923 г. произошел значительный скачок численности пребывающих в нем арестантов. В Бийском ДЗ коэффициент плотности был выше, поскольку он был рассчитан только на 150 мест, в то время как численность населения данного уезда превосходила Барнаульский уезд²⁵⁸.

Для уменьшения количества арестантов, пребывающих в местах заключения, прокуратурой губернии в 1923 г. было дано указание судебным органам следовать ст. 100 и 158 УПК – об ограничении применения лишения свободы до суда без особой необходимости (для сокращения подследственных заключенных, которые являлись балластом в бюджете мест

²⁵⁴ В источниках 1924 г. указывается, что Бийский ДЗ был рассчитан на 250 человек, возможно к этому моменту произошло расширение числа штатных мест. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 27.

²⁵⁵ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 19.

²⁵⁶ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 156.

²⁵⁷ Коэффициент приведен в источнике, исходя из расчета данных, согласно которым число штатных мест в Алтайском губернском ДЗ составляло 350, в Бийском ДЗ – 150.

²⁵⁸ По данным на 1923 г., в Бийском уезде проживали – 609 909 чел., в Барнаульском – 604 483 чел. (ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 2).

заклучения), а также о применении других мер наказания, не связанных с лишением свободы²⁵⁹. Данные мероприятия были направлены, с одной стороны, на разгрузку мест лишения свободы, с другой – позволяли оградить бытовых и случайных преступников из рабоче-крестьянской среды от влияния профессиональных уголовников.

В 1924 г. для нормализации ситуации с постоянной перегруженностью, было увеличено количество мест в исправительно-трудовых домах: в Барнаульском ИТД теперь могли быть размещены 400 чел. (на 50 чел. больше), в Бийском – 250 чел. (появилось 100 дополнительных мест). Однако увеличение числа мест, которое могли себе позволить исправительно-трудовые дома в условиях существовавших площадей и помещений, не решило перманентной проблемы с их переполненностью. На 1 января 1924 г. в Барнаульском ИТД насчитывалось 900 заключенных (225% к норме)²⁶⁰, в Бийском на 1 июня этого же года – 372 заключенных (149%). Несмотря на то, что статистика демонстрирует улучшение положения с размещением контингентов в местах лишения свободы, возможности исправительно-трудовых учреждений были ограничены, что означало для значительной части заключенных необходимость спать на полу под нарами или искать себе угол.

К середине 1920-х гг. плотность населения в алтайских исправительно-трудовых домах несколько снизилась (на одно штатное место приходилось двое заключенных), что дает основания говорить о некотором улучшении бытовых условий для заключенных. Улучшению ситуации с переполненностью мест заключения способствовал перевод таких распространенных видов преступлений, как нарушение закона «Об охране лесов» и хулиганства из уголовных в разряд административных согласно Постановлению ВЦИК от 16 октября 1924 г. (см. раздел 1.1), что существенно снизило приток новых контингентов в места лишения свободы

²⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 2. Л. 127.

²⁶⁰ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. С. 76.

в данный период. Законодательные изменения, а также внутренние организационные преобразования (увеличение фактического числа мест в ИТД, досрочное освобождение в 1924 г. в связи с отбытием половины срока 350 заключенных)²⁶¹ привели к некоторому улучшению условий содержания заключенных в алтайских ИТД.

Однако злободневным продолжал оставаться вопрос с размещением заключенных в соответствии с количеством имеющихся в учреждении мест. Необходимость строительства нового, соответствующего своему назначению здания губернского дома заключения обсуждалась административными и исполнительными органами еще в 1923 г. Вот как описывает санитарное состояние губернского ДЗ в своем отчете инспектор мест заключения в 1923 г.: «<...страшная скученность, отсутствие вентиляции, внешний вид заключенных желтый, анемичный, изможденный, что говорит о том, что арестованные задыхаются в столь тяжелом воздухе, отравленном запахом отхожих мест. Здание старое, ветхое, натопить зимой невозможно, также постоянно грозят обвалы...>»²⁶².

Однако, в связи с нехваткой средств, начало строительства было запланировано только через два года. В 1925 г. вопрос со строительством нового помещения не разрешился, губернским исполнительным комитетом было принято решение в 1926 г. о переустройстве под ИТД здания бывшего монастыря²⁶³. Однако переезд ИТД в конце декабря 1926 г. в другое здание, рассчитанное на 600 человек, не смог обеспечить размещение заключенных с соблюдением санитарных норм²⁶⁴. Согласно данным на 1 января 1927 г. число заключенных в Барнаульском округе превысило число штатных мест на 308%²⁶⁵.

Чрезвычайно сложной ситуация с размещением заключенных была и в Бийском исправительно-трудовом доме. Старший помощник прокурора по

²⁶¹ Посчитано по: ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091, 6088.

²⁶² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 58. Л. 112.

²⁶³ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

²⁶⁴ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 47.

²⁶⁵ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 76-77.

Бийскому округу Никитин в ноябре 1926 г. в своем докладе краевому прокурору указывал, что переполненность контингента здесь составляет более 400%. В 1927 г. положение ухудшилось: число заключенных в округе превысило фактическую вместимость ИТД на 583%²⁶⁶. В следующем году ситуация еще усугубилась, прокуратура Сибкрая отмечала резкое увеличение количества заключенных на 5 тыс. чел. всего за 4 месяца (январь-апрель 1928 г.), в связи с чем окружным прокурорам был разослан циркуляр от 25.06.1928 г. о необходимости ограничения «безосновательного заключения под стражу в период дознания и следствия»²⁶⁷.

На I всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей РСФСР, проходившем 15-21 октября 1928 г., отмечалось, что, несмотря на то, что в 66% случаев уголовная репрессия выражалась в условном осуждении, общественном порицании и штрафах, тюрьмы были переполнены. В связи с чем предлагалось продолжить сокращение количества приговоров к лишению свободы, которые к этому моменту составляли 34%²⁶⁸, до еще меньшей доли.

Существующая на Алтае система мест заключения не справлялась с количеством вновь поступающих осужденных, создавая губительные для их здоровья бытовые условия. При этом советский криминолог А.А. Герцензон, указывал, что в органах власти существовала принципиальная позиция, которая не допускала строительства новых зданий и проведения крупных ремонтов пенитенциарных учреждений, что способствовало постепенному сокращению площадей в местах заключения, а значит ухудшению ситуации²⁶⁹.

Перегруженность мест заключения приводила к тому, что здоровые заключенные вынуждены были находиться в одной камере с больными,

²⁶⁶ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 76-77, 87.

²⁶⁷ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 378. Л. 3.

²⁶⁸ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. I всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15-21 октября 1928 г. М., 1929. С. 29.

²⁶⁹ Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. М., 1928. С. 4.

результатом чего становилось массовое распространение эпидемических заболеваний (тифа, туберкулеза и др.). Нарушение санитарно-эпидемиологических норм содержания заключенных обуславливало высокий уровень смертности в местах лишения свободы. Так, в 1922 г. только в Барнаульском ДЗ умерли 409 человек (в среднем около 34 человек в месяц)²⁷⁰. В течение 1923 г. в Бийском ДЗ в среднем умирали 13 человек в месяц, в Барнауле – 26²⁷¹.

Таблица 14

Показатели смертности в домах заключения в Алтайской губернии, по месяцам 1923 г.

1923 год	Бийский ДЗ	Барнаульский ДЗ
январь	23	20
февраль	23	9
март	15	17
апрель	2	20
май	15	26
июнь	12	45
июль	15	41
август	6	43
сентябрь	16	17
октябрь	8	19
Итого:	135	257

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

Анализ помесечных показателей смертности заключенных показывает, что в Бийском ДЗ уровень смертности повышался в зимние месяцы, в Барнаульском – в летние. Сезонные колебания уровня смертности, как правило, были связаны с распространением тех или иных видов заболеваний и свидетельствовали о неблагоприятной бытовой среде в домах заключения, которая способствовала массовым болезням и смертности среди заключенных. В летние месяцы наибольшую опасность для обитателей домов заключения представляли ротавирусные инфекции, эпидемии тифа, – распространение этих заболеваний напрямую было связано с антисанитарными условиями в камерах, их переполненностью,

²⁷⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 28. Л. 20.

²⁷¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

пренебрежением личной гигиеной. Зимой среди заключенных обострялись бронхолегочные и простудные заболевания, вызванные постоянными переохлаждениями во время нахождения в камерах и на уличных работах из-за отсутствия у многих теплой одежды. Совокупность этих факторов, наряду со скудным и однообразным питанием, ослабляли иммунитет заключенных и приводили к массовым случаям заболеваний в холодное время года.

В течение 10 месяцев 1923 г. в двух домах заключения умерли 392 чел., т.е. 20,8% от общего числа находившихся в пенитенциарных учреждениях губернии заключенных. Это очень высокие показатели уровня смертности, которые свидетельствуют о чрезвычайно неустроенном состоянии мест заключения и невозможности обеспечить находившемуся в них контингенту необходимые санитарно-гигиенические и медицинские условия.

В период с ноября 1923 г. по 1 января 1925 г. (за 14 месяцев) количество смертей среди заключенных обоих ИТД составило 99 случаев, при этом с октября по декабрь 1924 г. летальных исходов зарегистрировано не было²⁷². Данная статистика свидетельствует о достижении существенных положительных результатов в борьбе со смертностью заключенных в сравнении с предыдущим периодом. В 1924 г. доля умерших от общего числа контингента в местах лишения свободы снизилась до 7,8%. В 1925 г. уровень смертности среди заключенных резко уменьшился: за 8 месяцев в ИТД умерли всего 9 чел., за оставшиеся 4 месяца летальных случаев не было²⁷³.

Положительных результатов удалось достигнуть благодаря частичному улучшению условий проживания арестантов после проведения ремонтных работ в зданиях ИТД и снабжения медико-санитарной части лекарствами и необходимыми медицинскими расходными материалами. В 1926 г. в

²⁷² Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 202.

²⁷³ Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925. С. 15; ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 55-58.

Барнаульском окружном ИТД не было зафиксировано ни одного случая смерти среди заключенных²⁷⁴.

Высокая смертность среди заключенных обуславливалась также неудовлетворительной организацией медицинской помощи. Больницы при домах заключения были рассчитаны на 75 койко-мест, так как в случае, если количество коек превышало это число, необходимо было вводить штатную должность врача, это требовало дополнительных затрат из местного бюджета. Коек постоянно не хватало, число стационарных больных в среднем составляло 3818 человек в месяц. Больных как правило размещали на деревянных топчанах без матрасов. Состояние камер, отведенных для больных заключенных, ничем не отличалось от больничных палат. Отсутствие одежды у заключенных провоцировало случаи мародерства, зачастую с умерших сокамерниками снималась одежда.

Таблица 15

**Показатели заболеваемости заключенных
в домах заключения Алтайской губернии в 1923 г.**

Год	Бийский ДЗ		Барнаульский ДЗ	
	Амбулаторных больных	Стационарных больных	Амбулаторных больных	Стационарных больных
1923 г.				
январь	500	45	849	311
февраль	1455	76	1017	204
март	655	48	1389	387
апрель	1015	47	1136	131
май	872	46	846	269
июнь	979	42	928	404
июль	1401	94	1481	381
август	1467	70	1674	381
сентябрь	813	85	1383	303
октябрь	1426	180	1511	314
Итого:	10583	733	12214	3085

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332об.

Количество зарегистрированных больных было больше общего числа заключенных (табл. 15), что объясняется неоднократным обращением в течение года за медицинской помощью одних и тех же людей.

²⁷⁴ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 158.

На момент осмотра в ноябре 1923 г. губернского ДЗ представителями прокуратуры в нем находилось 124 больных. Большинство из них болели возвратным (около 60%) и сыпным (30%) тифом²⁷⁵. Таким образом, больница на 50 коек и отведенные для размещения больных, слабых и выздоравливающих заключенных 7 из 20 камер были заполнены. К концу 1923 г. в некоторых палатах Губздрава, предназначенных для больных заключенных, несколько улучшились условия содержания. В отчете прокурора губернии о состоянии Барнаульского ДЗ указывалось: «Улучшилось качество питания, появились несколько комплектов белья, которые удалось приобрести на средства от благотворительных концертов в ДЗ. Несколько последних месяцев 1923 г. камеры и одежда дезинфицировались 2 раза в месяц, проводилась баня с пропускной способностью 700 человек, но ее эффективность была незначительной, поскольку у заключенных не было сменного белья и мыла»²⁷⁶.

По данным на 1 января 1925 г. количество больных в Барнаульском и Бийском ИТД составляло 54 чел., или 4,7% от всех арестантов²⁷⁷. Согласно статистике, приведенной в отчете Алтгубисполкома, на 1 октября 1925 г. (т.е. через 9 месяцев) в обоих исправительно-трудовых домах заключения насчитывалось всего 34 больных, около 3% общего числа²⁷⁸. Однако статистика, учитывающая общее количество заболевших в течение определенного периода, представляет несколько иную картину состояния здоровья заключенных. В течение октября-декабря 1925 г. в Барнаульском ИТД более 100 человек прошли стационарное лечение, 2881 – находились на амбулаторном лечении²⁷⁹, следовательно, уровень заболеваемости среди заключенных оставался еще довольно высоким.

²⁷⁵ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

²⁷⁶ Там же. Л. 333.

²⁷⁷ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 202.

²⁷⁸ Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год. Барнаул, 1925. С. 15.

²⁷⁹ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 55-58.

Введенный в 1924 г. ИТК РСФСР ставил перед руководством местами заключения и губернскими отделениями здравоохранения задачу по развитию мероприятий медико-санитарного характера в местах заключения. Усиление внимания к этому вопросу со стороны администрации мест заключения и органов здравоохранения дало положительные результаты. При ИТД Алтайской губернии в 1925 г. была создана так называемая санитарная тройка под председательством врача ИТД, которая должна была проводить осмотр всех заключенных на предмет их физического состояния, госпитализировать больных, оказывать медицинскую помощь нуждающимся. Положительно на снижении показателей заболеваемости среди заключенных сказался факт улучшения условий ухода за больными. Благодаря выделенным на расходы санчасти средствам, больницу при губернском ИТД наконец удалось обеспечить постельными принадлежностями, бельем и всеми необходимыми медикаментами²⁸⁰.

Согласно ст. 458 УПК РСФСР 1923 г., заключенные «с тяжелой неизлечимой или душевной болезнью» подлежали досрочному освобождению. Оценка физического состояния заключенных проводилась экспертной комиссией в состав которой входил врач. Стоит отметить, что отбор кандидатов к освобождению по медицинским показателям проводилось довольно строго, о чем позволяют судить рекомендации, данные на основании диагноза заключенных. Поскольку даже больные с серьезными, но поддающимися медикаментозному лечению в условиях ИТД болезнями, были оставлены для последующего отбывания срока в местах заключения. По решению заседания медицинской комиссии 1925 г. из Барнаульского ИТД не были освобождены заключенные со следующими диагнозами: «паховая грыжа», «воспаление яичников», «бронхит, плеврит, тахикардия, грыжа», «неврастения и хронический бронхит» и т.д. Таким образом, активирование заключенных по медицинским показателям не

²⁸⁰ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 203.

являлось формальностью: к досрочному освобождению допускались исключительно люди с тяжелыми заболеваниями, преимущественно связанными с болезнями дыхательных путей и сердечно-сосудистой деятельности. Освобождению в порядке ст. 458 УПК из Барнаульского ИТД подлежали заключенные с диагнозом: «тяжелая форма эмфиземы, кардит с расстройством компенсации», «резкое расстройство сердечной деятельности с отеком живота», «папулезный сифилис, хронический ларингит и отит», «зернистая трахома и третичный сифилис с обезображиванием носа», «порок сердца без расстройств», «тяжелая форма кавернозного туберкулеза легких», «истерическая эпилепсия» и т.д.²⁸¹

Для оказания медицинской помощи при ДЗ имелся приходящий из городской больницы врач, 3 фельдшера и 2 сестры²⁸². Также для помощи в санчасти привлекались заключенные, как правило, подходящей профессиональной квалификации или способные выполнять работу по уходу за больными. Иногда практика привлечения заключенных в качестве санитаров имела негативные последствия и приводила к нарушению режима. Один из случаев подобного характера зафиксирован в отчете инспектора мест заключения 12 декабря 1923 г.: «заключенный Краснов был снят с должности санитаря за грубое отношение к больным и за то, что снял с мертвого брюки, присвоил их себе, надев свои старые на него»²⁸³.

Дополнительные проблемы, связанные с антисанитарией в местах заключения, были обусловлены отсутствием периодических санитарных обработок. В 1923 г. в губернском ДЗ вспыхнула острая эпидемия тифа, вызванная поступившими новыми контингентами, среди которых были больные тифом²⁸⁴. Провести дезинфекцию людей и помещений оказалось невозможным из-за отсутствия сменного «вещевого довольствия» и специальных средств, хотя, согласно санитарному минимуму, на каждого

²⁸¹ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6087. Л. 120-120об., 124-127, 196, 253-253об., 296.

²⁸² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 150об.

²⁸³ Там же. Л. 360.

²⁸⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 43-44.

заклученного должны были отпускаться ежемесячно 100 гр. мыла для личной гигиены, 200 гр. для стирки белья, 32 кг соломы для набивки матраца, ежедневно 2 ведра воды²⁸⁵. Регулярное несоблюдение санитарно-эпидемиологических норм в местах заключения способствовало ухудшению положения заключенных в них.

Краевой инспектор мест заключения Сибири Белугин в акте обследования Барнаульского ИТД от 11 декабря 1926 г. отмечал, что в камерах наблюдаются плохие санитарные условия: повсюду клопы, вши и паразиты. «Администрация мало что делает для улучшения санитарного состояния в камерах – санитарной миссии нет. Стирка белья организована плохо, параша не выносятся вовремя, в камерах грязь»²⁸⁶. В помещении окружного ИТД было постоянно холодно и сыро – условия не пригодные для проживания, кроме того скученность создавала угрозу возникновения эпидемий.

Проводившаяся санитарная работа была мало результативной в том числе из-за острой нехватки одежды и обуви для заключенных. По смете на 1923/1924 гг. отчетный год для обеспечения домзака вещевым довольствием закладывалось более 85 тыс. золотых руб., но фактически было ассигновано только 24 тыс. руб., которых не хватило на все необходимые расходы²⁸⁷. Как правило, количество средств, которые выделялись местным бюджетом для этой статьи расходов, было существенно ниже реальных потребностей, поэтому учреждениям постоянно не хватало одежды, белья и обуви для заключенных.

Такая ситуация вызывала появление большого количества запросов от администрации мест заключения в вышестоящие инстанции о необходимости дополнительного финансирования расходов по данной статье. В свою очередь ГУМЗ предложило отделам хозяйства и снабжения ИТД руководствоваться инструкцией, которая была направлена на

²⁸⁵ ГААК. Ф. Р-615 Оп. 1. Д. 30. Л. 70об.-71об.

²⁸⁶ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 49об.

²⁸⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 43-44.

сохранение казенного вещевого довольствия, предоставление заключенным возможности заработка для покупки одежды, а также контроль за возвращением казенной одежды после прибытия освобожденного по месту жительства²⁸⁸.

Конечно, это не решало проблему экипировки заключенных на протяжении всего времени их нахождения в местах лишения свободы. Серьезность ситуации доказывают факты, приведенные в отчете начальника губернского ДЗ за 1923 г.: «...для того, чтобы направить «голового» заключенного на работу, т.е. «поставить в строй», ему отдавали продезинфицированную одежду умерших заключенных, несмотря на то, что по закону она должна была возвращаться ближайшим родственникам»²⁸⁹. В одном из заявлений, поданном в прокуратуру от жены умершего заключенного, указывался перечень личных вещей (подушка, сапоги, брюки, верхняя одежда), имевшихся при себе у ее мужа, которые она хотела бы получить обратно по праву, поскольку после смерти мужа уже прошло значительное время, а вещи так и не были возвращены семье²⁹⁰.

В антисанитарном состоянии находились не только крупные изоляционные учреждения, такие как дома заключения (ИТД), но и уездные арестные дома, в которых содержались лица, арестованные милицией в административном порядке.

В результате проверки прокуратурой Рубцовского арестного дома осенью 1922 г. были обнаружены не только повальное пьянство сотрудников, но и ужасающая картина состояния самого помещения: «...арестный дом находится в невозможном состоянии во всех отношениях. В камерах нет нар, грязно, никакого освещения нет, несмотря на то, что в нем почти всегда содержится до 100 человек»²⁹¹. Прокурорским надзором были даны указания к устранению всех нарушений. Однако из отчета губернского прокурора

²⁸⁸ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 51.

²⁹⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 367.

²⁹¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 28. Л. 31-32об.

Цитовича, составленного 6 сентября 1923 г., следует, что выявленные год назад недостатки в работе ардома не только не были устранены, но и появились новые²⁹². В частности, было обнаружено отсутствие точного учета числа заключенных в ардоме: по документам числилось 66 подследственных и 5 осужденных, фактически оказалось 55 следственных и 4 осужденных. В отчете указывалось: «При осмотре арестного дома выявлена следующая картина: а) ардом представляет обыкновенное сельское здание, расположенное на площади города, имеет решетки, отсутствует до 40% стекол, нет ограды. <...> Охраняется дом одним часовым, но тот настолько беззаботный, что не обращает внимания на проходящих. Внутреннее помещение грязное, нормально можно разместить только 30 человек. В одной комнате нет нар, стекла выбиты, заключенные валяются на полу. В комнате для караула в углу безнадзорно стоят винтовки, в комнату имеют доступ заключенные, выполняющие канцелярскую работу»²⁹³. По итогам прокурорской проверки начальник Рубцовского арестного дома Чудинов был снят с занимаемой должности.

С 1 октября 1922 г. дома заключения были переведены с централизованного государственного снабжения на местный бюджет²⁹⁴. В сентябре 1923 г. в рамках перехода произошли ведомственные изменения в системе управления местами заключения. На основании циркулярного распоряжения НКВД от 4 сентября 1923 г. Алтайское губернское управление местами заключения было ликвидировано и его функции перешли к Алтайской губернской инспекции местами заключения, которая вошла как отдельная часть в отдел управления Алтайского губисполкома²⁹⁵.

Несмотря на то, что места заключения были переведены на бюджет местных губисполкомов, за домами заключения оставалось право на получение продовольственных государственных пайков из фонда

²⁹² ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 2. Л. 131-134об.

²⁹³ Там же. Л. 131.

²⁹⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 8.

²⁹⁵ Там же. Л. 329-329об.

централизованного снабжения. Однако количество выделяемых пайков было недостаточным для удовлетворения нужд мест заключения полностью, что создавало серьезные трудности в снабжении заключенных едой. Дома заключения были постоянно переполнены сверх нормы, но количество государственных пайков, как видно из данных таблицы 16, регулярно сокращалось и было уменьшено до числа штатных мест, соответствующих вместимости ДЗ (350 мест). В марте 1923 г. за счет государственного снабжения можно было накормить лишь 1/3 всех заключенных²⁹⁶.

Таблица 16

**Количество пайков питания, выдававшихся
в Алтайском губернском ДЗ в 1922–1923 гг.**

Год и месяц	Количество выданных пайков	Число заключенных
1922 г.		
Октябрь	750	1001
Ноябрь	1110	1170
Декабрь	761	1203
1923 г.		
Январь	490	1002
Февраль	330	903
Март	300	1015

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 329об.

Согласно санитарным требованиям, каждый заключенный должен был получать питание, соответствующее нормам ГОСТ (табл. 17).

Таблица 17

Нормы питания для заключенных Алтайской губернии на 1923 г.

Продукты питания	Для не занятых физическим трудом (в золотниках*)	Для занятых физическим трудом (в фунтах** и золотниках)
Хлеб	72	1 ф. 24 з.
Мясо	12	20 з.
Соль	3	3
Капуста	12	12
Пшено	20	20
Масло растительное	3	3
Картофель	60	60

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 156.

*Золотник – 4,26 г. **Фунт – 409,5 г.

²⁹⁶ Куденко Н.В. Политика «трудового перевоспитания» преступников в начале 1920-х гг. (на материалах Алтайской губернии) // Известия Алтайского государственного университета, № 4-1(88), 2015. С. 166.

По медицинским показателям, количество калорий для заключенных, не занятых трудовой деятельностью и занятых обыкновенными работами, должно было равняться 2 996 кал, а для занятых усиленным физическим трудом – 3 581 кал. Главное управление местами заключения (ГУМЗ) скорректировало нормы питания, положенные по медицинским показаниям, исходя из реальных возможностей домзаков в условиях экономического кризиса и установило лимит, ниже которого показатели питания опускаться не могли. Распоряжением ГУМЗ № 96 от 7 октября 1922 г. была установлена минимальная пищевая табель (табл. 18)²⁹⁷.

Таблица 18

Общая минимальная пищевая табель по нормам, установленным ГУМЗ

Продукты	Вес (в фунтах, золотниках)	Калории
Хлеб	1 фунт	840
Крупы	32 зол.	486,33
Муки подправочной	1,6 зол.	24,33
Корнеплодов	48 зол.	86
Мяса	32 зол.	188
Картофеля	1 фунт	384
Жиров	4,8 зол.	155,6
Чай	0,2 зол.	-
Сахар	3,2 зол.	-
Лук	2 зол.	-
Итого:		2 220, 16

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 157.

Таким образом, в результате введения минимальной пищевой таблицы энергетическая ценность питания для заключенных, занятых обычным трудом, уменьшилась примерно на 700 кал, для выполняющих тяжелую физическую работу – почти на 1 400 кал.

Несмотря на старания администрации мест заключения, выполнять норму питания, даже по минимальной пищевой таблицы, удавалось крайне редко. Местная бюджетная комиссия, ввиду того, что дома заключения получали поддержку от государства в виде продовольственных пайков, при

²⁹⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 336об.

отпуске кредитов по квартальным сметам сокращала суммы, отпускаемые на продовольствие и содержание заключенных.

Принятый губфинотделом за правило порядок первоочередной оплаты по местному бюджету ассигновками на заработную плату не давал ДЗ возможности вовремя приобретать нужное питание. Были случаи, что ассигновки так и не обналичивались из-за отсутствия денег, и возвращались распорядителю кредитов, следствием чего были месяцы, когда в ДЗ продуктов выдавалось на 1 142 кал. (в июле 1923 г.) т.е. половина самой высокой нормы питания заключенных, в то время, как голодной нормой считалась 1500-1800 кал., иначе говоря, обитатели мест заключения кормились впроголодь²⁹⁸. Бюджетных денег, выданных на целый квартал для мест заключения на все расходы, в отдельные месяцы «едва хватало на выплату жалованья»²⁹⁹. В связи с чем оценка Алтайского губернского инспектора мест заключения и по совместительству начальника Алтгубзака Лорбера об улучшении положения ИТД с переходом на хозрасчет и местное финансирование³⁰⁰, представляется весьма спорной, по крайней мере для первой половины 1920-х гг.

Недостаток финансирования со стороны губернского бюджета не всегда позволял организовывать питание заключенных согласно установленным нормам, не говоря об остальных статьях расходов. При плановом обследовании Барнаульского ДЗ в 1923 г. помощник прокурора губернии отмечал, что заключенные обращались к нему с просьбой дать денег на хлеб, т.к. они голодают³⁰¹.

Согласно отчетам начальников ДЗ, из критического положения со снабжением продовольствием алтайские дома заключения смогли выйти к концу 1923 г.³⁰² Продовольственные нормы удавалось выполнять, прежде всего, благодаря заработкам заключенных на внешних работах, которые

²⁹⁸ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 337.

²⁹⁹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 50.

³⁰⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 329об.

³⁰¹ Там же. Л. 150об.

³⁰² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

выплачивались продуктами питания. Кроме того, в снабжении мест заключения оказывала помощь местная продовольственная организация «АлтгубЭкосо», отпускавшая продукты питания по заготовительным ценам, что давало возможность ДЗ, минуя губфинотдел в отношении получения ассигновок, приобретать продукты на заработанные заключенными средства. Организованная Алтайским губдомзаком рыбалка давала возможность весь летний сезон кормить заключенных свежей рыбой, не прибегая к дополнительным расходам. Декабрь 1923 г. стал самым благополучным месяцем года в отношении снабжения ДЗ, поскольку все финансовые сметы были переведены на твердое червонное исчисление, это дало возможность приобретать продукты питания в любое время, не теряя разницы в курсе³⁰³.

Проблемы с питанием испытали фактически все общие места заключения в стране. В более чем 40% мест заключения, состоявших на местном бюджете, как и исправительно-трудовые дома Алтайской губернии, объемы питания находились в рамках голодной нормы (1500–1800 кал. и меньше) (табл. 19).

Таблица 19

Нормы питания общих мест заключения РСФСР в 1924 г.

Количество калорий	Кол-во мест, состоящих на государственном бюджете	Доля, в %	Кол-во мест, состоящих на местном бюджете	Доля, в %
Не менее 2 200 калорий	5 мест заключения	20%	57 мест заключения	17%
1 800–2 200 калорий	15 мест заключения	58%	147 мест заключения	42%
1 500–1 800 калорий	3 места заключения	11%	118 мест заключения	33%
Менее 1 500 калорий	3 места заключения	11%	29 мест заключения	8%

Источник: Гаранжа С.А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 г. дис. канд. юрид. наук. М., 2012. С. 106.

Согласно инспекционным оценкам, в 1925 г. большинство алтайских мест заключения испытывали серьезные проблемы с обеспечением

³⁰³ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 337-337об.

продовольствием. В 1925 г. при положенной трехдневной норме продуктов на 6 924 калорий, по факту заключенные Барнаульского ИТД получали только 1 535,26 кал (22,2% от нормы, т.е. всего 500 кал в день), Бийского ИТД – 2 173,97 кал (31,4%), значительно лучше дела обстояли в Рубцовском домзаке – 5 684,10 кал. (82,1%)³⁰⁴. Переполненность мест заключения и отсутствие дополнительного финансирования на содержащихся сверх штатного количества мест арестантов, приводили к регулярному недоеданию заключенных, вследствие которого значительная часть была ослаблена и находилась в болезненном физическом состоянии. Питание заключенных иногда удавалось приблизить к положенным нормам только благодаря заработкам заключенных на внешних работах, деньгам, вырученным от работы мастерских. В момент обследования краевым инспектором Барнаульского окружного ИТД, проведенного 11 декабря 1926 г., норма питания заключенных составляла 1 604 кал, работающие получали питание до 2 000 кал.³⁰⁵

Согласно хозяйственным сметам Барнаульского окружного ИТД 1927 г., на продовольственное снабжение одного заключенного выделялось 12,36 коп. в день (3 р. 71 коп. в месяц), норма калорий в день составляла 2 287 кал³⁰⁶. Однако говорить о радикальном улучшении питания заключенных в сравнении с предыдущим периодом не приходится, поскольку показатели были нестабильными. В разные месяцы норма пайка значительно сокращалась, поскольку кредиты на продовольствие отпускались на 500 человек (т.е. в соответствии с числом штатных мест), в то время как в ИТД могли содержаться более 700 заключенных. Поэтому сумма суточного пайка заключенного могла составлять только 7,5 копеек, а в отдельные месяцы 6 коп., соответственно количество калорий, получаемых заключенным сокращалось фактически вдвое от предполагаемой нормы³⁰⁷. Добавочный

³⁰⁴ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 86.

³⁰⁵ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 49об.

³⁰⁶ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 70-71об.

³⁰⁷ Для справки: стоимость 1 кг хлеба в 1927 г. составляла 20 коп., 1 кг сельди – 37 коп.

паек выдавался заключенным, работающим в мастерских, софинансирование на улучшение питания составляло 12% от получаемой прибыли³⁰⁸.

Как уже упоминалось выше, некоторые заключенные использовали возможность работы за пределами мест заключения для организации побегов. Побег становился серьезной проблемой для администрации МЗ, поскольку отчасти были спровоцированы нарушением правил отбора кандидатов для внешних работ и халатным подходом к организации конвойной службы. В связи с этим в июне 1922 г. заведующий Алтайского губернского исправительно-трудового отдела Стрекадов распорядился из-за непрекращающихся побегов с внешних работ, не допускать до них осужденных на 2 года и более до истечения полугода со дня ареста, обязательным условием являлось и наличие положительного заключения от учебно-воспитательной части³⁰⁹.

Согласно отчету губернской прокуратуры из Бийского дома заключения в течение 1922–1923 гг. заключенными были совершены 163 побега, из них 101 в 1922 г., 62 – в 1923 г. В эти данные включены сведения как о побегах с внешних работ, так и непосредственно из здания дома заключения³¹⁰.

В июле 1923 г. в течение недели из разных мест губернии были совершены 3 побега, в результате которых 7 человек незаконно оказались на свободе³¹¹. Двое из них – осужденные на долгосрочные работы в г. Змеиногорске, трое конокрадов бежали ночью из каталажной камеры, один человек вскрыл крышу амбара в отделении районной милиции, куда был размещен для отправки в ИТД. В губернском доме заключения с внешних работ в течение августа 1924 г. совершили побег 6 чел., в Бийском – 4 человека.

В отчете по результатам надзора прокуратуры указывалось, что побег из мест заключения являлись распространенным явлением, поскольку

³⁰⁸ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об., 22.

³⁰⁹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 10.

³¹⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25 Л. 332.

³¹¹ Происшествия. // Красный Алтай. 1923. № 178. С. 4.

физическое состояние арестных помещений не соответствовало их назначению: «Ветхие потолки и стены не были способны удержать заключенного, пожелавшего убежать с территории»³¹². Помещение губернского ДЗ было признано прокурорским надзором непригодным для содержания заключенных еще в 1923 г., однако здание вплоть до 1927 г. продолжало эксплуатироваться по назначению³¹³.

В январе 1923 г. в Алтайском губернском доме заключения была проведена проверка помещений, находящихся на его территории. В составленном по ее результатам акте о состоянии домзака указывалось, что все здания нуждались в капитальном или частичном ремонте. Большинство зданий на территории дома заключения были деревянными, некоторые были перестроены из старых разобранных домов, поэтому с течением времени они естественным образом обветшали. На ремонт административного здания, первого и второго корпусов ДЗ, частичное обновление бани, кухни и пекарни, мастерских, больницы, конюховской, ограды и въездов требовалось 16 789 руб. зол.³¹⁴ Согласно отчету Алтайского губисполкома, капитальный ремонт губернского ИТД был проведен в 1924 г.: построена новая ограда, отремонтированы деревянные корпуса, в которых размещались заключенные, больница, мастерские. В этом же году частично были отремонтированы помещения Рубцовского дома предварительного заключения. Весной 1925 г. были проведены ремонтные работы в Бийском ИТД³¹⁵.

Ветхость построек для содержания заключенных и их несоответствие изоляционному назначению в ряде случаев являлись причиной, по которой совершались побегии. Несмотря на низкую изоляционную способность ИТД, 60–70% от общего числа побегов совершалась с внешних работ. Побегии по большей части были прерогативой профессиональных преступников и бандитов, для которых скрываться от правосудия было естественной частью

³¹² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

³¹³ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 2. Л. 56об.

³¹⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 153-155об.

³¹⁵ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 203.

жизни, именно поэтому пребывание подобного контингента на внешних работах ограничивалось. Среди беглецов зачастую также значились уголовники, осужденные к высшей мере наказания, для которых побег был последней возможностью остаться в живых. 9 июля 1925 г. в Барнаульском ИТД был предотвращен побег заключенных, получивших смертельный приговор³¹⁶. Несколько раньше, 5 июля 1925 г., «во время вывода заключенных из клуба после концерта, воспользовавшись темнотой, срочно-заключенный Жедин Ф. скрылся, перепрыгнув через забор. В ночь на 8 июля 1925 г. одновременно бежали трое заключенных (Трубачев, Маевский и Постороннев) из пимокатной мастерской, взломав решетки на окне. Все заключенные были осуждены на сроки от 4 до 10 лет, некоторые со строгой изоляцией»³¹⁷.

Приведенные примеры о побегах из мест заключения наглядно демонстрируют недостатки в работе алтайских исправительно-трудовых учреждений. Нехватка и недостаточная квалификация конвоя, непригодность зданий, отведенных под места лишения свободы, не позволяли выполнять задачу изоляции и полного контроля над заключенными. Для того чтобы сократить количество побегов из мест заключения администрацией были предприняты меры по усилению строгости режима, неукоснительное соблюдение правил изоляции для строго-осужденных стало первоочередной задачей, отбор кандидатов для внешних работ должен был проводиться более тщательно, также временно были полностью прекращены спектакли и концерты для заключенных. Подтверждением неэффективности предпринимаемых мер стало продолжение практики побегов: из Барнаульского окружного ИТД в 1926 г. сбежал 101 заключенный³¹⁸.

Во второй половине 1920-х гг. в большинстве исправительно-трудовых учреждений были осуществлены некоторые меры, направленные на

³¹⁶ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 81. Л. 859-861об.

³¹⁷ Там же. Л. 859.

³¹⁸ Примечательно, что значительная часть побегов была совершена в этот период с внешних работ по перестройке здания монастыря под новое помещение для ИТД. // ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6091. Л. 158.

повышение профессионализма кадрового состава: организованы обучающие курсы для сотрудников пенитенциарного дела, которые включали в себя лекции по исправительно-трудовому праву, изучение уставных инструкций³¹⁹. В течение 1923–1928 гг. количество конвойной стражи в ИТУ страны было увеличено в два раза и достигло 20 тыс. человек³²⁰.

В целом условия пребывания в общих местах заключения в большой степени определялись бытовыми недостатками, обусловленными переполненностью мест заключения. Необходимостью для пенитенциарной политики подстраиваться под эти реалии можно объяснить проведение регулярных амнистий и практику досрочного освобождения через распределительные комиссии.

Положение с перегруженностью мест заключения временно нормализовали массовые амнистии, проводившиеся по случаю государственных праздников. Однако эффект от подобных мероприятий был крайне недолгосрочным. Проводившиеся «разгрузки» мест заключения давали возможность в лучшем случае проветрить камеры, поскольку в ближайшие дни они наполнялись новым контингентом³²¹.

В 1922 г. была проведена амнистия к 5-й годовщине Октябрьской революции. Согласно постановлению Народного комиссариата юстиции (НКЮ) были определены контингенты лиц, подлежащих амнистии. Предполагалось сократить срок заключения не менее чем на 1/3 от ранее определенного по суду, но не более чем наполовину для осужденных к лишению свободы или принудительным работам на срок более 1 года. Амнистия не должна была распространяться на лиц, осужденных за тяжкие контрреволюционные преступления, предусмотренные ст. 57-67 УК, должностные преступления, предусмотренные ст. 110-111 УК, взяточничество (ст. 114), за изготовление с целью сбыта самогона (ст. 140) и

³¹⁹ Курас Л.В., Суш С.П. Нормативно-правовая документация о режиме в местах лишения свободы СССР в 20-30-е гг. XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. С. 80–81.

³²⁰ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 100.

³²¹ Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики XI Съезду Советов. М., 1924. С. 10.

за повторное совершение каких-либо преступлений. Также амнистия не распространялась на лиц, приговоренных к высшей мере наказания, приговор в отношении которых еще не был приведен в исполнение³²². Решение о назначении амнистии принималось на заседаниях местных распределительных комиссий, которые занимались пересмотром дел³²³.

Сложности с проведением хлебозаготовок определяли необходимость смягчения приговоров в отношении оказавшихся в местах заключения крестьян. Так, постановление ВЦИК № 164 от 24 июля 1923 г. предписывало освободить крестьян, осужденных за самогоноварение, с целью предоставления им возможности участвовать в уборке урожая³²⁴.

Проект постановления ВЦИК «Об отпусках из мест заключения на полевые работы срочных заключенных крестьян» от 14 июля 1924 г. предписывал отпускать на полевые работы для поддержания крестьянских хозяйств мелких нарушителей, «совершивших преступление по неосознанности, случайно или вследствие тяжелых материальных условий и не внушающих опасений в смысле побега», исключая профессиональных преступников, злостных хулиганов и бандитов. Срок отпуска устанавливался в 1 месяц, который засчитывался в общий установленный судом срок наказания. Обязательным условием для освобождения из мест заключения было предоставление ходатайства от местных сельских и волостных исполкомов о том, что заключенный «действительно принадлежал к числу трудового сельскохозяйственного населения данной местности и отпуск вызывается потребностью в его хозяйстве»³²⁵.

С 1925 г. отпуск заключенных из числа крестьян для проведения полевых работ увеличился на срок до 3 месяцев и мог предоставляться не

³²² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

³²³ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 320.

³²⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 38.

³²⁵ Там же. Л. 158.

только распределительной комиссией, но и прокурором губернии, при этом часть этого времени или все 3 месяца шли в зачет отбытого срока³²⁶.

Среди срочно-заключенных Алтайского губернского ИТД в 1925 г. в списках тех, кто имел право воспользоваться отпуском на 7 или 14 дней, значились заключенные, которые своим поведением демонстрировали «исправление» и отбыли половину срока. Из них к среднему разряду относились 80,4%, к высшему – 19,6%, к первой категории принадлежали 23,9% заключенных, 8,7% – ко второй категории, 67,4% – к третьей³²⁷ (о критериях ранжирования по разрядам и категориям см. выше).

В июне 1923 г. в честь образования СССР в местах заключения проводилась масштабная амнистия. В специально принятом по этому поводу постановлении Президиума ВЦИК она объяснялась необходимостью «вернуть мирному строительству тех рабочих и крестьян, которые хотя и нанесли вред республике, но свои деяния совершили в первый раз по неосознанности, случайно или под давлением тяжелых материальных условий³²⁸. Данная амнистия установила очень широкий круг лиц, в отношении которых было применено условно-досрочное освобождение. Руководство страны решило масштабно разгрузить места заключения, в связи с чем освобождению по данной амнистии подлежали не только лица, осужденные по уголовным статьям, но и «мелкие» политические противники. В частности, освобождению подлежали: «<...> Рабочие и крестьяне, осужденные в административном порядке до 1 июня 1922 г. за участие в движении против Советской власти, вовлеченные вследствие своей неосознанности и не являвшиеся инициаторами, организаторами и активными руководителями <...>»³²⁹.

Ежегодно проводились акции по досрочному освобождению «женского контингента» в честь Международного дня женщин (работниц). В газете

³²⁶ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 97.

³²⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 81. Л. 199-199об.

³²⁸ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 555.

³²⁹ Там же.

«Известия» 6 марта 1924 г. было опубликовано постановление о порядке применения амнистии к женщинам, находившимся в местах лишения свободы. Постановление ВЦИК предписывало «освободить из-под стражи тех крестьянок и работниц, которые, отбыв ко дню женского праздника половину и более срока наказания, не внушают опасений в смысле возможности совершения ими новых преступлений». В ходе проведения данной амнистии из Алтгубзака были освобождены 20 из 57 находившихся в нем женщин и 8 женщинам, осужденным к принудительным работам без содержания под стражей, наказание было отменено полностью³³⁰.

В ноябре 1926 г. проводилась срочная внеплановая разгрузка мест заключения, не сопряженная с какими-либо официальными праздниками. Президиум ВЦИК поручил местным распределительным комиссиям в течение месяца рассмотреть дела всех содержащихся в местах лишения свободы по приговорам народных, губернских судов и военных трибуналов. Данная амнистия должна была быть применена к заключенным, которые отбыли половину срока и демонстрировали признаки морального исправления, чье освобождение не будет иметь социально-опасных последствий³³¹.

Циркуляр НКВД от 11 января 1928 г. об амнистии в ознаменование 10-летия Октябрьской революции, не только регламентировал порядок досрочного освобождения, но и распространялся на уголовников, обвиняемых или подозреваемых в обвинениях, которые находились в бегах – розыск по таким делам прекращался³³². В ходе этой амнистии по стране были освобождены 60 тысяч заключенных. Однако уже в следующем году места лишения свободы были вновь переполнены, и число заключенных достигло 118 888 человек³³³.

³³⁰ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 65. Л. 24.

³³¹ ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

³³² ГААК. Ф. Р-915. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

³³³ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 94.

В феврале 1930 г. согласно распоряжению Совнаркома были определены новые контингенты заключенных, в отношении которых предусматривалось смягчение наказания. В округах Сибирского края и ряде других областей специальной комиссией проводилась разгрузка мест заключения на основании следующих установок: «Пересмотреть состав лиц, лишенных свободы по судебным приговорам на срок до 1 года с тем, чтобы содержание под стражей было заменено для этих лиц принудительными работами»³³⁴.

Широкое применение амнистии в течение 1920-х гг. главным образом преследовало своей целью разгрузку мест заключения от излишнего количества постоянно поступающего контингента. Вместе с тем, данные мероприятия соответствовали декларируемым либеральным принципам пенитенциарной политики, где массовые амнистии могут рассматриваться как инструмент, позволяющий освободить мелких и случайных преступников от пагубного влияния уголовной среды в местах заключения. Вместе тем, амнистии применялись в отношении уголовников, которые демонстрировали признаки исправления, тем самым показывая заключенным, что они сами способны повлиять на свое положение.

Губернской прокуратурой иногда рассматривались курьезные случаи о применении постановлений об амнистии. В 1923 г. заключенный губернского ДЗ Третьяков был включен в списки лиц, в отношении которых была применена амнистия. Распределительной комиссией было упущено из виду, что этот заключенный находился в бегах. Однако через некоторое время Третьяков добровольно вернулся в домзак, из-за чего администрация запросила разъяснения у прокуратуры о том, в каком статусе должен находиться этот заключенный. В результате Третьяков был освобожден на основании примененной ранее амнистии³³⁵.

Советские амнистии 1920-х гг. имели характерные особенности. Они применялись преимущественно к лицам, относящимся к классу трудящихся.

³³⁴ ГААК. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

³³⁵ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 73-74.

Амнистии как правило, не распространялись на лиц, совершивших государственные преступления, т.е. освобождению преимущественно подлежали только уголовные правонарушители, исключение составляли лица, формально называемые «политическими преступниками» (см. выше об амнистии в честь создания СССР). Применение амнистии было обусловлено составом преступления, а не биографией личности, поэтому к неоднократно судимым гражданам за мелкие преступления она могла применяться повторно³³⁶. Амнистия на протяжении 1920-х гг. являлась единственным работающим инструментом, способным временно, но все же разгрузить места заключения от излишней перегруженности.

Материально-бытовые условия содержания заключенных, перманентная нехватка финансирования, отсутствие специальных педагогических кадров существенным образом ограничивали возможности для реализации политики по перевоспитанию преступников.

К концу рассматриваемого периода применение практики «трудового перевоспитания» в отношении преступных элементов было признано утопичным. Общие места заключения не стали экономически рентабельными учреждениями, собственными силами они не могли решить даже вопрос продовольственного снабжения. Острая материальная нужда общих мест заключения противоречила самому духу высокой идеи о возможности перевоспитания преступников в условиях изоляции.

Действующая модель системы мест заключения была признана неэффективной на I Всесоюзном совещании пенитенциарных работников, состоявшемся в октябре 1928 г. Большинство участников данного совещания порицался существующий в местах заключения «излишний уклон в сторону воспитательной части» и повышенное внимание к улучшению культурного и образовательного уровня заключенных, в то время как они должны выполнять функцию изоляции и эффективно использовать

³³⁶ Никулин В.В. Институт амнистии и досрочного освобождения в советском уголовном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2014. № 2. С. 20.

находящуюся в их распоряжении рабочую силу³³⁷. Указывалось, что «места заключения отрывают средства от прямых и больших задач советского строительства, от индустриализации промышленности, от механизации и интенсификации сельского хозяйства. Чем меньше будет оторвано средств, тем лучше. Места заключения должны иметь установку не на паразитический субсидируемый способ существования, а на трудовой, и, хотя бы окупать расходы на свое содержание...»³³⁸.

Данное совещание положило начало кардинальным переменам, выразившимся в реформировании пенитенциарной системы и смене парадигмы «трудового перевоспитания» на практику эффективного использования труда. Всем окружным административным отделам, отделам ОГПУ, председателям окружного суда и прокурорам 9 сентября 1929 г. был разослан циркуляр № 309 с неопубликованным постановлением СНК СССР от 11 и 16 июля 1929 г., который предлагал НКЮ «свою дальнейшую работу вести в направлении полного использования лиц, лишенных свободы от одного до трех лет, в специально-организованных с/х и промышленных колониях. Заключение, приговоренные к л/с на 3 года и выше подлежали изъятию из мест заключения по линии НКВД и отправке в трудовые лагеря, организуемые по линии ОГПУ»³³⁹.

Для отбора кандидатов, направляемых в концентрационные лагеря, на местах создавались окружные комиссии из: 1) представителя окружного отдела ОГПУ и 2) местного изолятора; 3) прокурора, который должен был дать заключение на подтверждение списка пересыльных. Переводу в концентрационные лагеря преимущественно подлежали осужденные к длительным срокам лишения свободы: а) рецидивисты и профессиональные преступники; б) конокрады и скупщики краденного; в) поджигатели; г) злостные растратчики и взяточники; д) осужденные за бандитизм, разбой и

³³⁷ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. I Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15-21 октября 1928 г. М., 1929. С. 62.

³³⁸ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. I Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15-21 октября 1928 г. М., 1929. С. 76.

³³⁹ ГААК. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 10. Т. 2. Л. 265а.

контрреволюционные преступления; е) аферисты-мошенники; ж) осужденные, в отношении которых в приговоре суда имелось указание на ссылку их в определенную местность с принудительными работами. Несовершеннолетние заключенные не подлежали отбору в лагеря вне зависимости от срока лишения свободы³⁴⁰.

Приказ предполагал определенную выкачку ликвидных профессиональных ресурсов из мест общего заключения, практически полезных для создания сети учреждений лагерей ОГПУ. На основании данного приказа в сентябре 1929 г. из Бийского ИТД были переведены в Томский изолятор 7 заключенных-плотников по специальности, осужденных на сроки от 3 до 5 лет за убийства, растраты и тяжкие телесные повреждения³⁴¹. Через несколько дней из Бийского ИТД также была переправлена группа из 77 заключенных в Красноярский изолятор для пересылки в лагерь ОГПУ. Важным пунктом в отборе заключенных для лагерей являлось их физическое состояние: в приказе прямо говорилось о более сложном характере работ в лагерях, нежели в ИТД, что исключало необходимость в больных и физически слабых кадрах.

В поддержку постановления о лагерях ОГПУ Сибкрайсуд уже 24 сентября 1929 года распространил по округам циркуляр «О борьбе с уголовной преступностью», предусматривавший ужесточение мер борьбы с нею³⁴². В нем указывалось: «Наблюдающийся в пределах Сибкрая рост уголовной преступности: бандитизма, разбоя, грабежа, краж, притоносодержательства, шинкарства и проч., нарушающих революционный порядок требует применения решительных мер борьбы с этими преступлениями. <...> б) Применяемые некоторыми судами в отношении воров-рецидивистов, и прочих социально-опасных элементов меры социальной защиты в виде штрафа и принудительных работ являются нереальными мерами борьбы с этими преступниками; как общее правило к

³⁴⁰ ГААК. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 10. Т. 2. Л. 2656.

³⁴¹ Там же. Л. 266.

³⁴² Там же. Л. 274; ГААК Ф. Р-915. Оп. 1 Д. 3 Л. 34.

ним должна применяться ссылка, являющаяся наиболее реальной мерой с/з против рецидивистов при том следует иметь в виду, что ссылка может назначаться не только, как дополнительная, но в качестве основной меры соцзащиты; 7) В отношении притоносодержателей, шинкарей, самогонщиков, скупщиков краденного, являющихся рассадниками уголовной преступности, следует применять наиболее жесткие меры с/з в пределах санкции соответствующих статей УК и помимо основной меры с/з назначать им в качестве дополнительной меры ссылку или высылку. 8) Так как необходимым условием успешной борьбы с уголовной преступностью является быстрое применение репрессии, дела эти должны рассматриваться в самом срочном порядке не позднее 7-ми дневного срока в Окружном суде с момента поступления дела и в 3-дневный срок в Нарсудах...». Данное постановление было направлено на ужесточение наказания в отношении уголовников-рецидивистов и других категорий уголовников, тем самым утвердив окончание политики «перевоспитания» преступников.

Таким образом, в 1929 г. произошло разделение мест лишения свободы между органами НКЮ и ОГПУ. Внедрение новой системы исправительно-трудовых учреждений официально было призвано способствовать разгрузке общих мест заключения, а также для эффективного использования экономического потенциала труда заключенных в хозяйственном освоении отдаленных регионов. В связи с установлением государственного курса на индустриализацию, акценты в организации политики мест заключения в отношении преступных контингентов были смещены в сторону наращивания производственной эффективности в использовании труда заключенных и отказом от практики культурно-воспитательных мер.

Период 1920-х гг. на Алтае был сопряжен с серьезными социально-политическими и экономическими потрясениями, оказавшими существенное влияние на жизнь общества в целом и состояние уголовной преступности. В данный период система правоохранительных и административных органов

не была способна установить полный контроль над уровнем преступности в регионе, в связи с чем борьба с ее наиболее острыми проявлениями проводилась «кампанейскими» и чрезвычайными мерами. Наиболее ярким проявлением чрезвычайной политики являлось привлечение к борьбе с уголовным бандитизмом внесудебных органов – троек ПП ОГПУ Сибири. Низкая эффективность предпринимаемых мер в борьбе с преступностью была обусловлена в том числе кадровым дефицитом в органах милиции, а также незрелостью советской правоохранительной системы в целом, фактически сформированной только в 1922-1923 гг.

Высокий уровень социальной девиации и преступности провоцировал серьезные сложности в организации деятельности пенитенциарной системы. Ограниченная материальная база алтайских мест заключения в течение 1920-х гг. не позволяла разместить поступающий контингент в полном объеме. Поэтому перманентной проблемой для исправительно-трудовых учреждений была их переполненность (и как следствие нарушение внутреннего режима по отдельному содержанию различных категорий заключенных), антисанитария, высокая заболеваемость, нехватка пищевого довольствия.

Глобальной задачей, поставленной советской властью перед местами заключения в 1920-е гг., стала необходимость «перевоспитания и интеграции» уголовников в социум посредством повышения их культурно-образовательного уровня и привития трудовых навыков. Однако нерешенность материально-бытовых и кадровых проблем действующей пенитенциарной системы делала нежизнеспособной идею «перевоспитания» уголовников в условиях изоляции. Отказ от политики «перевоспитания» в том числе был связан и со сменой роли пенитенциарных учреждений в экономике страны. С конца 1920-х гг. места заключения и вверенный им контингент стали важным трудовым ресурсом для реализации задач экономической модернизации страны.

ГЛАВА 2. ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ УГОЛОВНИКОВ В 1930-Е ГОДЫ

2.1. Борьба с уголовной преступностью на Алтае и в Западно-Сибирском крае в первой половине 1930-х гг.

В 1930 году в системе правоохранительных органов произошли изменения, вызванные упразднением органов НКВД РСФСР и передачей руководства милицией и уголовным розыском ОГПУ³⁴³. В Сибирском крае эти ведомственные преобразования совпали с административными, в результате которых был образован Западно-Сибирский край (ЗСК). В 1931 г. все отделения милиции были реорганизованы и стали подчиняться непосредственно краевому исполнительному комитету и президиумам райисполкомов, что являлось попыткой централизации руководства и ограничения самостоятельности правоохранительных органов на местах.

Передача милиции в ведение ОГПУ способствовала усилению ее роли в задачах политического сыска и государственного принуждения в отношении идеологических противников. Таким образом ресурсы милиции и уголовного розыска были перераспределены из сферы охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью для решения задач государственной безопасности, что являлось неизбежной необходимостью в условиях проводившейся политики коллективизации и «раскулачивания», требовавшей оперативного использования правоохранительных органов для мобилизации и контроля больших масс населения, направляемых к местам ссылки, а также поиска «врагов колхозного строя»³⁴⁴.

Поскольку алтайские районы до 1937 г. находились в составе ЗСК, целесообразно рассмотреть состояние преступности на Алтае и меры, предпринимаемые правоохранительными органами по борьбе с ней, во

³⁴³ Постановления ВЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации Народных Комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» и «О руководстве органами ОГПУ деятельности милиции и уголовного розыска». // СЗ СССР 1930 г. № 60, ст. 640. С. 1157-1158.

³⁴⁴ Курицын В.М. История государства и права России. 1929-1940 гг. М., 1998. С. 95-96.

взаимосвязи с аналогичными процессами в ЗапСибкрае. Данный подход также оправдан с точки зрения содержания доступных источников, в которых порайонные статистические данные представлены фрагментарно, как правило, только в случаях, когда ситуация в районах имела характерные особенности, определявшиеся высокими показателями по определенным видам преступности.

Проводившийся на рубеже 1920–1930-х гг. курс на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств и борьбу с кулачеством привел к существенным переменам в жизни советской деревни. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»³⁴⁵. На Алтае к кулацким были отнесены 24 тыс. крестьянских хозяйств, из них к выселению определены 13 574³⁴⁶. В мае 1930 г. из районов бывшей Алтайской губернии были высланы 6792 «кулацкие» семьи, в 1931 г. высылки продолжились и на основании постановления Запсибкрайисполкома от 5 мая 1931 г. «О ликвидации кулачества как класса» в Западно-Сибирском крае было выселено около 40 тыс. семей «вновь выявленных кулаков»³⁴⁷. Массовые высылки людей, сопровождавшиеся экспроприацией фактически всего нажитого имущества, вызывали среди так называемых «кулаков» острые чувства недовольства и несправедливости в отношении властей и местного населения, являвшихся непосредственными исполнителями данных репрессивных акций.

Любое сопротивление политике массовой коллективизации расценивалось как проявление «контрреволюционных настроений» и предполагало в качестве ответных мер со стороны органов ОГПУ и юстиции самые суровые репрессии. В период с 1928 по 1933 г. за противодействие политике коллективизации и раскулачивания по ст. 58 УК РСФСР были

³⁴⁵ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 12. С. 169.

³⁴⁶ Анашкин А.П. Раскулачивание на Алтае в 1928-1931 гг. // Алтайская деревня в 20-30-е гг. XX века. Барнаул, 2010. С. 58-59.

³⁴⁷ Разгон В.Н. Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928-1933 гг.): постановка проблемы. С. 36.

осуждены около 8 тыс. алтайских крестьян, из которых 17% приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам лишения свободы в ИТЛ³⁴⁸.

Проводившаяся в деревне политика вызвала массовое недовольство крестьян, проявлявшееся не только в пассивном сопротивлении и бегстве в города и рабочие поселки, но и в интенсивном росте «контрреволюционных преступлений» и, как следствие, расширении уголовного бандитизма. Сложившаяся ситуация способствовала распространению хулиганства, грабежей, образованию бандитских групп. В связи с этим в Западной Сибири, и на Алтае в том числе, активизировалась деятельность органов ОГПУ в борьбе с преступностью, им были переданы дела о бандитизме, которые могли рассматриваться во внесудебном порядке³⁴⁹.

На заседании Западно-Сибирского Управления РКМ по итогам работы 1931 г. отмечалось, что «банды объединяются с уголовно-преступным миром и, занимаясь уголовными преступлениями, в то же время ведут политическую борьбу с властью путем разгрома колхозов, советских учреждений и предприятий»³⁵⁰. Таким образом, уголовные преступления, совершенные группами лиц, подпадали под классификацию контрреволюционных преступлений и приобретали «политическую окраску».

Рост общего числа преступлений происходил в результате увеличения количества таких видов правонарушений, как преступления против порядка управления, имущественные и должностные (табл. 20).

Таблица 20

Уголовная преступность в ЗапСибкрае в 1930–1931 гг.

Период	Преступления против порядка управления	Имущественные преступления	Должностные преступления
2 полугодие 1930 г	6 243	5 716	1 176
1 полугодие 1931 г.	8 126	6 144	1 198
Рост, в %	130,2	107,5	101,5

Источник: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 218. Л. 2.

³⁴⁸ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае. 1919-1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015. С. 64.

³⁴⁹ Папков С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 133-134.

³⁵⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 218. Л. 2.

Примечательно, что увеличение преступности объяснялось органами милиции следующим образом: «Специфичность обстановки и особые условия Западно-Сибирского края привели к тому, что наряду с ростом экономического благосостояния, наблюдается рост преступности по краю»³⁵¹. Подобное объяснение выглядит парадоксальным, поскольку говорить об улучшении материального положения сколько-нибудь значительной части населения не представляется возможным в то время, как коллективизация и раскулачивание привели к подрыву экономических ресурсов деревни (из-за массового забоя скота, изъятия зерна, порчи имущества), обнищанию значительных слоев населения и их маргинализации.

Начальник Управления РК милиции ЗСК Пупков в своем докладе указывал, что за 1931–1932 гг. «особенно отмечается бурная перекочевка преступного элемента из деревни в города, в промышленные районы»³⁵². Миграционные потоки составляли не только преступники, в города, для работы на стройках и промышленных предприятиях, в массовом порядке переселялись крестьяне, выдавливаемые из деревни политикой коллективизации и ее последствиями. Происходила также активная миграция неустроенного и нищего населения в Сибирь, преимущественно в сельские районы, из центральной части страны: из-за неурожая и голода люди бежали в восточные сельскохозяйственные регионы, формируя тем самым массы населения, потенциально способные пополнить преступное сообщество.

Среди предпосылок роста имущественных преступлений УРКМ ЗапСибкрая отмечались также массовые случаи побегов заключенных из мест лишения свободы и ИТЛ ОГПУ, ссыльных – с мест ссылки, «кулаков» – с мест расселения, многие из которых пополняли ряды преступников. С весны 1930 г. по сентябрь 1931 г. с комендатур ЗапСибкрая бежали 28 756

³⁵¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 218. Л. 2.

³⁵² Там же. Л. 3.

чел. (9,2% от общего количества спецпоселенцев ЗСК)³⁵³. С мая по конец сентября 1931 г. в Западно-Сибирском крае бежало: ссыльных с принудительных работ – 330 чел., заключенных из общих мест заключения – 2 334 чел., из лагерей ОГПУ – 3 500 чел., тылоополченцев – 540 чел., спецпоселенцев – 770 чел., итого – 7 474 чел.³⁵⁴. По некоторым сведениям, совокупное число бежавших с мест поселения в период с 1932 по 1940 г. составило 148 747 чел. (23,6%)³⁵⁵. Бежавшие с комендатур спецпоселенцы продолжительное время составляли потенциальную базу для пополнения уголовного контингента.

Борьба с уголовной преступностью осложнялась рядом обстоятельств: 1) закрытием в конце 1930 г. в Сибирском крае четырех домзаков, три из которых находились в алтайских городах (в Славгороде, Рубцовске, Камне), в результате чего ограничивались возможности приема уголовного «контингента» из-за переполненности мест заключения; 2) отсутствием межрайонных арпомещений, наличие которых могло облегчить транспортирование заключенных к месту назначения и способствовать разгрузке арпомещений при управлениях отделений милиции (нормативное количество мест в арпомещениях милиции составляло 3 908, фактически же содержалось 6 317 чел., т.е. загрузка составила 162%); 3) нехваткой милицейских кадров.

Согласно данным таблицы 21, в 1930–1931 гг., несмотря на увеличение численности населения, штат милиции был уменьшен в Барнауле на 23%, в Бийске – на 22%. В данный период работа милиции по основной деятельности была к тому же ослаблена из-за привлечения к выполнению несвойственных ей ранее функций, в частности, к проведению «кулацкой» высылки.

³⁵³ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). / [Ю.И. Голиков, С.А. Красильников и др.] М., 2017. С. 490.

³⁵⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 218. Л. 3.

³⁵⁵ Маргиналы в социуме... С. 494.

Соотношение штата милиции и количества населения

	1930 г.		1931 г.	
	Штат милиции	Кол-во населения	Штат милиции	Кол-во населения
Барнаул	152 чел.	91 тыс. чел.	117 чел.	100 тыс. чел.
Соотношение	1: 600		1 : 855	
Бийск	88 чел.	51 тыс. чел.	69 чел.	53 тыс. чел.
Соотношение	1: 580		1 : 768	

Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 218. Л. 6.

В 1931 г. в ряде алтайских районов (Волчихинском, Усть-Пристанском, Рубцовском) отмечалась активизация деятельности «орудовавших» на их территории профессиональных скотоконокрадческих шаяк, которые имели необходимые штампы и печати для «легального» сбыта краденого скота³⁵⁶. Безнаказанность и отсутствие оперативной реакции со стороны правоохранительных органов приводили к распространению все более дерзких проявлений преступной деятельности скотокрадов: скот начали уводить не только с частных подворий, но и с колхозных и совхозных ферм.

Особенно остро в данный период обстояли проблемы с кражей скота в районах, граничащих с Казахстаном. В 1932 г. вследствие проведения политики коллективизации и принудительной «оседлости», недостатка хлеба и засухи с Казахстана шло массовое переселение казахов, которые спасались от голодной смерти, в том числе совершая кражи скота. В отдельные месяцы в г. Славгороде регистрировалось более 300 случаев краж скота ежедневно³⁵⁷.

К августу 1932 г. приток казахских «откочевщиков» был приостановлен, более 30 тыс. человек вернулись на прежние места жительства. Однако ситуация была невероятно сложной: неустроенные, голодные казахские семьи вынуждены были нищенствовать, питаться отбросами. Распространенными стали случаи нападения целых групп казахов на столовые, пекарни, маслозаводы и квартиры рабочих с требованиями и угрозами отдать им продукты. Из справки СПО ОГПУ в Западно-Сибирском

³⁵⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 175. Л. 33.

³⁵⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 255. Л. 187.

крае от 8 августа 1932 г. следовало, что 3 июня в Завьяловском районе группа казахов ворвалась в кухню столовой и забрала из котлов мясо и хлеб³⁵⁸. Абсолютная неустроенность и нужда тысяч людей провоцировала рост числа случаев насилия, причинения телесных повреждений, убийств, краж и разбоя. В первой половине 1930-х гг. в Западную Сибирь мигрировали около 100 тыс. спасавшихся от голодной смерти казахов, не имевших средств к существованию, что сказалось на повышении общего уровня преступности в регионе³⁵⁹.

Преобладающим видом правонарушений оставались имущественные преступления: по краю их доля в общем числе зарегистрированных преступлений в декабре 1931 г. составляла 36,4%, в январе 1932 г. – 44,3%³⁶⁰.

Значительную часть имущественных преступлений, согласно обзору начальника управления РК милиции ЗСК Пупкова, за первую половину 1932 г., составляли простые кражи – 37,3%. При этом большая часть краж совершалась в городах – 58,2%, а в сельской местности – 41,8%³⁶¹. Простые кражи, как показывала практика, преимущественно совершались малоквалифицированными, случайными преступниками из незакрытых квартир, на вокзалах, базарах и прочих местах, где объектом кражи являлись домашние вещи, одежда, обувь и съестные припасы. Квалифицированные кражи, составлявшие в общей массе имущественных преступлений 43,1%, организовывались профессиональными преступниками, основная часть из них приходилась на рабочие поселки и города. Имущественные преступления в целом демонстрировали тенденцию к увеличению: в 1932 г., по сравнению с предыдущим годом, на 6,2%.

³⁵⁸ Спецсправка СПО ОГПУ о положении казахских откочевщиков в Западно-Сибирском крае // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т.3. М., 2001. С. 454-455.

³⁵⁹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. М., 2008. С. 399.

³⁶⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 255. Л. 52.

³⁶¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 376. Л. 23-24.

Значительная доля среди всех преступлений в крае приходилась на правонарушения, совершенные «уголовно-профессиональными элементами» – 37,8% в декабре 1931 г., 44,3% – в январе 1932 г. Высокая доля профессиональных уголовников в общем составе правонарушителей объясняется разрастанием в регионе пенитенциарной системы, в том числе появлением Сиблага, после освобождения или побегов из лагерей которого, уголовные элементы оседали на территории края. Доля двух алтайских районов среди общего объема правонарушений, совершенных «профессиональными уголовниками» в ЗСК, составляла около 7,7% (в Бийском районе – 3,5%, в Барнаульском – 4,2%)³⁶².

Существенные рычаги контроля над ситуацией с преступностью органам правопорядка давала введенная 7 декабря 1932 г. внутригосударственная паспортизация. Новый закон позволял в ходе выдачи паспортов выявить лиц, нелегально проживающих в городах, крестьян, бежавших от раскулачивания, и прочие «чуждые» и маргинальные элементы. Отсутствие паспортов осложняло для правоохранительных органов поддержание общественного порядка, поскольку допускало бесконтрольный отъезд сельского населения в города. Миграция обостряла проблемы с преступностью, дисциплиной на объектах производства, куда попадали подобные неблагополучные элементы и вызывала рост массовой девиации.

«Положение о паспортах» предусматривало обязательную выдачу паспорта всем гражданам СССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающим в городах, рабочих поселках, работающим на транспорте, в совхозах и на новостройках³⁶³. Жители сел и деревень не были включены в программу обязательной паспортизации, за исключением лиц, проживающих в 10 км от государственной границы, эти меры позволяли контролировать миграцию сельского населения в города. Выдача паспортов сопровождалась

³⁶² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 255. Л. 167.

³⁶³ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27.12.1932 № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» [Электронный ресурс]. // Libussr: биб-ка нормат.-прав. актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3845.htm (дата обращения: 22.02.2017).

одновременными операциями по «очистке» городов от нежелательных категорий населения. С августа 1933 г. в течение года при полпредствах ОГПУ действовали так называемые паспортные чекистско-милицейские тройки, состоявшие из начальника УРКМ, начальника паспортного стола УРКМ и начальника Оперативного отдела ПН ОГПУ, которые осуждали лишенцев, «раскулаченных», бывших заключенных, задержанных без документов, а также неработающих, «летунов» и «дезорганизаторов производства»³⁶⁴. Борьбе с «летунами» и «дезорганизаторами производства» т.е. прогульщиками, посвящались целые развороты газеты «Советская Сибирь», призывающие бороться с нарушителями трудовой дисциплины³⁶⁵.

Темпы проводимой паспортизации населения были стремительными: за 1933 г. в Западно-Сибирском крае были выданы 1 197 311 паспортов. При этом в рабочую пятидневку выдавалось более 20 тыс. документов: так, с 1 по 5 января 1934 г. паспортным отделом Западно-Сибирского краевого управления милиции (ЗСК УМ) было зарегистрировано 29 392 удостоверения³⁶⁶. При этом паспорта получили из числа лиц, состоявших на работе или службе: судившиеся ранее – 282 чел. (1%), «социально-чуждые элементы» – 250 чел. (0,9%); из не состоявших на службе и работе: судившиеся – 81 чел. (0,3%), «социально-чуждые элементы» – 209 чел. (0,7%), без определенных занятий – 163 чел. (0,6%)³⁶⁷. Таким образом, в ходе паспортизации населения ЗСК 3,4% всех паспортов были выданы гражданам, подходившим под признаки «социально-чуждых» и «паразитических» элементов, в отношении которых, как правило, применялись меры репрессивного характера. Подобная практика в целом являлась нетипичной, поскольку милиция и паспортные тройки пытались ограничить пребывание подобного контингента в городской черте, однако на начальном этапе паспортизации подобные исключения допускались в том числе в отношении

³⁶⁴ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. М., 2008. С. 398.

³⁶⁵ Рабочие и служащие требуют укрепления трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях // Советская Сибирь. 1938. № 283. Л. 3.

³⁶⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 644. Л. 7.

³⁶⁷ Там же. Л. 7, 32.

лиц, не занятых «общественно-полезным трудом», «лишенцев», находившихся на иждивении, нужных советскому правительству специалистов и т.д.

Начатая постановлением СНК №775/146/с от 20 апреля 1933 г. паспортизация в том числе высланного в трудпоселки населения и кампания по восстановлению гражданских прав высланных «кулаков», инициированная постановлением ЦИК СССР от 25.01.1935 г., спровоцировала волну ожиданий со стороны спецпоселенцев на полное восстановление в правах. Однако выданные паспорта не давали права выезда с места поселения не только «кулакам», но и лицам, осужденным органами бывшего ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с заменой на отбывание наказания в трудпоселках, которые после окончания срока наказания оказались приравнены во всех отношениях к трудпоселенцам 1930–1931 гг. и должны были оставаться под комендатурой. Несмотря на это, в комендатурах были случаи освобождения контингента из мест высылки после отбытия срока, что привело к появлению циркуляра НКВД СССР № 30 от 7.03.1935 г. «О запрете выезда из трудпоселков лиц, осужденных на сроки и о распространении на них постановления ЦИК СССР о порядке восстановления в правах»³⁶⁸. Таким образом, уголовники и деклассированные элементы в ходе ряда законодательных постановлений оказались юридически интегрированы в категорию спецпоселенцев. Правовая система трансформировалась для решения хозяйственно-производственных задач, заменяя одни виды наказания другими, нарушая принцип дифференцированного содержания политических и уголовных заключенных. Результатом данной трансформации стала фактическая смена социально-политического статуса и положения определенной части уголовников, направленных для отбывания наказания в места «кулацкой» ссылки.

³⁶⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 217. Л. 3, 12.

В связи с наводнением края маргинальными и преступными элементами в начале 1930-х гг. для борьбы с уголовной преступностью использовались также тройки, создаваемые при ОГПУ и предназначенные в первую очередь для проведения репрессий, направленных на подавление крестьянского протеста против политики коллективизации и раскулачивания. В период с 1 февраля по 10 мая 1930 г. тройкой при ПП ОГПУ по ЗСК было рассмотрено 707 дел на 2826 уголовников, арестованных милицией³⁶⁹. В 1931 г. тройкой на территории Западно-Сибирского края было осуждено 1831 чел. из «социально-вредных элементов» (далее – СВЭ), а за первые 8 месяцев 1932 г. – 1540 чел., за второе полугодие 1933 г. – 1814 чел.³⁷⁰ Понятием «СВЭ» в приговорной практике карательных органов объединялись лица, не занимавшиеся общественно-полезным трудом, не имевшие определенного места жительства и рода занятий, ведущие бродячий образ жизни, занимавшиеся мелкими кражами, попрошайничеством, не имевшие документов, удостоверяющих личность³⁷¹.

Фактором, способствующим высоким показателям преступности, было то обстоятельство, что Сибирский регион являлся традиционным местом ссылки уголовных и деклассированных элементов. За 1933 г. в Западно-Сибирский край были ввезены 132 тыс. чел. деклассированных элементов и крестьян, выселенных в ходе «кулацкой» операции, из этого количества 15,5 тыс. (12%) бежали³⁷². В 1934 г. деятельность тройки при ПП ОГПУ по преследованию СВЭ стала еще более масштабной: только за I квартал на территории края были арестованы 3500 чел.³⁷³, из которых осуждены тройкой к заключению в ИТЛ 3109 чел. Остальные направлены в ИТУ как бежавшие и разыскиваемые последними, в секретно-политический отдел (СПО) ОГПУ,

³⁶⁹ Тепляков А.Г. Деятельность особой тройки ПП ОГПУ по Сибкраю в 1930 г. // Гуманитарные науки Сибири. 2012. № 1. С. 89.

³⁷⁰ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири ... С. 399.

³⁷¹ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918-1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 512.

³⁷² Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири ... С. 398.

³⁷³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 644. Л. 130.

Собес и устроены на работу, либо их дела были направлены на рассмотрение в суды. Всего в течение 1934 г. тройкой при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю было осуждено 8322 представителя СВЭ³⁷⁴.

В рамках ужесточения борьбы с «социально-вредными элементами» очистка вокзальных помещений, территорий станций и перронов производилась поточно, в результате к ответственности привлекались лица, не имеющие документов и следующие к месту жительства, безбилетники пассажирских поездов, случайно оказавшиеся на территории станций и другие лица. Активное участие в борьбе с СВЭ принимали ОГПУ через органы внесудебного правосудия – тройки. Дела в отношении лиц, привлеченных к ответственности как СВЭ, необходимо было рассматривать в 10-дневный срок, поэтому излишний поток задержанных перегружал работу тройки. Из-за проведения сплошных арестов в местах заключения оказалось довольно много случайных лиц, которые не являлись целевой группой репрессивной операции. Вероятно, подобные нецелевые аресты были настолько массовыми и серьезно перегружали работу внесудебного аппарата, что в отношении сотрудников правоохранительных органов, проводивших «фиктивные» задержания, начали применяться административные взыскания. Таким образом, в ходе массовых кампаний по борьбе с преступностью создавались условия для ведомственного произвола и ареста граждан в порядке кампанейства. Борьба с «социально-вредными элементами» проводилась в период 1933–1934 гг. методами «массовых операций», во многом ситуативно – в ходе экстренно организованных кампаний и рейдов, инициированных властью.

Тройки при ПП ОГПУ также были привлечены к кампании по борьбе с уголовниками-рецидивистами, а именно «бандитскими элементами», начатой в сентябре 1932 г. В период с 1 октября 1932 по 1 октября 1933 г. в ЗСК к уголовной ответственности тройкой при ПП ОГПУ по ЗапСибкраю были привлечены 809 участников банд и шаек-скотокрадов, из которых 294 чел.

³⁷⁴ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири ... С. 399.

(36,3 %) получили высшую меру наказания. За первое полугодие 1934 г. через заседание тройки по делам о бандитизме прошло 427 чел., из них 176 чел. (41,2%) были расстреляны, 251 (58,8%) – направлены в ИТЛ. Судами в 1934 г. в ЗСК по делам о бандитизме и разбое 85 чел. были осуждены к ВМН³⁷⁵.

Основная масса дел по уловным преступлениям рассматривались на заседаниях народных судов. Нарсудами Западно-Сибирского края в период с 1931 по 1935 г. были вынесены приговоры в отношении 354 904 уголовников³⁷⁶. Согласно статистике народных судов ЗапСибкрая, в течение 1931–1936 гг. соотношение между гражданскими и уголовными делами изменилось в сторону увеличения гражданского судопроизводства (табл. 22). Помимо развития гражданско-правовых отношений в обществе, к снижению уголовных дел, проходивших через традиционное правосудие, также привело возобновление с 1935 г. деятельности внесудебных органов – троек, выносивших приговоры в отношении уголовников.

Таблица 22

**Соотношение поступления уголовных и гражданских дел,
рассмотренных Народными судами ЗапСибкрая**

Год	Уголовных дел		Гражданских дел		Всего Количество
	Количество	%	Количество	%	
1931	77179	66,0	39895	34,0	117074
1932	68956	64,2	38310	35,8	107266
1933	79093	61,1	50308	38,9	129401
1934	74737	49,9	74748	50,1	149485
1935	54938	39,7	83334	60,3	138272
1936 (9 мес.)	33264	27,2	89219	72,8	122483
Итого:	388167	50,8	375814	49,2	763981

Источник: Михеев Д.Ю. Суды Сибири в 1928-1938 гг. Новосибирск, 2015. С. 76.

Одним из наиболее распространенных видов преступлений в рассматриваемый период являлось хулиганство. За хулиганские действия нарсудами ЗСК в 1932-1935 гг. были осуждены 16 790 чел³⁷⁷. Активный рост

³⁷⁵ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири... С. 399.

³⁷⁶ Михеев Д.Ю. Суды Сибири в 1928-1938 гг. Новосибирск, 2015. С. 54.

³⁷⁷ Михеев Д.Ю. Суды Сибири ... С. 60.

хулиганских преступлений спровоцировал ужесточение мер, применяемых в борьбе с данными правонарушениями. Приказом начальника УНКВД Западно-Сибирского края от 9 декабря 1934 г. разрешалось привлекать злостных хулиганов к судебной ответственности, отказавшись от штрафов. Хулиганства, совершенные с применением холодного или огнестрельного оружия, теперь необходимо было квалифицировать как бандитизм по ст. 59-3 УК РСФСР³⁷⁸. Таким образом, борьба с отдельными видами уголовной преступности велась правоохранительными органами также в поле уголовно-правовой инициативы, в результате чего происходили перекалфикация уголовных преступлений в политические и как следствие – ужесточение меры наказания.

Тенденция к ужесточению наказаний в данный период наблюдались и в сфере борьбы с преступностью в среде несовершеннолетних. Проявлением такого ужесточения стало принятие 7 апреля 1935 г. Указа ЦИК СССР, которое устанавливало уголовную ответственность для несовершеннолетних лиц с 12-летнего возраста. Краевой суд ЗСК за первую половину 1936 г. в соответствии с данным указом осудил 33 малолетних преступника в возрасте от 12 до 15 лет включительно. Однако несмотря на смену правовой парадигмы, суды более чем в половине случаев ограничивались применением к несовершеннолетним преступникам условного осуждения, а также исправительно-трудовых работ, а приговоры к лишению свободы составляли $\frac{1}{4}$ от общего числа³⁷⁹.

Таким образом, масштабные преобразования социально-политического характера на рубеже 1920–1930-х гг. не только позволили отработать эффективную форму мобилизации общества, но и давали возможность в сжатые сроки посредством «массовых операций» изолировать или уничтожать «чуждые» слои населения. Однако насильственная маргинализация, ставшая следствием неурожаев, коллективизации,

³⁷⁸ Приказ УРКМ милиции ЗСК об усилении борьбы с хулиганством от 9 декабря 1934 г. // ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 203. Л. 68-69.

³⁷⁹ Михеев Д.Ю. Указ. Соч. С. 69-70.

голодомора и репрессий, увеличили количество людей, выпавших из привычной среды, что стало причиной массовой криминализации и роста преступности в начале 1930-х гг.

С началом 1930-х гг. практика «постановительного» судопроизводства набирала все большие обороты, тенденция определения правовых норм Постановлениями ВЦИК, ЦК ВКП (б), Наркомюста, ОГПУ-НКВД и т.д., превалировала над догмами закона, отражая интересы партийного руководства страны. Так судебная система была полностью поставлена в зависимое положение от партийной номенклатуры в период проведения кампаний по насильственной коллективизации и раскулачивания.

Постановления и законы заменили ряд статей Уголовного кодекса. В частности, известный закон «О пяти колосках» от 7 августа 1932 г., принятый как чрезвычайная мера по предотвращению возросших хищений государственного и колхозного имущества, вызванных невероятно сложным экономическим положением крестьянства, фактически приравнял обычную кражу – уголовное преступление к политическому, предусматривавшему всего два вида наказания – расстрел и 10 лет лишения свободы, при наличии смягчающих обстоятельств. С августа 1932 г. по 1937 г. в Западно-Сибирском крае судами были осуждены по Закону от 7 августа 1932 г. – 23 630 человек (что составило 37,7% от осужденных судами за хищение социалистической собственности в ЗСК)³⁸⁰.

С образованием в июле 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел СССР органы государственной безопасности и милиция вошли в состав НКВД. Внесудебные полномочия сохранялись только за Особым совещанием при НКВД СССР (формально тройки были ликвидированы). Однако обращение к практике внесудебного правосудия стало неотъемлемой частью советской государственной системы 1930-х гг., суды при этом теряли самостоятельность и являлись послушным инструментом в руках партийно-государственной машины. В течение рассматриваемого периода органы

³⁸⁰ Михеев Д.Ю. Суды Сибири в 1928-1938 гг. Новосибирск, 2015. С. 91.

внутренних дел расширяли полномочия внесудебного правосудия и ужесточали меры карательной политики в отношении уголовников. В 1934 г. были отменены условно-досрочное освобождение, в это же время в правовой терминологии происходит отказ от понятия «мера социальной ответственности» в пользу термина «наказание». Принципы перевоспитания и исправления уголовников, как части пенитенциарной политики, в значительной степени были нивелированы, изоляция и наказание стали первостепенными задачами карательной системы.

Уже в мае 1935 г., согласно приказу НКВД № 00192, свою деятельность начали милицейские тройки – внесудебный орган правосудия. Задачей возрождения данной тройки была необходимость оперативной борьбы и правосудия в отношении активизировавшейся мелкой уголовной преступности.

Круг преступников, подсудных милицейским тройкам, включал в себя:

- 1) лиц, имевших судимости или приводы в милицию по поводу преступной деятельности, которые и далее поддерживали контакты с преступной средой;
- 2) лиц, не имевших судимости или приводов в милицию, но которые не занимались общественно-полезным трудом, не имели определенного места жительства и поддерживали контакты с преступной средой;
- 3) профессиональных нищих;
- 4) лиц, нарушивших правила паспортной системы, введенной 27 декабря 1932 г.³⁸¹

Милицейские тройки также были подключены к борьбе со спекуляцией.

С 1935 г. характер политики по очистке населенных пунктов от уголовных и маргинальных элементов меняется: на смену «массовым операциям» приходит более планомерная и регулярная чистка, осуществлявшаяся в том числе созданными милицейскими тройками. В приказе НКВД указывалось на недопустимость производства «массовых операций» при осуждении уголовников и деклассированных. Однако именно

³⁸¹ Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 259–260.

последний термин – «деклассированный» стал универсальным правовым инструментом, позволявшим привлекать к уголовной ответственности широкие слои общества. Эта новая категория была задумана как гибкий рычаг карательной политики. В нее надлежало включить тех лиц, которых нельзя было однозначно идентифицировать как классовых врагов. Эта категория с самого начала не исключала преследования «социально близких» или преступников – выходцев из рабочей среды. Термин «деклассированный» мог быть применен по отношению не только к закоренелым преступникам, но и к хулиганам, пьяницам, проституткам, т.е. ко всем, кто демонстрировал девиантное поведение³⁸².

В своем приказе «Об итогах борьбы РК милиции с преступностью за 1935 г.» от 17 марта 1936 г. Г.Г. Ягода указывал на решительные успехи милиции. В течение 1935 г. их удалось добиться на трех главных направлениях: вооруженные и невооруженные грабежи сократились на 45 %, квалифицированные и простые кражи – соответственно на 32 % и на 17 %, скотокрадство – на 55%. Тем не менее, по ряду преступлений улучшить показатели не удавалось. Не удовлетворительной была борьба милиции с воровством в не режимных городах, чуть более успешными – ее операции против преступности в сельской местности³⁸³.

В 1934-1936 гг. в СССР преимущественно милицейскими тройками были осуждены 260 тыс. чел. «социально-вредных элементов», из которых 123 тыс. в 1935 г. в результате проведения кампании «по очистке городов, железнодорожных станций и вокзалов от СВЭ»³⁸⁴.

О масштабе деятельности внесудебных органов в отношении СВЭ, свидетельствует состав заключенных Сиблага НКВД. В январе 1936 г. категория «социально-вредных элементов» среди всех осужденных составляла вторую после «контрреволюционеров» (17,3%) по численности

³⁸² Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918–1938 гг. С. 473–474.

³⁸³ Там же. С. 510.

³⁸⁴ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД ... С. 400

группу – 11 528 чел. (16,7%)³⁸⁵. Несмотря на то, что в течение первой половины 1930-х в реализации правосудия в отношении «социально-вредных и прочих чуждых элементов» все большее значение приобретают внесудебные органы – тройки ОГПУ-НКВД, апогей их деятельности был достигнут в период Большого террора 1937–1938 гг.

2.2. Осуждение уголовников и деклассированных элементов тройками в период Большого террора

Наиболее масштабными с точки зрения числа жертв репрессий стали «массовые операции» 1937–1938 гг., вошедшие в историю как Большой террор. Данный период стал временем апогея внесудебных репрессий, уголовное правосудие потеряло свои основополагающие функции: роль суда и прокуратуры была чрезвычайно слабой и приоритетом стало выполнение задач террора. Главным отправным пунктом, определившим характер, масштабы и контингенты репрессий, проводившихся в рамках политики Большого террора, стал оперативный приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Среди подлежащих репрессии в рамках реализации этого приказа были бывшие «кулаки», члены антисоветских партий и повстанческих организаций, шпионы, церковники, и др., а также не типичная для подобных приказов группа – уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой³⁸⁶. В операцию по уничтожению политических врагов большевистского режима были включены «обычные» уголовники как контингент, не вписывающийся в образ жизни советского общества, что расширило масштабы репрессивной акции.

³⁸⁵ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД ... С. 401.

³⁸⁶ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 86.

Репрессии в отношении различных групп, включенных в состав репрессируемых на основе приказа НКВД № 00447, проводились в порядке внесудебного упрощенного судопроизводства тройками НКВД. В состав тройки входили, как правило, начальник местного управления НКВД, первый секретарь партийного комитета и прокурор области, края или республики.

В состав тройки УНКВД ЗСК входили зам. начальника УНКВД ЗСК – Г.Ф. Горбач, члены – прокурор края И.И. Барков, секретарь Запсибкрайкома партии Р.И. Эйхе, секретарь – Неллин. В августе должность председателя тройки занял начальник УНКВД С.Н. Миронов, а после его перевода на службу в Монголию, председательствовал его заместитель майор госбезопасности И.А. Мальцев (протокол с его участием датирован 1 октября 1937 г.)³⁸⁷.

Первый протокол алтайской тройки УНКВД по рассмотрению дел уголовников датируется 3 ноября 1937 г. Тройка УНКВД по АК с начала своей работы и до конца года заседала стабильным составом за исключением секретаря тройки: председатель: начальник УНКВД по АК – С.П. Попов, члены: прокурор – Н.Я. Поздняков, секретарь крайкома ВКП(б) АК – Л.Н. Гусев, секретарь тройки – В.Ф. Лешин. На декабрьских заседаниях тройки Лешина на посту секретаря сменил помощник начальника УНКВД по АК – Г.Л. Биримбаум.

Согласно приказу № 00447 данная тройка могла выносить приговор от 8 до 10 лет (однако встречались приговоры сроком на 5 лет) заключения в лагерь или к «высшей мере наказания» – смертной казни.

До принятия приказа НКВД № 00447 массовым осуждением уголовников и «социально-вредного элемента» занимались милицейские тройки, которые были образованы Приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 года в краевых, областных и республиканских административных центрах для очистки городов от уголовных и деклассированных элементов и

³⁸⁷ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1 Д. 39. Л. 1.

борьбы с нарушителями паспортного режима³⁸⁸. Состав «особого суда» или милицейской тройки включал председателя, в качестве которого выступал начальник УНКВД или его заместитель (на Алтае помощник начальника УНКВД по АК Никольский фигурирует в качестве председателя тройки лишь на нескольких заседаниях 1938 г., до этого момента председателем являлся – начальник УРКМ УНКВД по АК Вейнберг), членами являлись начальник соответствующего отдела милиции, чьи дела разбирались на тройке, как правило, начальник отдела уголовного розыска или начальник паспортного отдела. Предписывалось участие в заседаниях тройки прокурора соответствующей республики края или области. Принцип деятельности тройки включал внесудебное рассмотрение дел без формальных процедур традиционной юстиции. Компетенция милицейских троек включала вынесение приговоров сроком до 5 лет лишения свободы уголовникам и прочим деклассированным элементам.

Циркуляром заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами», разосланным 7 августа 1937 г., дополнительно разъяснялись компетенции троек НКВД и милицейских троек в борьбе с преступностью. Тройка НКВД (в документе фигурирует как Особая тройка) должна была рассматривать: а) все дела о вооруженных грабежах и грабежах с насилиями; б) дела на всех рецидивистов-уголовников, привлекаемых за скотоконократство, «рывки», раздевание пьяных, скупку и продажу краденого, установленных притоносодержателей; в) на всех уголовников-рецидивистов, бежавших из лагерей и других мест заключения; г) дела на уголовников-рецидивистов, не порвавших с уголовным миром, не имеющих постоянного места жительства и не занимающихся общественно-полезным трудом, хотя бы и не совершивших непосредственно перед арестом конкретного преступления³⁸⁹.

³⁸⁸ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006. С. 142.

³⁸⁹ Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 174.

Таким образом, акцент в деятельности троек НКВД ставился на осуждении уголовников-рецидивистов, тогда как милицейские тройки должны были заниматься рассмотрением дел на менее опасных преступников и осуждением «социально-вредного элемента» (воров, проституток и полууголовных элементов, «не имеющих постоянного места жительства и не занимающихся общественно-полезным трудом» и склонных к совершению преступлений)³⁹⁰.

Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю от 5 октября 1937 г. позволяет определить лимиты, установленные в отношении репрессии уголовников на начальном этапе операции, проводившейся на основе приказа № 00447. По пяти алтайским оперативным секторам, вошедшим впоследствии в состав Алтайского края, был определен лимит в 1 693 уголовника, из которых 450 чел. (26,6%) подлежали осуждению по 1-й категории (к высшей мере наказания – ВМН), 1 243 чел. (73,4%) – по 2-й категории (к заключению в ИТЛ)³⁹¹. Алтайский лимит по данному контингенту приказа составлял 39,6% от планов по Западно-Сибирскому краю (4 279 чел.). К 5 октября 1937 г. на Алтае были арестованы 1 327 уголовников, приговор был вынесен в отношении 780 чел., из которых 380 чел. (48,7%) были осуждены по 1-й категории, а 400 чел. (51,3%) – по 2-й категории. Доля уголовников среди всех репрессированных к этому времени на Алтае на основании приказа № 00447 составила 18,2%. Показатель вынесения смертных приговоров в отношении уголовников по ЗСК составлял 50,2%, что было несколько выше алтайских данных. Однако в отношении основного целевого контингента приказа № 00447 – «бывших кулаков» высшая мера наказания на начальном этапе операции применялась чаще – в 61,3% случаев.

³⁹⁰ Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 174–175.

³⁹¹ Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю по «массовым операциям» и приведенных в исполнение приговорах // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 378-381.

Дальнейший ход реализации приказа № 00447 в отношении репрессирования уголовников представлен в таблице 23.

Таблица 23

**Количество уголовников, репрессированных
в оперативных секторах Алтайского края по приказу № 00447**

Дата	Всего арестовано уголовников, чел.	Осуждено по 1 кат., чел.	Осуждено по 2 кат., чел.	Итого осуждено, чел.	Не вынесен приговор (доследование, освобождение)
На 5 октября 1937 г. ³⁹² .	1 327	380	400	780	547
Доля среди всех осужденных, в %	18,2% ³⁹³	48,7%	51,3%	100%	
Не ранее 1 января 1938 г.	487	190	297	487	-
Доля среди всех осужденных, в %	4,5%	39%	61%	100%	
Не ранее 1 марта 1938 г.	1 432	631	801	1 432	-
Доля среди всех осужденных, в %	11,8%	44,1%	55,9%	100%	
Доля среди прочих категорий, в %	10,7%	44,5%	55,5%	100%	

Составлено по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. С. 378–381, 389; Т. 5. Кн. 2. С. 58.

Из общего числа репрессированных в крае, согласно сводке, составленной не ранее 1 января 1938 г., уголовники составляли только 4,5%. Такое значительное снижение доли уголовников в сравнении с показателями на 5 октября (18,2%) связано с тем, что значительная часть арестованных, указанных в этой сводке, не имеет разбивки по категориям (на «кулаков», «уголовников «и «других контрреволюционных элементов») – 5 392 чел. (49,5%). По сводке на 1 марта 1938 г., доля уголовников стала вдвое выше и составила 11,8%.

³⁹² Данные приведены по оперативным секторам (Каменскому, Бийскому, Барнаульскому, Рубцовскому, Славгородскому), вошедшим в состав АК после его образования. В сведениях на 5 октября представлены приговоры, вынесенные тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю, на 1 января и 1 марта 1938 гг. – тройкой при УНКВД по Алтайскому краю.

³⁹³ В этой колонке приведены данные о доле уголовников среди прочих категорий арестованных.

Поскольку для исследователей основная масса следственных дел на уголовников, осужденных тройками, остается недоступной (их фигуранты не реабилитированы), главным источником для изучения репрессий в отношении уголовников, проводившихся в рамках приказа № 00447, являются протоколы заседаний троек. По данным протоколов, за период с 3 июля по 29 декабря 1937 г. тройкой при УНКВД по ЗапСибкраю и тройкой при УНКВД по Алтайскому краю были рассмотрены дела на 862 уголовника, в отношении 803 чел. из них были вынесены приговоры (остальные дела переданы на рассмотрение других инстанций – милицейской тройки, Военного трибунала, либо в протоколах отсутствуют сведения о приговоре). Из общего числа осужденных 345 чел. (43,0 %) были приговорены к расстрелу, а 458 чел. (57,0 %) – к заключению в ИТЛ, в том числе на срок в 10 лет – 218 чел. (47,6 % от общего числа осужденных к лагерному заключению), на 8 лет – 178 чел. (38,9%), на 5 лет – 62 чел. (13,5%) (приложение 4).

В фонде 16 «Архивная коллекция дел протоколов заседания тройки УНКВД» ИЦ ГУ МВД России по АК сохранилось 8 протоколов западносибирской тройки за период с 3 июля по 1 октября 1937 г. В данных протоколах представлены сведения на 313 уголовников, в том числе по 1-й категории – 125 чел. (39,9%), по 2-й категории – 133 чел. (42,5%), 55 чел. (17,6%) проходили по делам в особом порядке. Согласно данным, содержащимся в 29 протоколах алтайской тройки УНКВД за период с 3 ноября по 29 декабря 1937 г., по которым проходят дела в отношении 549 уголовников, 220 чел. (40,1%) были осуждены по 1-й категории, 325 чел. – по 2-й категории (59,2%), 4 чел. – в особом порядке (0,7%).

В статистических данных о количестве уголовников, репрессированных по приказу № 00447, между центральными сводками и региональными документами (протоколами заседания тройки) существуют некоторые расхождения. Согласно сводке, датированной составителями сборника документов «Трагедия советской деревни» «не ранее 1 января 1938 г.», по

этой операции в Алтайском крае были репрессированы 487 уголовников (табл. 22), а, по протоколам тройки при УНКВД по Алтайскому краю, эта цифра составляет 549 чел. По подсчетам Г.Д. Ждановой, разница между региональными и центральными данными наблюдалась и в итоговых цифрах, определявших масштабы «кулацкой» операции на Алтае³⁹⁴. Причины могут заключаться как в неточностях подсчетов, так и в разной системе обработки и учета данных.

Несмотря на то, что тройка при УНКВД на Алтае продолжала свою работу до середины марта 1938 г., протоколы, содержащие данные о приговорах, вынесенных уголовникам, сохранились только за 1937 г. Поэтому установить масштабы репрессий в отношении уголовников в период проведения «кулацкой» операции на Алтае за 1938 г. мы можем только по центральной сводке № 33 ГУГБ НКВД³⁹⁵, датированной «не ранее 1 марта» (табл. 23). Вероятно, сводка была составлена позднее указанной в ней даты, поскольку первое заседание тройки при УНКВД АК в 1938 г. состоялось 4 марта. Согласно приведенным в ней данным, количество осужденных уголовников по приказу № 00447 в Алтайском крае составило 1 432 чел., в числе которых по 1-й категории – 631 чел. (44,1%), по 2-й категории – 801 чел. (55,9%).

Динамика расстрельных приговоров в отношении уголовников в ходе операции выглядит следующим образом (по сводкам ГУГБ НКВД): на 5 октября 1937 г. – 48,7%, 1 января 1938 г. – 39%, 1 марта 1938 г. – 44,1%. Самые низкие показатели применения тройкой ВМН к уголовникам наблюдались в центральной фазе операции, на начальной и завершающей стадии фиксируется ужесточение приговоров. По общим данным протоколов тройки при УНКВД ЗСК и АК за 1937 г. доля расстрельных приговоров составляет 43%. При подсчете данных протоколов западносибирской и

³⁹⁴ Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД № 00447: Статистический анализ. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447. Барнаул, 2014. С. 34.

³⁹⁵ Сводка № 33 ГУГБ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2. М., 2004. С. 56-61.

алтайской троек отдельно в соответствии с периодом их работы, мы получаем следующие показатели смертных приговоров: по тройке ЗСК (июль–октябрь 1937 г.) – 48,4%, по тройке АК (ноябрь–декабрь 1937 г.) – 40,7%.

Помесячная статистика расстрельных приговоров троек УНКВД выглядит следующим образом: в июле 1937 г. доля приговоров к ВМН составляла – 52,7%, в августе – 42,7%, в октябре – 25%, в ноябре – 49,8%, в декабре – 27,5%. Помесячная статистика свидетельствует о высокой доле расстрельных приговоров на старте операции, также в ноябре с началом работы алтайской тройки УНКВД наблюдается очередное увеличение показателей. Поскольку первоначально предполагалось закончить операцию по приказу № 00447 к 10 декабря 1937 г., то повышение активности работы тройки и увеличение доли приговоров с ВМН в ноябре, представляется логичным.

Однако, несмотря на то, что директива НКВД СССР № 50194 о продлении деятельности троек была направлена только 11 декабря 1937 г.³⁹⁶, в первой трети месяца тройка УНКВД провела всего два заседания, на которых были рассмотрены дела в отношении 34 уголовников (доля приговоров к ВМН – 20,6%). Возможно, о продлении кампании руководство региональных органов НКВД знало заранее, поэтому обороты репрессивной машины были предварительно уменьшены. Общая доля приговоров к ВМН в декабре 1937 г. была одной из самых низких в течение всей операции и составляла 27,5%.

Как следует из сведений базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК)³⁹⁷, наиболее суровые приговоры при осуждении по ст. 58 выносились уголовникам, уже

³⁹⁶ «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1. 1937 г. М., 2010. С. 178-179.

³⁹⁷ База данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)». [Электронный ресурс].

находящимся в лагерях и тюрьмах: из 44 чел., относящихся к этой категории, 43 были приговорены к ВМН.

Тройки НКВД выносили свои приговоры за закрытыми дверями, в отсутствие обвиняемых, не видя и не слыша их, не давая им ни малейшей возможности защититься, основывая свои решения только на данных, подготовленных следствием и руководствуясь выступлением «докладчиков» (чаще всего в этой роли выступал секретарь тройки). Обжалования их приговоров приказ № 00447 не предусматривал, приговоры троек должны были незамедлительно приводиться в исполнение по приказу начальников оперативных секторов. Осужденные тройкой к высшей мере наказания умирали, не зная о вынесенном приговоре. Директива № 424 от 8 августа 1937 г., подписанная заместителем народного комиссара внутренних дел СССР М.П. Фриновским, запрещала сообщать смертникам о вынесенном приговоре³⁹⁸.

О механизме формирования обвинительного заключения по делам в отношении уголовников, передаваемым на рассмотрение тройки УНКВД, позволяют судить материалы следственного дела, опубликованные М. Юнге в сборнике «Массовые репрессии в Алтайском крае»³⁹⁹. Согласно материалам дела, в г. Рубцовске были арестованы двое мужчин, в качестве основного обвинения которым были предъявлены занятия азартными играми и обман граждан. Актуальный социальный статус обоих послужил поводом к классификации их как «социально-чуждых элементов» (не занимались «общественно-полезным трудом» (один из них – из-за инвалидности) и промышляли незаконными азартными играми) и их ареста в рамках проводившейся по приказу № 00447 чистки. В процессе ведения следствия и сбора показаний свидетелей, самих обвиняемых, данных из характеристики сельского совета – следствием были привлечены и представлены в нужном

³⁹⁸ Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. Осуждение. Протоколы тройки УНКВД от 29 ноября 1937 г. (документы) // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 328.

³⁹⁹ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 215-275.

(для органов) контексте биографические и событийные факты. Приняты во внимание пьяные антисоветские высказывания обвиняемых, женитьба на родственнице белогвардейца, работа в отряде «белых» конюхом и др. В результате секретарем тройки подбираются формулировки обвинительного резюме для заседания тройки, своеобразные смысловые индикаторы, на основании которых представленные данные выглядят убедительно и доказательно. В результате конюх отряда становится главарем банды, инвалид – «паразитическим элементом и тунеядцем». При этом для придания делу необходимого ракурса упущены из материалов дела заслуги обвиняемых перед большевиками и советской властью. При ведении следствия и массового документооборота из виду упускались «неудобные» факты и гиперболизировались подходящие для подкрепления доказательности обвинительного заключения, таким образом, правосудием решалась задача «обоснованного» изъятия «социально-чуждых» элементов из рядов советских граждан.

Фигуранты дела были обвинены следствием не только в общеуголовных преступлениях, но и преступлениях, предусмотренных пунктом 10 ст. 58 УК (контрреволюционная агитация), обвинительное заключение содержит также указания на рецидивный характер их преступной деятельности⁴⁰⁰. Постановление тройки в отношении указанных лиц было суровым: один из обвиняемых был приговорен к 10 годам ИТЛ, другой – к ВМН.

Еще одним примером осуждения уголовников на основании политической 58 ст. УК РСФСР может служить дело И.Ф. Маликова, 1886 г.р., «кулака», уроженца с. Кашки Грязнухинского района Западно-Сибирского края. Он был судим в 1937 г. Ойротским нарсудом по ст. 162 УК (хищение чужого имущества – кража) к 2 годам лишения свободы, срок наказания не отбыл (причина неизвестна). Будучи до осуждения колхозником, занимался «антиколхозной агитацией», «издевался над

⁴⁰⁰ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 256–257.

портретами вождей партии и правительства». В биографии и актуальных действиях подследственного содержится несколько индикаторов, соответствующих критериям отбора жертв, определенным в приказе № 00447: «кулак», имеет судимость, которую к тому же не отбыл, вел контрреволюционную агитацию. Приговор тройки, вынесенный 3 ноября 1937 г. гласил: «ЗаклЮчить в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах – на 5 лет»⁴⁰¹.

Хотя часть уголовников, проходивших через тройки НКВД, обвинялись в преступных действиях, относимых к политической статье 58 УК РСФСР, необходимо отметить, что основная масса уголовников осуждалась тройкой по обвинению в общеуголовных преступлениях, без приписки им контрреволюционных деяний⁴⁰². Обвинения в грабежах, бандитизме, установление рецидива в преступных действиях являлись достаточным основанием для вынесения тройкой суровых приговоров.

В отношении 62 обвиняемых – 13,5% от общего числа приговоренных к ИТЛ (Приложение 3), тройка при УНКВД (по ЗСК и АК) назначила наказание в 5 лет лишения свободы. Характер преступлений, рассматриваемых в данной категории дел в большей степени относился к компетенции милицейской тройки (максимальный срок наказания по приговорам которой был ограничен 5 годами л/с). Однако решение по ним было принято на заседании тройки УНКВД, в качестве ужесточения наказания можно рассматривать дополнительное «поражение в правах» на аналогичный заключению срок (5 лет).

Согласно центральным сводкам, доля приговоров алтайской тройки УНКВД к ВМН в отношении уголовников в 1937 г. составляла 39%, что ниже среднего показателя, отражающего ее репрессивную деятельность в этом году в целом – 46,7 % (с учетом приговоров в отношении всех контингентов – «кулаки», уголовники и «другие контрреволюционные элементы»).

⁴⁰¹ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1 Д. 13. Л. 5.

⁴⁰² Такая практика была характерна и для осуждения уголовников в других регионах. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 164–165.

Следовательно, уголовникам выносились более мягкие приговоры, чем «политическим преступникам». Аналогичные показатели по стране в целом на 1 января 1938 г. составляли в отношении уголовников – 32 %, а по всем контингентам – 43,2 %⁴⁰³, что говорит о том, что в Алтайском крае уголовникам выносились более суровые наказания, чем во многих других регионах. Впрочем, Алтайский край в этом отношении не был исключением: в ряде регионов, где проблема борьбы с преступностью имела острый характер, процент расстрельных приговоров, выносимых тройками осуждаемым по приказу № 00447 уголовникам, также был больше среднего значения (и выше, чем в Алтайском крае): в Ленинградской области – 40,6%, Иркутской – 43,2, Ярославской – 46,7, Саратовской – 49,6 %⁴⁰⁴.

Как уже упоминалось выше, милицейские тройки были образованы Приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 года в краевых, областных и республиканских административных центрах для очистки городов от уголовных и деклассированных элементов⁴⁰⁵. Активизация деятельности милицейских троек произошла в 1937 г. и последовавшее увеличение массовости осуждений, и ужесточение выносимых ими приговоров стали закономерными в условиях определенного приказом НКВД № 00447 курса на масштабную чистку советского общества.

Милицейская тройка на Алтае начала свою работу в ноябре 1937 г., о масштабах и содержании ее репрессивной деятельности можно судить благодаря рассекречиванию протоколов заседаний тройки, хранящихся в ИЦ ГУ МВД России по АК (фонд 16)⁴⁰⁶. Первое заседание милицейской тройки, созданной после образования Алтайского края, состоялось 10 ноября 1937 г. В состав милицейской тройки входили: председатель тройки – начальник Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) УНКВД Алтайского

⁴⁰³ Подсчитано по: Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 570, 598.

⁴⁰⁴ Подсчитано по: Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 519–598.

⁴⁰⁵ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006. С. 142.

⁴⁰⁶ Отделение специальных фондов и архивной информации отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9-11, 15-17, 25, 26, 40-43, 47-53, 56-63, 90-107, 111, 113-118.

края, капитан милиции И.И. Вейнберг, а с апреля 1938 г. – Е.П. Никольский, помощник начальника УНКВД СССР по АК, заменивший его в должности председателя (И.И. Вейнберг⁴⁰⁷ при этом был понижен до члена тройки, а после отстранения от должности, заменен Воробьевым, назначенным вместо него начальником УРКМ УНКВД по АК); в качестве членов – начальники соответствующих отделов милиции, дела которых рассматривались на заседаниях тройки (чаще других в протоколах указываются начальник отдела уголовного розыска УРКМ НКВД Ильин и младший лейтенант М.С. Гоголин). В заседаниях тройки в ее первоначальном составе принимал участие прокурор Беликов, а в более частом варианте состава тройки при председательстве И.И. Вейнберга прокурором был Малышев. Круг секретарей тройки также постоянен, встречается всего три фамилии: Михайлов (младший лейтенант госбезопасности), В.М. Скрыль (оперсекретарь УРКМ УНКВД по Алтайскому краю, сержант милиции) и М.И. Данилов (начальник 8-ого отдела УНКВД по Алтайскому краю).

Отметим произошедшее с апреля 1938 г. усиление контроля за деятельностью милицейской тройки со стороны УНКВД, проявившееся в назначении ее председателем сотрудника краевого управления госбезопасности. По всей видимости, это было связано с тем, что после завершения 15 марта 1938 г. деятельности в Алтайском крае тройки УНКВД возросло значение милицейской тройки, оставшейся единственным действующим органом внесудебного преследования уголовных элементов.

21 мая 1938 г. вышел приказ НКВД № 00319⁴⁰⁸, который содержал новые инструкции для работы троек, при этом отменяя приказ № 00192 от 27 мая 1935 г. Новый приказ и инструкция, прилагавшаяся к нему, несколько расширили, в сравнении с приказом 1935 г., список «контингентов», дела которых должны были рассматриваться милицейской тройкой. В него были

⁴⁰⁷ По приговору военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа от 22–24 октября 1939 г. за проведение массовых незаконных арестов был осужден по ст. 193-17 УК на 7 лет ИТЛ.

⁴⁰⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 421. Л. 41-48. Копия. Опубликовано: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2. 2006. С. 123-126.

добавлены притоносодержатели, скупщики краденого, хулиганы-рецидивисты («в случае совершения ими хулиганства, вызывающего необходимость привлечения их снова в уголовном порядке») и воры-рецидивисты, «уличенные в конкретных преступлениях, хотя и имеющие определенное местожительство и прикрывающиеся работой на предприятиях, заводах и учреждениях»⁴⁰⁹. В остальном приказ не содержал принципиально новых положений, определяющих работу милицейской тройки. Вероятно, расширение контингента, за счет активного привлечения рецидивистов, также связано с завершением в большинстве регионов страны деятельности троек УНКВД, ориентированных на осуждение уголовников-рецидивистов.

Пунктом 5 приказа тройкам предписывалось обеспечить обязательное присутствие обвиняемого на судебном заседании, что в работе тройки УНКВД в период проведения «кулацкой» операции не являлось обязательным атрибутом судопроизводства. В пункте 8 содержалось распоряжение проводить работу «не в порядке кампанейства или путем массовой операции», приводя в упорядочение аресты – т.е. проводить их только силами органов прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции; следователи могли производить аресты только с санкции прокурора и т.д.)⁴¹⁰.

При вынесении решений милицейским тройкам предлагалось руководствоваться правилами, предусмотренными положением об Особом совещании при НКВД СССР. Решение тройки при отсутствии возражений прокурора приводилось в исполнение немедленно, а протокол направлялся на утверждение Особого совещания НКВД. При наличии разногласий приведение в исполнение решений тройки приостанавливалось, и дело переносилось на рассмотрение Особого совещания НКВД. Ведение следствия и рассмотрения дел на тройках необходимо было осуществлять в 15-дневный срок. Характерной особенностью внесудебного правосудия

⁴⁰⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937-1939. Книга 2. 1938 – 1939. М., 2006. С. 123-126.

⁴¹⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. С. 126.

является упрощенный подход судопроизводства, который в том числе проявлялся в отсутствии необходимости ссылаться на Уголовный кодекс РСФСР при предъявлении обвинения в заключительных постановлениях и в протоколах троек. Достаточным было указать, что арестованный обвиняется и осуждается как «социально-вредный элемент».

Общее количество лиц, прошедших через заседания милицейской тройки в Алтайском крае в период с 10 ноября 1937 г. по 17 ноября 1938 г. (дата первого и последнего заседания тройки), составило 6 942 человека (приложение 5). По оценкам Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, за 1937–1938 гг. милицейскими тройками в масштабах страны в целом было осуждено 420–450 тыс. чел.⁴¹¹

В ноябре–декабре 1937 г. милицейской тройкой были рассмотрено 1 888 дел, а в 1938 г. – 5 054 дела (в том числе в период проведения операции по приказу № 00447 (до 15 марта 1938 г. – даты последнего заседания тройки УНКВД) – 3240 (64,1%). Фактически за год через милицейскую тройку в Алтайском крае прошли 6 942 человека, в отношении 5 154 чел. (74,3%) была применена максимально возможная мера наказания, которую мог определить данный репрессивный орган – 5 лет л/с.

Анализ помесечной статистики рассмотрения дел милицейской тройкой показывает, что в ноябре 1937 г. тройкой были вынесены приговоры в отношении 618 чел., в декабре – 1 263 чел., в январе 1938 г. – 980, в феврале – 1 286, в марте – 974 чел., а далее с завершением в Алтайском крае операции, проводившейся на основе приказа № 00447, количество рассматриваемых дел значительно снижается: в апреле – 527 дел, в мае – 394, а в ноябре, в последний месяц деятельности милицейской тройки – 102. Следовательно, наиболее результативный период в деятельности милицейской тройки, направленной на очищение социума от уголовных и люмпенизированных элементов, приходится на время проведения на Алтае операции по приказу № 00047.

⁴¹¹ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. С. 557.

Наиболее распространенным наказанием, выносившимся милицейской тройкой, было лагерное заключение на срок в 5 лет: в 1937 г. к такому наказанию были приговорены 94,5 %, в 1938 г. – 66,7 % осужденных. Остальная часть осужденных приговаривалась к заключению на срок до 3 лет включительно.

Регламент работы милицейских троек, согласно новым инструкциям от 21 мая 1938 г., устанавливал отдельный порядок рассмотрения дел, по которым в определении меры наказания имелся протест прокурора. Протоколы по таким делам составлялись отдельно с изложением переписки обеих сторон и направлялись вместе с делами на рассмотрение Особого совещания НКВД.

На заседаниях алтайской милицейской тройки первый «особый» протокол с делами по пересмотру фиксируется уже 7 мая 1938 г. на 14 человек (см. приложение 5). После выхода инструкции НКВД подобные протоколы практически ежемесячно фигурируют на заседании милицейской тройки Алтайского края: 4 июля 1938 г., 15 августа, 8 октября, 17 ноября (дата последнего заседания милицейской тройки)⁴¹². Через протоколы по пересмотру дел прошли 218 человек (4,3% от общего объема осужденных тройкой за 1938 г.). В результате дополнительного рассмотрения 9,6% дел были направлены в другие инстанции, 30,7% освобождены из-под стражи, в отношении 18,8% мера пресечения была снижена или ограничена пределами отбытого срока, 12,4% – ранее вынесенный приговор оставлен в силе, 28,5% – составляют дела по вынесению приговоров на различные сроки ИТЛ. В материалах протокола № 11 от 8.10.1938 г. имеется курьезный случай, когда протест прокурора был отклонен, ввиду истечения срока наказания⁴¹³. Это свидетельство того, что процесс пересмотра дел мог носить затяжной характер.

⁴¹² ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 69, 95, 102, 107, 109.

⁴¹³ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 107. Л. 73.

Таким образом, в работе милицейской тройки в 1938 г. фиксируется постепенное увеличение роли прокурорского надзора и некоторое ограничение внесудебного произвола. Примечательно, что последнее заседание алтайской милицейской тройки 17 ноября 1938 г. было посвящено именно пересмотру дел по ранее принятым приговорам. Оно совпадает с датой принятия Постановления «Об аресте и прокурорском надзоре», которое ликвидировало тройки. Вероятно, сигналы о предстоящей смене политики по отношению к «социально-вредным» элементам общества поступали в регионы, поскольку в последние два месяца работы алтайской милицейской тройки (октябрь–ноябрь 1938 г.) имел место спад ее активности. За два месяца были проведены только три заседания (8 октября, 2 и 17 ноября 1938 г. – см. приложение 5), причем два из них – в порядке пересмотра ранних приговоров, подобный характер деятельности больше похож на «наведение порядка перед закрытием».

Несмотря на то, что работа милицейских троек, согласно приказу об их образовании, не предполагала массовых арестов, в период Большого террора деятельность этих органов внесудебных репрессий по своему масштабу соотносится с «массовыми операциями» начала 1930-х гг. В результате, вопреки первоначальным установкам, тройки стали инструментом массовых репрессий, в рамках которых во внесудебном порядке осуждались мелкие уголовники, хулиганы и т.д.

Государственный курс по борьбе с уголовной преступностью в период Большого террора включал в себя усиленную работу внесудебных органов двух типов – тройки НКВД, созданной по приказу № 00447, и милицейской тройки. Несмотря на то, что основной задачей тройки НКВД была борьба с политическими врагами государства, включение в подсудные ей контингенты преступников-рецидивистов, может интерпретироваться, по словам М. Юнге, как «удлинение руки» милицейской тройки, «клиентами»

которой были мелкие уголовники и «социально-вредные элементы»⁴¹⁴. На основании приказа № 00447 тройка НКВД могла выносить более суровые приговоры – лишение свободы на срок до 10 лет или расстрел, тогда как максимальным наказанием в компетенции милицейской тройки был пятилетний срок лишения свободы. Но все же именно попытка административной борьбы с преступностью путем создания в 1935 г. милицейской тройки может рассматриваться как непосредственная подготовка включения уголовников в качестве целевой группы в приказ № 00447. Таким образом, государственный нажим на преступный мир в период Большого террора был усилен максимальным привлечением сил внесудебного судопроизводства и «поголовного» изъятия подозреваемых.

Масштабная кампания по коллективизации и раскулачиванию деревни спровоцировала стремительный рост маргинализации и обнищания населения. Следствием столь мощных социально-политических потрясений и разрушения традиционных структур общества стал рост уголовной преступности и социальной девиации. Контроль над уровнем преступной активности государство пыталось установить прежде всего силовыми мерами. В условиях форсированной индустриализации власть не считала возможным ослабить командно-административный нажим для стабилизации социально-экономического состояния общества, а продолжала курс на ужесточение и тотальный контроль. Однако подобный тотальный контроль оказывал скорее парализующее действие, не способствуя качественным преобразованиям в обществе – ликвидации преступности, социальной девиации и проч. Борьба с потенциальной опасностью и нелояльностью в 1930-е гг. все чаще осуществлялась средствами массовых операций. Деятельность правоохранительных, судебных органов и прокуратуры фактически была дискредитирована усилением полномочий внесудебного правосудия.

⁴¹⁴ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918–1938 гг. С. 510.

2.3. Характеристика уголовников, осужденных тройками УНКВД и милиции (по материалам протоколов троек)

На основе изучения протоколов заседаний милицейской тройки и тройки УНКВД была составлена база данных «Приговоры троек милиции и УНКВД в Алтайском крае, 1937–1938 гг.»⁴¹⁵, в которую включены сведения на 970 человек, из которых 567 чел. являлись «клиентами» милицейской тройки, 403 – тройки УНКВД.

В ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю сохранились 8 протоколов с литерой «У» тройки УНКВД по ЗапСибкраю и 23 протокола заседания тройки УНКВД по Алтайскому краю. Количество протоколов милицейской тройки в фонде составляет 85: за 1937 год – 22 (каждый из них сохранился в двух экземплярах); за 1938 год – 63 (из них – 3 в одном экземпляре, 59 – в двух экземплярах, один протокол имеет три экземпляра)⁴¹⁶.

Протоколы заседаний содержат номер и практически всегда дату заседания тройки (кроме двух протоколов тройки УНКВД). После нумерации и датировки протокола следовали фамилия председателя тройки, затем фамилии двух членов и секретаря тройки. Протоколы подготавливались в секретариате тройки на основании резюме обвинения.

Протоколы представляют собой довольно специфичный источник, поскольку содержат краткую, но повторяющуюся по основным параметрам информацию. Именно поэтому наиболее результативным является обработка

⁴¹⁵ Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2015621560 от 14.10.2015. / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон: база данных [Электронный ресурс].

⁴¹⁶ Один экземпляр каждого протокола отсылался в Москву, в ГУРКМ НКВД СССР, а после ликвидации троек они были возвращены на места – в архивы краевых милицейских управлений. В одном из экземпляров протокола №2 от 10.11.1937 имеется вклеенный документ следующего содержания: «Начальнику УРКМ Алтайского края, ст. лейтенанту Милиции тов. Воробьеву. По распоряжению заместителя Народного Комиссара внутренних дел СССР – Комдива тов. Чернышева, согласно директиве по линии НКВД и прокуратуры СССР от 26.12.1938 за №2709/сс, направляю протоколы решений бывшей тройки УНКВД по Алтайскому краю за 1837 г № 2, 3, 4, 4/2, 5,5,5; 1938 – 1/1, 1/2, 1/3, 1/4, 2, 2/1 2/2, 2/3, 2/4, 4, 4/3, 4/3, 5, 5/1, 5/2, 5/3, 5/4, 5/5 5/6, 7/1, 7/2, 7/3, 10, 10/1, 10/2, 10/3, 10/3а. Приложение 34 протокола. Опер. Секретарь ГУРКМ НКВД СССР Ст. лейт. Милиции (Ларионов)» // ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

протоколов методами статистического анализа. Первый блок информации, содержащейся в протоколах тройки, составляют биографические данные: ФИО обвиняемого, дата и место рождения, семейное положение, иногда место проживания, при наличии данных – актуальный социальный статус, социальное происхождение, место работы или деятельность, национальность, состояние физического здоровья. Второй блок информации представлен сведениями о приводах или наличии судимости за совершенные ранее преступления, если же обвиняемый привлечен к уголовной ответственности впервые, в протоколе имеется указание «судимостей и приводов нет». Третий блок включает информацию о совершенном преступлении или криминальной деятельности, которая стала причиной рассмотрения дела на заседании тройки. Справа на листе располагается колонка «постановили», которая содержит сведения о наказании, вынесенном тройкой обвиняемому.

База данных содержит информацию на арестованных в 37 административных районах Алтайского края.

а) Сведения о лицах, осужденных милицейской тройкой

В базу данных включены сведения из протоколов милицейской тройки по 5 территориально-административным единицам Алтайского края – г. Барнаулу, Бийскому району (городу и сельской округе) и трем сельским районам – Змеиногорскому, Солтонскому и Троицкому.

Из учтенных в базе данных 567 чел., по Барнаулу проходят 212 чел. (пятипроцентная выборка), Бийску и району – 80 чел. (пятипроцентная выборка), Троицкому району – 71 чел. (пятипроцентная выборка) Змеиногорскому району – 44 чел. (пятипроцентная выборка), Солтонскому – 160 чел. (сплошной учет)⁴¹⁷.

⁴¹⁷ Статистика посчитана по: База данных «Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.» [Электронный ресурс]. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015621560 от 14.10.2015. / сост. Куденко Н.В., Колдаков Д. В., Разгон В.Н.

Статистический анализ содержащейся в базе данных информации показал, что среди осужденных милицейской тройкой преобладали лица мужского пола: 81,8%, что в целом определялось гендерным составом преступных и деклассированных элементов в 1930-е годы.

Наиболее многочисленную возрастную группу среди осужденных (в среднем 55,2%) составляли лица, принадлежавшие к возрастной группе от 18 до 30 лет – представители молодого поколения, которое, с одной стороны, наиболее успешно интегрировалось в советское общество, но вместе с тем являлось основным источником для формирования преступной среды. В сводках об уровне преступности в 1930-е гг. регулярно отмечались рост хулиганства и произрастающих на его почве преступлений именно в среде молодежи⁴¹⁸.

Анализ возрастного состава показывает присутствие среди преступников также несовершеннолетних лиц (в возрасте до 18 лет). Преступность среди несовершеннолетних преимущественно была городской проблемой, что подтверждают статистические данные. Из всех осужденных несовершеннолетних, включенных в базу данных, по Барнаульским отделам милиции (городской, ж/д милиции, уголовного розыска) проходили 65,4%. В частности, среди осужденных милицейской тройкой несовершеннолетних в г. Барнауле фигурирует банда малолетних преступников из 6 чел., проходивших по делу № 49 1-ого Отдела городской милиции о совершении групповых краж⁴¹⁹.

1930-е гг. были отмечены новой волной роста беспризорности, что явилось следствием разрушения традиционных социальных укладов в результате сталинской «революции сверху», массового голода 1932–1933 гг. и расширения масштабов репрессий. В результате появились постановление СНК РСФСР от 29 января 1933 г. «О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной безнадзорности» и постановление

⁴¹⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 51; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 255. Л. 348-352.

⁴¹⁹ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 79. Л. 6-7.

ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1934 г. «О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей или отбывающих исправительно-трудовые работы»⁴²⁰. Рубежом в развитии системы контроля над несовершеннолетней преступностью стал 1935 год, когда были опубликованы постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которые установили нижний возрастной рубеж уголовной ответственности для несовершеннолетних в 12 лет⁴²¹.

Доля несовершеннолетних среди осужденных тройкой преступников всех возрастных категорий в Барнауле была значительной и составляла 16,5%. Нижний возрастной порог среди несовершеннолетних преступников, включенных в базу данных, составил 12 лет. По этому делу проходил Нагибин Б.В., 1926 г.р., уроженец г. Барнаула, в течение 1938 г. имевший 2 привода: первый – как СВЭ, второй – за кражу. В обвинительном заключении отмечалась и его «связь с рецидивистами, с которыми периодически обрезал ридикюли», что в совокупности и стало причиной вынесения тройкой максимально сурового наказания: 5 лет лишения свободы⁴²². В связи с рецидивистским характером преступной деятельности Нагибина и наличием уже двух приводов, его возраст не стал фактором, способствующим смягчению меры наказания: милицейская тройка вынесла приговор, исходя исключительно из обстоятельств преступной деятельности обвиняемого.

Другим примером может служить дело в отношении Брусовой Н.А., 1922 г.р., уроженки с. Змеиногорского Алтайского края, до ареста ученицы школы⁴²³. На момент ареста в ее биографии уже имелись два привода: в 1935

⁴²⁰ Декрет СНК от 14 января 1918 г. «Декрет о комиссии для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.; Постановление НК Просвещения от 4 июня 1919 г. «Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 267.; Декрет СНК от 4 марта 1920 г. «О наказании несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.; Постановление СНК от 10 ноября 1921 г. «О детской социальной инспекции (положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 66. Ст. 506.

⁴²¹ «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Сборник постановлений и распоряжений СССР. 1935. № 32. Ст. 252; «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК, № 81 от 8 апреля 1935 г.

⁴²² ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

⁴²³ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 298. Л. 10.

г. и октябре 1937 г. за кражу ткани и вещей соответственно. Основная преступная деятельность Брусовой была связана с кражей домашних вещей и белья в течение 1937 г. Постановлением тройки Брусовой был определен приговор в 5 лет ИТЛ, однако в декабре 1938 г. решением УРКМ АК срок был снижен до 2-х лет, что может являться доказательством некоторой снисходительности, проявлявшейся в пенитенциарной политике в отношении несовершеннолетних. В качестве смягчающей меры также можно рассматривать тот факт, что Брусова не содержалась в тюрьме во время проведения следствия, а «находилась на свободе под поручительством».

В 35,6% случаев семейное положение осужденных милицейской тройкой Алтайского края не было зафиксировано в протоколах тройки. Анализ учтенных данных о семейном положении показывает, что почти 2/3 осужденных не состояли в браке, 34,2% были женаты или замужем, 0,6 – овдовели. Подлежащие изоляции лица (бродяги, нищие, хулиганы и проч.), арестованные в результате проводимых милицией зачисток на ж/д станциях, в притонах и других «злочных» местах, при сложившихся условиях жизни и «профессии», по всей вероятности, преимущественно не имели возможности, желания и моральной потребности для создания семьи.

Вопрос о социальном происхождении в протоколах тройки по включенным в базу данных районам отражен не полно. В большинстве случаев (78%) данная информация не представлена в биографической справке осужденного. Большее количество упоминаний (в тех делах, где этот пункт биографии представлен) указывают на крестьянское социальное происхождение осужденных – 59,2%. Однако дефиниция, которая в большей степени могла оказать влияние на срок наказания – социально-политический статус «кулак» или принадлежность к «кулацкой семье» очевидно фиксировалась. Среди осужденных милицейской тройкой, имеющих сведения о социальном происхождении, в рассматриваемых нами районах доля «кулаков» составляла 19,6%. Чаще это были дети «кулаков» (второе поколение), в том числе несовершеннолетние. Возможно, этим обусловлено

рассмотрение их дел на заседании милицейской тройки, а не тройки НКВД, в компетенцию которой входило рассмотрение «кулацких» дел. Так, по делу № 100 3-го отдела милиции г. Барнаула проходит Тарасов Н.С., сын кулака, 1921 г.р. На заседании милицейской тройки его преступная деятельность была определена следующим образом: «Сын кулака, отец арестован органами НКВД. На почве недовольства Советской властью, с начала учебного года терроризировал учеников школы, в которой учился. Избил учеников Кольцова, Огородникову, Светлякову. Срывал уроки, разлагал дисциплину, организовывал учеников младших классов совершать мелкие кражи, заставлял их воровать, сам воровал учебники, письменные принадлежности»⁴²⁴.

Характеристику социального облика лиц, осуждавшихся милицейской тройкой, конкретизирует учет содержащейся в базе данных информации, по которой 36,9% из них являлись лицами «без определенного места жительства». При постоянных переездах и кочевках, без стабильного заработка, зачастую находясь в затруднительном материальном положении, подобный контингент становился социальной базой для формирования преступных элементов – вокзальных попрошайек и карманников, квартирных воров и пр.

Основной контингент репрессированных милицейской тройкой составляли уроженцы сельской местности – 55,2%, жители городов – 44,8%. Даже среди арестованных в городах доля преступников из числа жителей сел являлась преобладающей. Это объясняется как тем, что большая часть населения в это время проживала именно в сельской местности, так и «кочующим» характером преступной деятельности «клиентов» тройки (бродяжничество, нищенство, кражи), которую позволяла вести городская среда, в том числе заезжим селянам.

⁴²⁴ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.

Национальную принадлежность осужденных возможно установить только в отдельных случаях, в 94% случаев эта информация в биографической карточке отсутствует.

В протоколах милицейской тройки только в 16,8% случаев представлены данные о партийной принадлежности осужденных ею граждан, из которых 1% – состояли в партии, 15,8% – были беспартийными, в 83,2% случаев эта информация не представлена. Только 1 человек из осужденных милицейской тройки являлся членом ВКП(б), обстоятельства этого дела не имеют каких-либо особенностей. Проходивший по этому делу Баклыков П.А. 1902 г.р., ранее был судим в 1932 г. по ст. 166 УК РСФСР за скотоконократство, за что был лишен свободы на 3 года. Милицейская тройка АК на заседании 19 апреля 1938 г. осудила Баклыкова на 5 лет ИТЛ со следующим обвинительным заключением: «Скупал ягоду в селах и перепродавал в г. Барнауле, г. Бийске, г. Сталинске; имеет связь со спекулянтами»⁴²⁵. Таким образом, информация о партийной принадлежности для уголовников, проходивших по линии милицейской тройки, не являлась сколько-нибудь значимой при определении меры наказания.

Наряду с фрагментарной фиксацией данных о партийной принадлежности, низкий процент представленности имеют сведения о состоянии здоровья осужденных. Они присутствуют лишь в 12% случаев, из них 97,1% – были здоровы, 2,9% – не здоровы (болели сифилисом).

Профессиональные занятия осужденных милицейской тройкой в протоколах наиболее часто определялись клише «без определенного рода занятий» – в 52,2% случаев. Сведения о профессиональной деятельности осужденных милицейской тройкой показывают, что преимущественно это были неквалифицированные рабочие и разнорабочие (истопник, грузчик, чернорабочий и проч.). Интересным исключением являются два музыканта из духового оркестра. Ими были два молодых друга Байбородов А.Г., 1918 г.р. и Гончаров С.М., 1918 г.р., проживавших в г. Барнауле, которые в

⁴²⁵ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 86. Л. 9.

составе преступной группы осуществляли хулиганские нападения на людей, за что были осуждены тройкой к 3 годам л/с каждый⁴²⁶.

Сведения об уровне грамотности арестованных в протоколах представлены довольно полно. В числе лиц, осужденных милицейской тройкой, по большей части оказались люди, относящиеся к категории малограмотных – 61%, грамотными являлись 31% преступников и 8% – неграмотными.

Согласно данным всесоюзной переписи 1939 г., доля грамотного населения в Алтайском крае составляла 84,7%⁴²⁷. Высокая доля неграмотных и малограмотных среди лиц, являвшихся «клиентами» милицейской тройки (69%), свидетельствует о том, что на суд тройки попадали преимущественно представители люмпенизированных слоев населения.

Поскольку милицейская тройка должна была наказывать нарушителей паспортного режима, в биографической справке на обвиняемого указывались данные о наличии или отсутствии паспорта – представлены в 90,9% случаев. При этом имели паспорт лишь 37,7% осужденных, 61,9% – не имели паспорта, у 0,2% – документ был просрочен, у 0,2% – поддельный. Таким образом, больше половины осужденных не имели паспорта и прописки, что формально уже позволяло привлечь их к ответственности по компетенции милицейской тройки, однако нарушение паспортного режима не фигурирует в резюме обвинительных заключений, представленных в протоколах, как самостоятельное основание для применения репрессий, а является маркером, позволяющим отнести нарушителя к категории «социально-вредных элементов».

Так как резюме обвинительного заключения в протоколах приводится в качестве краткой справки с перечислением всех незаконных действий, совершенных лицом, и не содержит указаний на статью уголовного кодекса,

⁴²⁶ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1 Д. 5. Л. 17-19.

⁴²⁷ Всесоюзная перепись населения. 1939 г. Основные итоги. Россия. М, 1999. С. 105, 107.

по которой он осужден, для определения характера преступной деятельности нами учитывались все упоминания о преступлениях различного рода. Сравнение количественных показателей по различным видам преступлений позволяет установить основные характеристики преступной деятельности «клиентов» милицейской тройки. Обвинение в тунеядстве было предъявлено 68,4% правонарушителей (от общего числа лиц, включенных в базу данных по милицейской тройке с учетом того, что каждому из них было предъявлено по несколько правонарушений), в «гастрольной» деятельности – 36%, в нищенстве – 26,3%, в связи с преступными элементами – 24,3%, в хулиганстве – 18%, в совершении краж – 17,6%. Как видим, маркером, определявшим попадание граждан в число контингентов, репрессированных милицейской тройкой, являлись не только конкретные преступления, но и образ жизни (тунеядство, бродяжничество, нищенство), который противоречил принципам общественной полезности и трудовой дисциплины.

Как следует из данных таблицы 23, в которой представлено соотношение между различными видами преступлений, в совершении которых обвинялись лица, осужденные милицейской тройкой Алтайского края в 1937–1938 гг., наиболее распространенными противоправными действиями, совершаемыми «клиентами» тройки, были: тунеядство – 20,4%, кража – 16,8%, «гастролирование» и бродяжничество – 10,1%, хулиганство – 7,1%, нищенство – 6,9%. Как видим, и при такой группировке, основанной на учете количества обвинений в совершенных преступлениях, большая часть имевших высокий уровень распространенности противоправных действий относились не к преступлениям как таковым, а к проявлениям асоциального образа жизни, которые в годы Большого террора чаще, чем в предшествующий период, квалифицировались как уголовное наказуемое деяние.

**Виды преступлений, совершенных осужденными
милицейской тройкой Алтайского края (в процентах)**

Виды преступлений	Барнаул	Бийск и Бийский р-н	Змеиногорский р-н	Троицкий р-н	Солтонский р-н	Средний показатель
Тунеядство	20,5	19,5	12,0	24,0	26,2	20,4
Кража	18,5	15,9	15,0	14,2	20,6	16,8
Бродячий образ жизни, «гастролирует»	11,5	6,8	1,5	15,7	15,0	10,1
Связь с преступными элементами	10,5	10,4	10,0	5,1	2,3	7,7
Хулиганство	5,1	6,0	17,0	4,7	2,5	7,1
Нищенство	5,3	1,2	1,0	10,2	16,2	6,8
Нанесение телесных повреждений	3,8	3,6	10,5	2,8	2,3	4,6
Пьянство	3,4	7,2	5,5	3,1	0,2	3,9
Дебош	1,3	2,8	4,0	3,9	0,9	2,6
Скупка краденого, спекуляция	3,1	5,6	1,5	1,6	0,5	2,5
Содержание притона	3,0	4,8	2,5	1,2	0,5	2,4
Проституция	2,6	0,4	1,0	4,7	2,5	2,2
Руководитель, участник преступной группы	-	2,8	6,0	-	0,7	1,9
Проживание без прописки и документов	1,3	2,0	1,0	1,2	-	1,1
Грабеж	4,1	0,8	-	-	-	1,0
Побег из-под ареста	0,9	1,6	-	0,8	1,4	1,0
Мошенничество	0,2	1,6	2,0	1,2	0,2	1,0
Скотоконкравство	0,6	0,4	1,0	1,2	2,0	1,0
Угрозы	0,6	0,4	2,0	-	1,4	0,9
Подделка документов	0,8	1,2	-	0,8	0,2	0,6
Укрывательство преступников	0,4	0,4	1,0	0,4	-	0,4
Изнасилование	-	-	0,5	-	1,3	0,4
Незаконное хранение оружия	0,6	0,8	-	-	-	0,3
Самогонварение	-	-	-	0,8	0,4	0,2
Рецидивист	-	-	1,0	-	-	0,2
Игра в азартные игры	0,2	0,4	-	-	0,5	0,2
Контрреволюционная агитация	0,2	0,4	-	-	-	0,1
<i>Прочие преступления</i>	<i>1,5</i>	<i>3,0</i>	<i>3,5</i>	<i>2,4</i>	<i>2,0</i>	<i>2,5</i>
Итого:	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015621560 от 14.10.2015 / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс].

Образ жизни люмпенизированных элементов, характеризовавшийся отсутствием работы, жилья, регулярным употреблением алкоголя, приводил к тому, что для добычи средств к существованию подобный контингент шел на различные кражи. Процент обвинений в кражах был наиболее высоким по делам, поступившим на рассмотрение милицейской тройки из Солтонского района (20,6 %) и Барнаула (18,5%), обвинений в хулиганстве – из Змеиногорского района (17,0%), в нищенстве – из Троицкого (10,2%) и Солтонского районов (16,2%) (табл. 24). Наибольшие относительные показатели самых распространенных видов правонарушений (тунеядство, бродяжничество, нищенство, кража) приходится на предгорный Солтонский район, который в силу его отдаленности и труднодоступности являлся местом притяжения маргинальных, в том числе и преступных, элементов из других районов края и регионов страны. Как видно из данных таблицы 24, в городской среде большее распространение, чем в сельской местности, имели такие виды преступной деятельности, характеризующие принадлежность к профессиональной преступности, как «участие в преступной группе», «связь с преступными элементами», грабежи, спекуляция, содержание притонов и пр.

Значительная часть лиц, осужденных тройкой (29,7%), оказалась в числе правонарушителей впервые. Расширение полномочий внесудебных органов и осуществлявшиеся массовые аресты неизбежно вели к конвейерному способу изъятия «неопытных» уголовников и подготовки следственных материалов. Осужденные тройкой, имевшие в биографии судимость, составляют 26,7%, наличие только приводов в отделения милиции выявлено в 31,2% случаев. Среди осужденных милицейской тройкой доля преступников с более продолжительной практикой преступных деяний (наличие в прошлом судимостей и приводов одновременно) была относительно небольшой – 12,4%, что подтверждает гипотезу об изъятии в основном мелких, наиболее «доступных» нарушителей закона.

Взаимосвязанный анализ содержащихся в базе данных показателей дает возможность определить характер влияния фактов биографии осужденного (наличие прежней судимости, социальное происхождение, гендерная принадлежность) на продолжительность назначаемого тройкой срока заключения.

Лицам, не имевшим в прошлом судимости, милицейская тройка, как правило, назначала меньший срок заключения, нежели ранее судимым. Гражданам, имевшим в биографии факт наличия судимости и приводов одновременно, в 89% случаев мера наказания составила максимальный срок – 5 лет л/с, а тем, кто не имел в прошлом судимости, максимальной срок заключения был назначен лишь в 47,5% случаев (табл. 25).

Таблица 25

Влияние прежней судимости или приводов на меру наказания, выносимого милицейской тройкой (в процентах)

Города и районы	Ранее не судимые и не имевшие приводов	
	Мера наказания	
	До 3-х лет ИТЛ	5 лет ИТЛ
Барнаул	39,5	60,5
Бийск и район	60,5	39,5
Змеиногорский	45,5	54,5
Троицкий	65,7	34,3
Солтонский	51,2	48,8
Средний показатель	52,5	47,5
	Ранее судимые и имевшие приводы	
	Мера наказания	
	До 3-х лет ИТЛ	5 лет ИТЛ
Барнаул	14,7	83,3
Бийский	14,3	85,7
Змеиногорский	20	80
Троицкий	-	100
Солтонский	4,6	95,4
Средний показатель	11	89

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс].

Учет гендерного фактора показывает, что женщинам предельный пятилетний срок заключения назначался тройкой реже, чем мужчинам: соответственно в 51,5% и 70,4% случаев.

Среди осужденных тройкой абсолютное большинство дали признательные показания – 81,1%, частично признали свою вину – 6,5%, нет сведений в протоколах – 3,4%, отказались признать предъявленные обвинения – 9%. Факт признания вины не оказывал решающего значения на продолжительность назначаемого тройкой срока заключения. Приговор скорее определялся обстоятельствами самого дела, фактами биографии, наличием предыдущей судимости.

В качестве подкрепления доказательной базы обвинения в протоколах представлены данные о свидетельских показаниях, как правило, имеющих следующую формулировку: «изобличается свидетельскими показаниями (с указанием фамилии или без)». В отношении 67,5% осужденных в обвинительном заключении присутствуют свидетельские показания, дважды в качестве улики упоминается наличие вещественных доказательств.

В качестве свидетелей совершенных преступлений выступали как пострадавшие лица, так и неизвестные персоны, о социальном статусе которых нет информации. Но при знакомстве с выписками дел нам удалось выяснить социальное положение некоторых свидетелей, при условии, если они одновременно являлись также пострадавшими. Среди них встречаются комсомольцы, колхозники, рабочие, стахановцы. Судя по формулировкам сохранившихся свидетельских показаний из судебно-следственной части протоколов милицейской тройки («обокрал квартиру колхозника Попова», «избил колхозника комсомольца Иосифа Авдеева», «своим поведением разлагала других работниц фабрики» и т.п.), в них подчеркивается некая социальная чуждость осуждаемых преступных элементов по отношению к основным слоям советского общества.

Примечательным является тот факт, что по делам, проходящим по линии Барнаульской ж/д милиции, информация о наличии свидетельских показаний практически отсутствует (в 90% дел), доказательства вины строились на личном признании подсудимых. Объективной причиной отсутствия свидетельских показаний в делах по линии железнодорожной

милиции могла являться особенностью самой локации, где происходили задержания преступников. Железнодорожные вокзалы и станции являлись местом скопления нищих, бродяг, попрошайек, карманников изъятие которых происходило в ходе массовых «зачисток» от социально-вредных элементов как таковых, а не в ходе проведения задержания по поступившим заявлениям граждан.

Таким образом, рассмотрение состава осужденных милицейской тройкой в Алтайском крае в 1937–1938 гг. показало, что преобладающая часть осужденных являлись лицами мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, родом из сельской местности, не состоявшими в браке, без определенного рода занятий, малограмотными и неграмотными, более половины из них имели ранее приводы в милицию или судимость. Характер предъявленных обвинений определялся не только совершением конкретных преступных действий, но и ведением асоциального образа жизни (нищенство, бродяжничество, тунеядство). Данный контингент не вписывался в рамки формируемого государством социального порядка и определялся как «социально вредный», в связи с чем был подвергнут массовому изъятию и изоляции. В ходе проводившихся репрессивных мероприятий в число лиц, осуждавшихся тройками, попадали наиболее доступные представители уголовного мира и деклассированные элементы, а иногда, для выполнения контрольных цифр, арестовывались и законопослушные граждане. Так, в приговоре военного трибунала войск НКВД Западносибирского округа от 22–24 октября 1939 г. в отношении бывшего начальника УРКМ по Алтайскому краю И.И. Вейнберга, осужденного на семь лет ИТЛ за проведение необоснованных репрессий, указывалось, что он в период проведения операции по изъятию СВЭ давал подведомственным ему начальникам райотделов милиции необоснованно высокие задания по репрессированию граждан, в силу чего были осуществлены аресты

не только «социально-вредного элемента», но и «честных граждан — рабочих, служащих, колхозников и стахановцев производства»⁴²⁸.

б) Сведения о лицах, осужденных тройкой УНКВД

Следственные дела на более «серьезный» преступный элемент, включавший уголовников-рецидивистов, указанных в качестве целевой группы репрессий в основном директивном акте периода «Большого террора» – приказе НКВД № 00447, рассматривались тройкой НКВД.

В целом изучение деятельности милицейской тройки и тройки НКВД, связанной с осуждением уголовных и люмпенизированных слоев населения, расширяет представление о масштабах «социальной чистки», проводившейся в годы Большого террора. Соединение работы этих двух органов в отношении борьбы с преступниками можно рассматривать как следствие стремления выносить более суровые приговоры подобному контингенту, при отсутствии серьезной дифференциации внутри данной категории граждан.

В частности, в протоколах милицейской тройки АК фигурируют три дела, которые ввиду некоторой политической и религиозной «окраски» было решено направить на рассмотрение «по первой категории», т.е. на заседание тройки УНКВД. Одна из подсудимых, чье дело было отнесено к этой категории, «в прошлом имела кулацкое хозяйство (60 голов рабочих лошадей, 70 коров и другого скота, муж в 1932 г. лишен избирательных прав, сын арестован. Также была лишена избирательных прав, с 1932 г. ничем не занимается, бродяжничает»; двое других подсудимых оказались «причастны» к пропаганде религии: «судим Кучукским судом за незаконное крещение детей в 1934 году <...>, общественно-полезным трудом не занимается, бродяжничает, добывает средства к существованию путем обмана – крестит детей»; «занимается обманом граждан, сам делает из металла кресты,

⁴²⁸ Тепляков А. Г. Чекисты Алтайского края в «кулацкой операции» // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Барнаул, 2014. С. 82–84.

распродает, на добытые таким путем средства существует⁴²⁹. Таким образом, эти дела подлежали переквалификации в «кулацкое» и «церковные», подлежащие рассмотрению судебной тройки НКВД. Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о том, что между тройками существовал своеобразный трансферт, который позволял осуществлять «переброску» дел между внесудебными органами в зависимости от подсудности, с другой стороны доказывает, что на практике точная дифференциация в определении подсудных каждой тройке контингентов присутствовала не всегда. Некоторые исследователи указывают на тот факт, что на рассмотрение на заседаниях троек НКВД поступали в том числе дела на мелких уголовников и хулиганов – контингент, не предусмотренный приказом⁴³⁰. Алтайские данные по тройке УНКВД также косвенно подтверждают этот тезис: в отношении 7,2% (62 чел.) ею был назначен приговор в 5 лет ИТЛ (совпадает с предельным сроком наказания, который могла назначить милицейская тройка). В качестве ужесточения меры наказания можно рассматривать то обстоятельство, что 77% граждан, осужденных тройкой УНКВД сроком на 5 лет, были лишены избирательных прав на 5 лет после окончания заключения. По большей части они обвинялись в кражах, тунеядстве, связи с уголовными элементами, в качестве отягчающих факторов в 16% случаев отмечается рецидивистский характер преступной деятельности. Кроме того, стоит отметить, что 54 чел., рассмотрение дел которых на заседании тройки УНКВД не завершилось вынесением приговора (или нам не удалось его установить, поскольку в соответствующей части протокола отсутствует информация о вынесенном приговоре), являлись деклассированными лицами, о чем имеется информация в личной карточке осужденного отметки или карандашные отметки на полях.

База данных на осужденных тройкой УНКВД была сформирована по принципу 50-процентной выборки, в нее вошли сведения на 403 человек (из

⁴²⁹ ИЦ ГУВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 6; Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

⁴³⁰ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного»... С. 514.

выборки были исключены лица, в отношении которых приговор установить оказалось невозможным из-за отсутствия соответствующей информации). Поскольку количество лиц, прошедших через заседания тройки УНКВД в 1937 г. (862 чел.), значительно меньше числа осужденных милицейской тройкой за 1937-1938 гг. (6942 чел.), для обеспечения репрезентативности представленных в базе данных сведений, мы включили в нее каждого второго осужденного тройкой УНКВД, не придерживаясь при этом территориально-административного принципа, как в выборке по осужденным милицейской тройкой.

Несмотря на это, с точки зрения количественных показателей и локационной принадлежности выделяются крупные административно-территориальные единицы, к которым относился значительный процент осужденных, как правило города или крупные села. По различным Барнаульским отделениям (городской милиции, железнодорожной, отделению НКВД) проходили 22,3% осужденных тройкой УНКВД, не включая 14,4% преступников, направленных на заседание по линии уголовного розыска, поскольку деятельность уголовного розыска была связана с работой по всему краю; по Ойротской ОУМ НКВД – 10,7%, по Косихинскому РОМ – 8,9%, по Бийскому РОМ – 4,5% (по остальным районам показатели существенно ниже). Определить причины, по которым в Косихинском районе были столь высокие показатели изъятия и осуждения уголовных преступников, гораздо выше, чем в других сельских районах и втором по величине в крае Бийском районе, довольно сложно ввиду отсутствия каких-либо данных на этот счет в доступных ведомственных документах. С большой вероятностью можем предположить, что сказывалась территориальная близость Косихинского района к краевому центру, что создавало возможности для притока уголовных элементов из городской среды.

Среди попавших в выборку осужденных тройкой УНКВД, большая часть приходилась на лиц мужского пола – 93,1%, доля женщин составила

только 6,9%. Доля женщин среди осужденных тройкой УНКВД по приказу № 00447 была невысокой и в других регионах страны. В Ленинградской области женщины составляли только 5,1%, в Москве – 4,1 % среди жертв террора 1937-1938 гг.⁴³¹

Однако согласно сделанной Г.Д. Ждановой пятипроцентной выборкой из базы данных ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)», в крае в рамках «кулацкой операции», доля женщин среди осужденных составляла только 2,6%⁴³², что в 2,5 раза ниже, чем среди уголовников. Таким образом, включение женского контингента в число осужденных тройками УНКВД по уголовным мотивам было наиболее активным, нежели по политическим признакам.

Важно отметить, что доля женщин среди осужденных алтайской милицейской тройкой была гораздо выше – 18%. Причина подобной статистики объясняется прежде всего характером правонарушений, совершаемых женщинами, которые в большей степени соотносились с компетенцией милицейской тройки: кражи, проституция, тунеядство, нищенство, «гастролирование», содержание притонов.

Типовым по характеру преступной деятельности среди женщин является дело Шициной-Чипурковой А.В., 1900 г.р., проходившей по Старо-Бардинскому РО НКВД и осужденной тройкой УНКВД АК 26 ноября 1937 г. к 10 годам ИТЛ⁴³³. Шицина-Чипуркова ранее была судима в 1933 г. по ст. 155 УК, в 1934 г. привлекалась как «социально-вредный элемент», в 1936 г. задерживалась в административном порядке за шинкарство, не занималась общественно-полезным трудом. Осуждена за содержание в своей квартире притона, вербовала женщин для занятия проституцией, с которыми спаивали рабочих МТС и грабили их. Несмотря на рецидивистский характер преступной деятельности и серию совершенных правонарушений – степень

⁴³¹ Ленинградский мартиролог. 1937-1938. СПб., 1998. С 587; Т. 4. СПб., 1999. С. 686; Т. 5. СПб., 2002. С. 639; Бутовский полигон 1937-1938 гг. Вып.7. М., 2003. С 302-311.

⁴³² Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД № 00447: Статистический анализ. // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447. Барнаул, 2014. С. 40.

⁴³³ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 29. Л. 2-3.

суровости приговора, вынесенного тройкой УНКВД, была гораздо выше, нежели предполагал состав преступления⁴³⁴. В 1933 г. за аналогичную деятельность по ст. 155 УК РСФСР (принуждение к занятию проституцией) Шицина-Чипуркова была осуждена только к 3 годам л/с, из которых отбыла 1 год и была освобождена досрочно.

Преобладающую возрастную группу среди уголовников, репрессированных в рамках «кулацкой» операции, составили лица в возрасте от 18 до 30 лет – 58,9%, второй по численности была группа в возрасте от 31 года до 50 лет – 35,1%, более 50 лет – 3,7%, несовершеннолетних – 2,3%. Следовательно, аналогично возрастным характеристикам милицейской тройки, самую значительную группу составляли молодые, работоспособные люди в возрасте от 18 до 30 лет.

Определенная мягкость была характерна для приговоров тройки УНКВД, вынесенных в отношении лиц, не достигших 18 лет. В отношении них ни разу не была применена ВМН. Все они были осуждены на сроки от 5 до 10 лет, большая часть (55,6%) – к 5 годам л/с, более продолжительные сроки были применены к злостным рецидивистам, участникам и главарям малолетних уголовных банд, соучастникам убийства и прочих серьезных уголовных преступлений.

В большинстве случаев установить семейное положение осужденных тройкой при УНКВД не представляется возможным, так как в 82,9% случаев подобные сведения в биографических карточках отсутствуют, из указанных данных следует, что 68,2% – не состояли в браке, 30,4% – были женаты, 1,4% – овдовели. Несмотря на то, что сведения о семейном положении осужденных «кулацкой» тройкой представлены очень фрагментарно, «безсемейность» среди них прослеживается в пропорции, сходной с «клиентами» милицейской тройки.

⁴³⁴ Согласно ст. 155 УК РСФСР максимальный срок наказания по данному виду преступления составлял 5 лет л/с.

Данные о социальном происхождении осужденных отражены более полно – в 43,1% карточек. Большая часть, согласно указанным данным, была родом из крестьян – 60,3%, из рабочих – 10,9%, из служащих – 0,6%, из священнослужителей – 0,6%, из мещан – 3,4% (несмотря на то, что сословное деление было отменено еще в 1917 г., в документации внесудебных органов использовалась дореволюционная терминология). Среди уголовников, осужденных тройкой при УНКВД по АК, гораздо выше присутствие лиц, имеющих социально-политический статус «кулак» – 31,2% от числа имеющих отметку о социальном происхождении, нежели среди «клиентов» милицейской тройки. Поскольку уголовники стали одной из групп, подвергшихся репрессиям в рамках «кулацкой» операции, факт «кулацкого» прошлого в их биографии при составлении личной карточки фиксировался. В отношении более 2/3 «бывших кулаков» тройкой УНКВД была применена высшая мера наказания – 68,2% (что выше среднего показателя), к 10 годам ИТЛ были приговорены 22,7%, к 8 годам ИТЛ – 9,1%. Состав преступлений включал побег от выселения или уже с комендатуры, бандитизм, вредительство, агитацию против колхозного строя и пр.

Довольно часто в личной справке уголовников присутствует характеристика «без определенного места жительства»: согласно сведениям, содержащимся в базе данных, 25,8% лиц были отнесены к этой категории граждан. Доля БОМЖей среди осужденных милицейской тройкой, была выше (36,9%), поскольку подобный образ жизни в большей степени сочетался с мелкими уголовными преступлениями и сам по себе являлся поводом для ареста и передачи дела на рассмотрение милицейской тройки.

Возможность установить некоторые биографические факты об осужденных позволяли личные документы, поэтому информация о наличии или отсутствии паспорта у осужденных в протоколах тройки при УНКВД представлена довольно часто – в 69,5% случаев. Из них у 47,8% уголовников, проходивших через заседания тройки при УНКВД АК, паспорт при аресте

отсутствовал, 51,1% имели при себе паспорт, у 1,1% – паспорт был поддельный.

Сравнение с соответствующими данными, приведенными нами выше по милицейской тройке, показывает, что доля осужденных милицейской тройкой, не имевших паспорта и прописки при аресте, была на 14,4% больше, чем среди уголовников, проходивших через тройку УНКВД. Это объясняется как компетенцией милицейских троек, которые должны были наказывать нарушителей паспортного режима, так и спецификой самого массового контингента этой тройки: нищие, попрошайки, бродяги, обитатели улиц и вокзалов в силу социальных обстоятельств в большинстве случаев не имели личных документов.

Сведения о национальной принадлежности осужденных в большинстве случаев отсутствуют (88,1%). Из представленных в протоколах данных следует, что 72,7% являлись русскими, 18,2% – алтайцами, 9,1% – цыганами, доля других национальностей была менее значительной. Ожидаемо, что лица, принадлежавшие к цыганской национальности, проходили по протоколу тройки как участники скотоконокрадческой группы. При задержании указанной шайки были изъяты 12 лошадей (возвращены потерпевшим), 10 фиктивных конских паспортов, 1364 руб. денег. В результате главарь банды был приговорен к расстрелу, двое его соучастников к заключению в ИТЛ на 10 и 8 лет.

Сведения о партийной принадлежности осужденных тройкой УНКВД представлены очень фрагментарно: отсутствуют в 79,5% случаев, а среди тех, кто имел отметку в этой графе анкетных данных, 97,4% были беспартийными. Лишь два человека являлись в прошлом членами ВКП(б) – 2,6%. Т.И. Плотников, 1904 г.р., состоявший в партии с 1925 г. и исключенный в 1933 г. (причина не указана). Впервые был осужден в 1935 г. «за кражу с применением технических средств», после освобождения продолжил преступную деятельность. Впоследствии он совершил еще несколько краж со взломом, был осужден тройкой при УНКВД по

Алтайскому краю к ВМН. По второму делу проходил бывший член партии, Михайлов Павел Николаевич, 1908 г.р., осужден тройкой «за расхищение соцсобственности в системе Роскожснаба», где он был заведующим, и «создание группы расхитителей» к 10 годам ИТЛ. Подробная информация о «партийной биографии» в карточке отсутствует. В отношении Михайлова применен более мягкий приговор, нежели по делу, приведенному выше, несмотря на то, что при таком составе преступления многих судили по 58-й ст. УК как «бывших кулаков» с применением максимально возможного наказания – расстрела. Вероятно, фактором, способствующим вынесению относительного мягкого приговора тройкой УНКВД, было отсутствие у П.Н. Михайлова судимостей и приводов.

Физическое состояние осужденных также подробно не отслеживалось секретариатом тройки, в 96,5% случаев эта информация не указана, оставшиеся 3,5% были здоровы. Согласно более ранним инструкциям 1929 г. при отправке контингентов в лагеря необходимо было учитывать физическое здоровье и пригодность заключенных к труду. Возможно, информация о состоянии здоровья осуждаемых тройкой уголовников фиксировалась в анкетах следственных дел, но не переносилась в протоколы. В следственных делах граждан, осужденных по ст. 58 УК в рамках операции по приказу № 00447, пункт о состоянии здоровья преимущественно заполнялся, поэтому мы можем предположить, что эта информация фиксировалась и в делах уголовников, осужденных тройкой УНКВД (эти дела закрыты для исследователей).

Сведения о профессиональных навыках в 23,8% карточек отсутствуют. Профессиональные навыки большей части осужденных характеризуются клише «без определенного рода занятий» – в 75,4% случаев, 0,7% – нигде не работали. О профессии осужденных имеются следующие сведения: 4,3% были чернорабочими различных заводов и комбинатов, 3,3% работали в колхозах, 1,9% имели профессию слесаря, 1,6% работали шоферами, 1,3% –

грузчиками, 0,7% – пекарями, 0,7% – продавцами, 0,7% – портными, 0,3% – кузнецами, 0,3% – киномеханиками и др.

Несмотря на то, что эта информация об уровне грамотности осужденных мало представлена в протоколах тройки УНКВД (в 68,2% случаев отсутствует), из имеющихся данных можно сделать вывод, что основная их часть являлась людьми малограмотными – 64,8%, неграмотными – 2,4%, полностью были обучены грамоте – 32,8%.

Одной из главных характеристик, позволяющей составить представление о механизме формирования контингентов, репресслируемых тройкой УНКВД, является состав преступления. Основанные на сведениях, содержащихся в базе данных, подсчеты о соотношении видов преступлений среди уголовников, осужденных тройкой при УНКВД по АК представлены в таблице 26.

Таблица 26

**Статистика преступлений среди уголовников, осужденных
тройкой при УНКВД по Алтайскому краю**

Виды преступлений	Доля, %
Кража	12,3
Рецидивист	10,9
Руководитель, участник преступной группы	7,5
Скотоконокрадство	6,5
Связь с преступными элементами	6,1
Грабеж	5,9
Тунеядство	5,3
Нанесение телесных повреждений	4,4
Хулиганство	3,1
Побег из-под ареста	2,9
Уголовный бандитизм	2,4
Вооруженное нападение	2,4
Дебош	2,3
Гастролирует, ведет бродячий образ жизни	2,1
Вредительство	2,1
Спекуляция	1,8
Угрозы	1,7
Попытка убийства	1,6
Убийство	1,3
Содержание притона	1,3
Антиколхозная агитация	1,3
Подделка документов	1,3
Пьянство	1,2

Продолжение таблицы

Мошенничество	0,8
Укрывательство преступников	0,8
<i>Прочие преступления в совокупности</i>	<i>10,7</i>
Итого:	100

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс].

Наиболее распространенными видами преступлений, в которых обвинялись уголовники, осужденные тройкой при УНКВД по Алтайскому краю, являлись: кражи, на которые приходилось 18,8% от общего числа обвинений (с учетом обвинений в скотоконокрадстве), грабежи (5,9%), нанесение телесных повреждений (4,4%), хулиганство (3,1%). Нацеленность приговорной деятельности тройки на пресечение профессиональной и рецидивной преступности, определенная в директивных документах руководства НКВД, проявилась в большом количестве обвинений в рецидивных преступлениях (10,9%), в руководстве (участии) преступными группами (7,5%), связи с преступными элементами (6,1%) (табл. 26).

15,3% осужденных тройкой УНКВД по АК по характеру совершенных преступлений (тунеядство, хулиганство, дебош, пьянство, «гастролеры») относятся к числу мелких уголовников, если в эту группу также включить воров, то их доля составит 27,6%. Данная статистика также подтверждает, что распределение контингентов по тройкам не всегда соответствовало их компетенции и в случаях попадания дел мелких преступников на рассмотрение тройки УНКВД означало вынесение более сурового приговора.

Среди осужденных тройкой УНКВД по АК 17,2% человек, были впервые привлечены к уголовной ответственности и не имели в прошлом фактов судимостей и приводов в отделения милиции. Соответственно, 82,8% уже имели в своей биографии уголовные прецеденты. Доля уголовников, ранее не имевших судимостей и приводов в милицию, среди осужденных милицейской тройкой была значительно выше – 29,7%. Эти данные, с одной стороны, соотносятся с компетенцией милицейской тройки, занимавшейся осуждением мелких преступников, многие из которых не имели

криминального прошлого или не имели судимостей за совершенные ранее противоправные действия, а, с другой стороны, отражает функциональную нацеленность троек НКВД на борьбу с рецидивистами и организованной преступностью.

При составлении обвинительного резюме секретариатом тройки довольно часто фиксировалась информация о рецидивистском характере уголовной деятельности подсудимого, что позволяет сделать вывод о значимости данного обстоятельства при определении степени тяжести приговора. Об этом свидетельствуют и статистические данные, согласно которым 82,8% осужденных тройкой УНКВД являлись рецидивистами. На основе анализа содержащихся в базе данных сведений можно проследить влияние наличия преступной биографии на тяжесть приговора, вынесенного тройкой УНКВД (таблица 27).

Таблица 27

**Влияние прежней судимости и приводов в милицию
на приговоры осужденным тройкой УНКВД по Алтайскому краю**

Мера наказания					
5 лет ИТЛ, в %	8 лет ИТЛ, в %	10 лет ИТЛ, в %	ВМН, в %	Дела без вынесенного приговора ⁴³⁵ в %	Всего, в %
Ранее не судимые и не имевшие приводов					
8,7	26,1	21,7	40,6	2,9	100
Имевшие только приводы					
10,6	26,3	28,9	34,2	-	100
Имевшие только судимости					
8,2	16,9	28,4	46,5	-	100
Имевшие судимости и приводы					
8,1	20,5	33	38,4	-	100
Средние показатели					
8,9	22,5	28	39,9	0,7	100

Составлено по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс].

Отсутствие четкой градации приговоров в зависимости от преступной биографии, скорее всего объясняется общим высоким уровнем рецидивистов

⁴³⁵ Дела без указания приговора и по передаче на рассмотрение в другие инстанции.

среди уголовников, осужденных тройкой УНКВД по АК. Однако доля более мягких приговоров – сроком на 5 и 8 лет среди лиц, не имевших судимости, несколько выше, чем среди ранее судившихся: на 1,5% и 7,5% соответственно. Также можно отметить, что только дела ранее несудимых направлялись на пересмотр и прекращение (табл. 27).

Таким образом, поскольку основным контингентом тройки УНКВД являлись лица с криминальным прошлым – рецидивисты, то на определение степени тяжести наказания прежде всего влиял характер совершенных уголовником преступлений.

При более детальном знакомстве не только с криминальным прошлым, но и составом преступления, указанным в резюме обвинительного заключения в протоколах, прослеживается следующий алгоритм формирования обвинительного заключения. По делам о скотоконокрадстве, бытовых кражах, сводничестве даже при наличии криминального прошлого тройка выносила более мягкий приговор: как правило, 5 лет л/с, реже – 8 лет л/с. По делам об уголовном бандитизме (особенно в отношении руководителей банд, бывших «кулаков») приговор тройки достигал максимальной степени суровости.

Таблица 28

Виды приговоров, выносимых тройкой при УНКВД по Алтайскому краю в зависимости от характера преступлений

Виды преступлений	5 лет ИТЛ, в %	8 лет ИТЛ, в %	10 лет ИТЛ, в %	ВМН, в %	Итого, в %
Вредительство	0	0	6,3	93,7	100
Руководитель, участник преступной группы	1	7,1	10,7	81,2	100
Грабеж	2,8	7,1	9,8	80,3	100
Контрреволюционная и антиколхозная агитация	5,6	0	22,2	72,2	100
Вооруженное нападение	0	14,3	14,3	71,4	100
Убийство	0	14,3	14,3	71,4	100
Кража (хищение) соцсобственности	0	8	24	68	100
Рецидивист	2,5	6,2	24,6	66,7	100
Нанесение телесных повреждений	4,2	8,3	29,2	58,3	100

Продолжение таблицы

Виды преступлений	5 лет ИТЛ, в %	8 лет ИТЛ, в %	10 лет ИТЛ, в %	ВМН, в %	Итого, в %
Связь с преступными элементами	18,7	18,7	6,3	56,3	100
Скотоконократство	13,3	13,3	24,5	48,9	100
Притоносодержательство, скупка краденого	8,3	0	58,3	33,4	100
Дебош, пьянство	7,1	35,7	35,7	21,4	100
Кража	17,3	25,3	38,7	18,7	100
Гастролирует, ведет бродячий образ жизни	0	33,3	66,7	0	100

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015621560 от 14.10.2015. / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон: база данных [Электронный ресурс].

Согласно данным табл. 28, высокую долю приговоров к ВМН тройка выносила в отношении преступлений, связанных с вредительством – 93,7%, руководством или участием в бандитских группах – 81,2%, грабежами – 80,3%. Однако стоит отметить, что приведенные в таблице данные являются относительно условными, поскольку в обвинительных заключениях осужденных, как правило, указывалось не одно, а несколько видов преступлений (например, «не занимается общественно-полезным трудом, состоит участницей бандитских группировок, совершала хищение оружия», т.е. т.е. 3 вида преступлений), и приговор тройки выносился на основании нескольких правонарушений, мы же посчитали частоту вынесения различных приговоров относительного определенного вида правонарушения.

К 5 годам ИТЛ приговаривались преимущественно лица, имевшие связь с преступными элементами – 18,7%, мелкие воры – 17,3% и скотоконократы – 13,3%. К скотоконократам в 48,9% случаев применялась ВМН, 24,5% из них были приговорены к 10 годам ИТЛ. В отношении участников профессиональных скотоконократческих групп, совершивших ряд преступлений, связанных с кражами, как правило, колхозного скота, приговоры тройки, как правило, содержали, суровую меру наказания (от 10 лет ИТЛ до ВМН), похитители домашнего скота с частных подворий, не

имевшие рецидивистского списка аналогичных преступлений, приговаривались к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет.

Большинство осужденных – 63,8% дали признательные показания в предъявленных им обвинениях, 14,9% – частично признали вину, 17,9% – не признали, 0,5% отказались от дачи показаний, в 2,9% случаях эта информация отсутствует. Примечательно, что процент признательных показаний, данных обвиняемыми (63,8%), совпадает с долей дел, по которым есть свидетельские показания – 63,8%.

В целом контингент, проходивший через заседания тройки УНКВД, характеризуется преобладанием уголовников в возрасте от 18 до 30 лет, родом из сельской местности, малограмотных, не имевших определенного рода занятий, преимущественно рецидивистов, осужденных за кражи, грабежи, уголовный бандитизм и прочие противоправные действия. Главной отличительной особенностью контингентов тройки УНКВД от милицейской тройки было преобладание уголовников-рецидивистов, имевших в биографии по нескольку судимостей.

Осуждение уголовников тройкой УНКВД являлось во многом продолжением деятельности милицейской тройки, только с более суровой степенью наказания, в этой связи тройку НКВД можно рассматривать как «удлиненную руку» милицейской тройки. На рассмотрение на заседаниях тройки при УНКВД поступали в том числе дела на мелких уголовников и хулиганов – контингент, не предусмотренный приказом № 00447. О частичном совпадении контингента, дела которого поступали на рассмотрение троек милиции и УНКВД, свидетельствует и то обстоятельство, что 7,2% всех осужденных тройкой при УНКВД были приговорены к 5-летнему заключению в ИТЛ – мере наказания, наиболее распространенной в приговорной деятельности милицейской тройки. Между тройками существовал своеобразный трансферт дел, который позволял осуществлять их «переброску» между внесудебными органами в зависимости от подсудности.

Резюмируя, можно заключить, что борьба с уголовной преступностью действием троек была поставлена на рельсы массового внесудебного правосудия. Уголовники в масштабах воплощения общего курса попали в колесо репрессивной машины как «социально-опасные» и «социально-вредные элементы», несущие потенциальную угрозу стабильности советского государства. В момент, когда «врагов» находили в верхах партийного аппарата, преступники, как часть общества, демонстрировавшая свою нелояльность существующим порядкам своими противозаконными поступками, не могли оказаться вне числа лиц, подлежащих репрессиям.

Полномочия, которыми были наделены тройки, шли вразрез с существующим уголовным законодательством и нормами судебного процесса. Деятельность внесудебных органов перечеркнула главный принцип судебного процесса СССР, закрепленный в Конституции 1936 г. и УК РСФСР – принцип «социалистического демократизма», который выражался в том, что разбирательство судебных дел и вынесение по ним приговоров производится выборным судом на открытых заседаниях, под контролем общественности⁴³⁶.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» определило новый курс, заключающийся в переходе от методов массовых чисток к традиционному правосудию. Этим постановлением поручалось «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции»⁴³⁷.

Несмотря на масштабы деятельности внесудебных органов, в том числе в отношении уголовников, многие исследователи сходятся во мнении, что организация борьбы с преступностью в порядке «массовых кампаний», фальсификации дел, привлечение к ответственности мелких нарушителей, не

⁴³⁶ Советский уголовный процесс. Вып. 4. / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 5.

⁴³⁷ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. М., 2004. С. 307–311.

позволяли достигнуть серьезных результатов в борьбе с уголовной преступностью⁴³⁸. А.Г. Тепляков также отмечает, что «массовые операции» не смогли остановить рост уголовной преступности, однако способствовали решению задач социальной инженерии – активные противники большевистской власти оказались уничтожены или изолированы⁴³⁹.

В 1930-е гг. политика государства в отношении уголовников, во-первых, изменилась содержательно: произошел отказ от практики перевоспитания заключенных в местах лишения свободы и подготовки их к интеграции в трудовое общество. Ведущим стал принцип наказания и его ужесточение, в том числе за счет применения ВМН. Во-вторых, само уголовное законодательство – Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы – постепенно утрачивают свое значение в судопроизводстве и фактически заменяются специальными директивами, постановлениями и приказами, которые определяли работу правоохранительной системы в отношении борьбы с различными видами преступлений. В результате законодательная база становилась ситуативной, зависимой от конкретных обстоятельств. Так называемое «постановительное законодательство», которое стало нормой в данный период и определяло работу правоохранительного и судебного аппарата, способствовало появлению таких явлений, как «кампанейство» в отношении борьбы с теми или иными видами преступности и социальными явлениями, т.е. когда в рамках этой борьбы аресты производились массово, без разбора, с нарушением процедуры следствия и дознания, в результате чего под удар репрессий попадали и случайные лица.

Еще одной важной характеристикой политики в отношении деклассированных групп населения в 1930-е гг. становится активное участие внесудебных органов в борьбе с уголовной преступностью – милицейской

⁴³⁸ Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 533; Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири... С. 406; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 167

⁴³⁹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири... С. 409.

тройки и тройки ОГПУ-НКВД. Деятельность данных органов ускорила процессы судебного разбирательства, сокращая до минимума, что сделало их незаменимым инструментом репрессивной политики. Приказ НКВД № 00447, положивший начало массовым репрессиям 1937–1938 гг., включил уголовников в число целевых групп Большого террора. Деятельность троек милиции и УНКВД привела к тому, что в 1937–1938 гг. в Алтайском крае (согласно протоколам) во внесудебном порядке были осуждены соответственно 6 942 (по протоколам милицейской тройки) и 862 (по протоколам УНКВД за 1937 г.) уголовников и СВЭ, а также был дискредитирован авторитет и правовой статус судебной системы и прокуратуры. Наделение большой правовой инициативой внесудебных органов привели к самоуправству в отношении мелких преступников, хулиганов, нищих, бродяг и других лиц с девиантным поведением. Серьезной же работы в условиях конвейерного следствия по борьбе с организованной преступностью проведено не было. Обрушение репрессивного колеса на уголовные и маргинализованные слои населения было связано скорее с социальной инженерией, направленной на построение основанного на бесклассовой идиллии общества, свободного в том числе и от «социально-вредных элементов».

ГЛАВА 3. ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СИСТЕМЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА АЛТАЕ В 1930-Е ГГ.

3.1. Система исправительно-трудовых учреждений на Алтае в 1930-е гг.

Исправительная система на Алтае в 1930-е гг. была представлена различными типами пенитенциарных учреждений. Наряду с местами общего заключения, включавшими камеры предварительного заключения (КПЗ), тюрьмы, производственные предприятия при ИТУ, бюро исправительных работ (БИР), исправительно-трудовые колонии (ИТК), на Алтае в 1933 г. появился ИТЛ ОГПУ (Чистюньское отделение Сиблага).

Возрастающие в течение 1930-х гг. потребности государства в эффективном использовании заключенных в качестве рабочей силы, необходимость в организации деятельности мест заключения на основе самоокупаемости, а также перманентная перегруженность тюрем, привели к структурным изменениям и количественному разрастанию пенитенциарной системы. В течение рассматриваемого периода количество общих мест заключения на территории алтайских районов Западно-Сибирского края (с 1937 г. – Алтайского края) постепенно увеличивалось.

Правонарушители распределялись в разные типы пенитенциарных учреждений в зависимости от вида совершенных преступлений. В камерах предварительного заключения (КПЗ), также они назывались арестными помещениями (ардома), содержались подозреваемые в совершении тех или иных преступлений, административные правонарушители, лица, ожидавшие отправки в тюрьму.

Арестные помещения (или камеры предварительного заключения – КПЗ) находились в ведомстве районных отделений милиции и позволяли изолировать нарушителей правопорядка не только в городах, но и в сельской местности. 8 декабря 1932 г. главной инспекцией ОГПУ было проведено обследование арестных помещений при отделениях милиции в районах ЗСК.

Как показали его результаты, санитарное состояние ардомов не соответствовало нормам гигиены ни по одному показателю, повсюду наблюдались беспорядок и «разруха». Одной из главных проблем в состоянии арестных помещений являлась их невозможность выполнять свое прямое назначение – изоляцию. Большинство зданий были ветхими, без стекол и решеток на окнах, не имели внешнего ограждения. Халатность персонала провоцировала частые побегі заключенных из арестных помещений. Только за 3-й квартал 1933 г. по 65 районным управлениям милиции ЗСК бежали 490 человек⁴⁴⁰.

Отсутствие внимания со стороны кадрового персонала арестных домов к проведению регулярных уборок и дезинфекций приводило к тому, что в камерах было грязно, антисанитарные условия провоцировали развитие у заключенных заболеваний. Другой немаловажной проблемой являлась переполненность мест заключения различного типа, в том числе камер предварительного заключения.

После образования в 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел вышел приказ НКВД СССР № 001 от 11 июля 1934 г., согласно которому Главное управление лагерей (ГУЛАГ) было передано в распоряжение наркомата. В этом же году в ГУЛАГ НКВД были переданы исправительно-трудовые учреждения Народного комиссариата юстиции РСФСР, такие как ИТК и БИРы.

Через бюро исправительных работ ГУЛАГ осуществлял исполнение наказания в виде исправительных работ без содержания под стражей, бюро подчинялись территориальным управлениям НКВД. В 1930-е гг. БИРы были организованы в большинстве алтайских районов. Всего в первой половине 1930-х гг. на Алтае действовало 15 районных бюро, а к 1940 г. их насчитывалось уже 32⁴⁴¹.

⁴⁴⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 189. Л. 178.

⁴⁴¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

В 1935 г. положение БИРов укрепилось в связи с реорганизацией в системе ИТУ, согласно которой были ликвидированы ИТК, предназначенные для осужденных к исправительно-трудовым работам. Их полномочия и функции, согласно заключению НКВД от 3 апреля 1935 г., переходили к БИРа́м. В ЗСК располагалось две колонии «смешанного» типа, т.е. предназначенных для лиц, лишенных свободы, и для осужденных к ИТР – в Сталинске и Барнауле. По итогам проведенной реорганизации отдел мест заключения УНКВД передал осужденных к ИТР Барнаульской ИТК в ведение БИР Барнаульского оперативного сектора УНКВД, при этом штат БИРа в связи с ростом числа контингента был увеличен.

В целом бюро смогли сделать свою работу эффективной и привлекать к отбыванию наказания практически 100% осужденных. Деятельность БИРов с экономической точки зрения была рентабельной, по отчетным данным за 1939 и 1940 гг. остаток средств на балансе бюро составлял 899,1 тыс. руб. и 1091 тыс. руб. соответственно, т.е. был положительным. Расходы на содержание БИРов в среднем составляли от 430 до 550 тыс. руб. в год, при общем заработке 1300–1650 тыс. руб. (средняя прибыль составляла 985 руб., т.е. почти в 2 раза превышала расходы)⁴⁴². Для сравнения: выручка от реализации сельскохозяйственной продукции колоний составляла 2 500 тыс. руб., от промышленной продукции – 18 689 тыс. руб., с чистой прибылью 391 тыс. руб. (15%) и 6 206 тыс. руб. (33,2%) соответственно.

Система исправительно-трудовых учреждений на Алтае также была представлена производственными предприятиями, на базе которых срочнозаключенные из общих мест заключения (как правило, той же местности), а также осужденные к принудительным работам подопечные БИРов, отбывали назначенную меру наказания. В Западной Сибири находилось 4 подобных предприятия, рассчитанных на 1 650 чел., три из них располагались на Алтае: в Камне, Рубцовске и Славгороде⁴⁴³. Данные

⁴⁴² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 7об.

⁴⁴³ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.). Томск, 2011. С. 122.

предприятия занимались производством кирпича, извести, алебаstra и лесозаготовками.

Производственные ИТУ, как вид исправительно-трудовых учреждений, были характерны для первой половины 1930-х гг. и стали своеобразным прототипом исправительно-трудовых колоний, массово организовывавшихся во второй половине 1930-х гг.

В Рубцовске в 1932 г. на базе ИТУ были начаты работы по строительству алебастрового завода. Строительные работы шли с отставанием от плана, несмотря на полное использование всех контингентов заключенных. Как правило, с началом крупных строек на базе исправительно-трудовых учреждений, любая другая производственная деятельность останавливалась, сворачивалась работа различных мастерских. Алебастровый завод был досрочно запущен Рубцовским ИТУ уже к середине мая 1932 г. В этом же году было завершено строительство общежития для рабочих на 300 человек, подготовлен карьер для разработки алебаstra площадью 7800 кв. м⁴⁴⁴.

В первой половине 1930-х гг. на Алтае тюрьмы преимущественно выполняли функцию временного содержания заключенных на период следствия или для последующей пересылки в другие ИТУ. Основной категорией среди обитателей тюрем были следственные заключенные, а также осужденные на непродолжительные сроки срочные заключенные (как правило, занятые внутренним обслуживанием тюремного хозяйства), кассационные (дождавшиеся пересмотра своего приговора после подачи кассации) и пересыльные заключенные.

Следственные тюрьмы находились в Барнауле (тюрьма № 1), в Бийске (тюрьма № 2), в Камне-на-Оби (тюрьма № 3), в Ойрот-Туре (тюрьма № 4), в Славгороде (тюрьма №5) (с 1937 г.). Общая вместимость алтайских тюрем, по данным за 1935 г., составляла 1120 человек. Самой большой по количеству мест была Барнаулская тюрьма, рассчитанная на 525 чел.

⁴⁴⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 67, 73, 82.

С 1937–1938 гг. на Алтае начинается реорганизация системы исправительно-трудовых учреждений. На базе ряда тюрем создаются исправительно-трудовые колонии различного типа, имевшие свою производственную специализацию. 29 декабря 1937 г. из Барнаульской тюрьмы была выделена в самостоятельную единицу Барнаульская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония⁴⁴⁵. В январе 1938 г. также на базе Барнаульской тюрьмы создается Барнаульская колония массовых работ ОМЗ УНКВД. В 1938 г. из Бийской тюрьмы выделяются Бийский совхоз ОМЗ УНКВД и Бийская ИТК.

Согласно приказу НКВД СССР № 00362 от 9 июня 1938 г., был начат процесс реформирования тюремной системы в стране, в результате которого тюрьмы были выведены из подчинения отдела мест заключения ГУЛАГа и с 1 января 1939 г. составили самостоятельную структуру Главного тюремного управления НКВД СССР⁴⁴⁶.

Исправительно-трудовые колонии делились на четыре вида⁴⁴⁷: фабрично-заводские (ФЗИТК) – для осужденных из «трудовой среды»; сельскохозяйственные (СХИТК) – для осужденных из «трудовой среды» (преимущественно крестьян); массовых работ (КМР) – для осужденных из числа классово-враждебных элементов и преступников рабоче-крестьянского происхождения; осужденных штрафных изоляторов – для злостных рецидивистов, переведенных из колоний за постоянные нарушения режима.

В ИТК, как правило, направлялись мелкие преступники, осужденные на срок до 3-х лет и граждане, в качестве меры наказания отбывающие исправительно-трудовые работы. В ИТЛ отправляли лиц, осужденных на срок от 3-х лет, уголовников-рецидивистов, «политических» заключенных др.

⁴⁴⁵ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 753. Л. 54.

⁴⁴⁶ Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.). Барнаул, 2012. С. 12.

⁴⁴⁷ Малкова Ю.А. Деятельность исправительно-трудовых колоний на территории Алтайского края (1937-1941 гг.) // Мир науки, культуры, образования. № 1(38). 2013. С. 227-229.

Руководство колониями осуществлялось краевыми органами НКВД по принципу территориальной подчиненности и не определялось их отраслевым или производственным назначением, в отличие от лагерных подразделений, которые являлись частью единого экономического комплекса. Непосредственный контроль осуществлялся отделами мест заключения (ОМЗ), позднее переименованными в управление исправительно-трудовых лагерей (УИЛТК) региональное представительство НКВД. Основным принципом, учитывавшимся при создании колоний, была близость к производственному объекту или необходимость его строительства.

Таблица 29

Виды алтайский колоний и их вместимость в 1938 г.

Название колонии	Номерное обозначение	Количество мест
Барнаульская ФЗИТК	ИТК №1	835
Барнаульская КМР	ИТК №2	687
Барнаульская СХИТК	ИТК №3	860
Бийская СХИТК	ИТК №4	1000
Бийская ИТК	ИТК №5	811
Бийская КМР	ИТК №6	501
Всего:		4 694

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 752. Л. 48.

В 1938 г. на Алтае работали колонии различной отраслевой направленности: сельскохозяйственные (в г. Барнауле и г. Бийске), контрагентские колонии, предоставлявшие рабочую силу на строительные, дорожные объекты и лесозаготовки (колонии в Бийске, Барнауле, Ойротии), колонии производственного типа по обработке дерева, изготовлению ширпотреба (трикотажа, текстиля, швейных и шерстяных изделий) и прочих вещей (Барнаул, Бийск, Песьянка).

Однако деятельность колоний напрямую зависела от наличия запроса на рабочую силу заключенных, особенно это относилось к контрагентским колониям, предоставляющим работников различным организациям. Поэтому при завершении строительства объекта или лесоразработки такие колонии ликвидировались. Барнаульская КМР была ликвидирована 4 ноября 1938 г. и все товарно-материальные и имущественные ценности и контингент были

переданы фабрично-заводской колонии г. Барнаула. В 1938 г. также была ликвидирована Бийская КМР (ИТК № 6), она вошла в состав ИТК № 5 г. Бийска⁴⁴⁸.

В 1940 г. в структуру ОИТК входили следующие подразделения: 4 ИТК, 2 районных комендатуры, 12 поселковых комендатур, 32 бюро исправительных работ, 1 база ОИТК, 1 стройка трикотажной фабрики (с собственным производством), 1 детприемник. Кроме трудового контингента из числа заключенных, на предприятиях ОИТК были заняты 618 человек вольнонаемных рабочих. На 1 апреля 1940 г. в колониях Алтайского края содержались 3 855 заключенных, из которых 3 586 чел. – срочно осужденных, 269 – кассационных.

Численность заключенных в ИТК Алтайского края по данным на 1940 г. (4500 чел.) в сравнении с 1939 г. (3932 чел.) увеличилась на 14%. За 1939 г. через бюро исправительных работ прошли 4021 осужденный к ИТР, в 1940 г. на учете значилось 4465 чел. (увеличение за год на 11%), из них были привлечены к отбыванию наказания 4133 чел. (92,6%)⁴⁴⁹. Таким образом, наряду с увеличением контингента мест общего заключения наблюдалась тенденция к росту числа лиц, привлеченных к отбыванию наказания в бюро исправительно-трудовых работ.

В 1929 г. бывшие концлагеря были переименованы в исправительно-трудовые лагеря. В этом же году после выхода постановления «Об использовании труда уголовно-заключенных» была образована система СибУЛОНа – Управление Сибирских лагерей особого назначения. На базе лагерей СибУЛОНа в 1931 г. возник Сиблаг, основная часть которого сосредотачивалась на территории Кузбасса. В этом же году в ведение Сиблага были переданы все спецпоселения Западно-Сибирского края. Лагерные отделения составляли основную единицу лагерного комплекса, некоторые отделения имели лагерные пункты, которые располагались

⁴⁴⁸ Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.)... С. 18.

⁴⁴⁹ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 3-3об.

непосредственно на месте проведения работ. Поскольку объекты дорожного строительства или лесозаготовок требовали мобильности, то отделения часто ликвидировались и реорганизовались. Согласно постановлению о создании и строительстве лагерей ОГПУ, основным контингентом для лагерей должны были стать лица со сроком от 3-х лет лишения свободы, физически пригодные к тяжелому труду.

Отделения Сиблага на территории Алтая начали формироваться во второй половине 1931 г. В конце июля в Верхне-Обском районе была организована Боровлянская отдельная группа с резиденцией на станции Соколинская (разъезд с. Гордеево, Бийской ветки Алтайской ж/д). А уже 1 сентября 1931 г. было организовано Верхне-Обское отделение Сиблага в составе Боровлянской (Сорокинский район) и Песьяновской (Троицкий район) групп⁴⁵⁰. Верхне-Обское отделение специализировалось на заготовке леса.

В ходе разукрупнения лесозаготовительных работ Песьяновская группа Верхне-Обского отделения с 1 декабря 1932 г. была выделена в самостоятельное 4-е Песьяновское отделение (лагерь) со штатом 40 человек⁴⁵¹. Контингент заключенных в лагере составлял 11 000 человек, использование труда которых осуществлялось по трем направлениям: строительство, горные работы и производство ширпотреба для нужд Сиблага и Бамлага.

С 1 февраля 1932 г. из 3-ого Верхне-Обского отделения был выделен Чемальский лагерный пункт со штатом 53 человека⁴⁵². Преобразование и реформирование отделений Сиблага происходило довольно часто из-за необходимости регулярного перераспределения контингентов в производственных целях. 15 августа 1933 г. 3-е Верхне-Обское и 4-е Песьяновское отделения были реорганизованы и введены в действие как отдельные Песьяновский и Боровлянский лагерные пункты. Однако в январе

⁴⁵⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 255.

⁴⁵¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5. Л. 261; Д.8. Л. 381-382.

⁴⁵² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

1934 г. эти лагерные пункты были полностью ликвидированы в связи с окончанием производственных работ. Часть контингентов была переброшена в отделения и ОЛП Сиблага (около 300 чел.), стационарные больные, слабосильные, инвалиды переправлены в Новосибирск, остальные заключенные направлены в Чистюньский ОЛП⁴⁵³.

Существовавшая непродолжительное время в г. Бийске колония массовых работ 19 июля 1936 г. была реорганизована в отдельный Чуйский лагерный пункт, который вел работы по строительству Чуйского тракта⁴⁵⁴. В мае 1937 г. штат лагерного пункта был переведен на погранзаставу Ташанта для организации строительства нового участка тракта с контингентом 2 000 чел.⁴⁵⁵

С 1 августа 1938 г. были ликвидированы 5 колонн Бийского ЛП, в оставшихся 10 колоннах было проведено перераспределение контингентов в зависимости от характера уголовной деятельности («бытовики», рецидивисты, спецучетники, контрреволюционные преступления и пр.)⁴⁵⁶. Женский контингент был выведен из состава лагерного пункта и переправлен в сельскохозяйственное Чистюньское отделение Сиблага.

К концу 1938 г. Бийское отделение вынуждено было ликвидироваться полностью, поскольку главный договор на предоставление рабочей силы крупной организации «Запсибтранслес» был закончен, в связи с чем весь контингент лагеря оказался «неликвидным»⁴⁵⁷. Положение контрагентских отделений в системе Сиблага было самым неустойчивым, поскольку они не имели собственной материально-производственной базы, их существование полностью зависело от наличия заказа на предоставление рабочей силы, выполняя при этом роль посредника. Поэтому решение об организации контрагентских колоний, лагерных пунктов и отделений для удовлетворения

⁴⁵³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 26.

⁴⁵⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 233. Л. 268.

⁴⁵⁵ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 249. Л. 97-98.

⁴⁵⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Л. 113-114.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 242.

потребностей в рабочей силе в районах крупных строек и лесозаготовительных работ было обусловлено необходимостью выполнения срочных задач без учета рентабельности мероприятия, включавшего расходы на переброску и содержание контингентов и кадрового состава, обеспечение минимальной материальной базы и последующую ликвидацию.

20 июня 1933 г. в Чистюньском районе на правах отдельного лагерного пункта был организован «Чистюньский совхоз Сиблага ОГПУ» (или 8-й Чистюньский ОЛП), находившийся в управлении Новосибирского областного УВД до 1942 г.⁴⁵⁸ Специализация лагерного пункта была связана с сельскохозяйственной деятельностью (животноводство, выращивание с/х культур). На базе совхоза планировалось создание крупного хозяйства, которое должно было поставлять государству дешевое зерно, молоко и мясо.

Чистюньский ОЛП был расположен на территории не менее 40 тыс. га и насчитывал 6 лагерных пунктов⁴⁵⁹. До середины 1930-х г. количество заключенных в лагере не превышало 700–750 человек⁴⁶⁰. Через год после организации Чистюньского ОЛП животноводческое хозяйство укрупнилось, количество подразделений увеличилось, они располагались друг от друга отдаленно по территории комплекса, поэтому в июне 1934 г. было принято решение для повышения эффективности управления реорганизовать ОЛП в 8-е Чистюньское отделение.

Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 г. Сиблаг ОГПУ был переименован в Сиблаг НКВД и ведомство перешло в подчинение НКВД⁴⁶¹.

В следствие ужесточения репрессивной политики государства, набравшей обороты в течение 1930-х гг. и достигшей наивысшей точки в период Большого террора, число заключенных лагерных отделений постоянно увеличивалось. Согласно статистике, опубликованной В.Н. Земсковым, в период с 1934 по 1937 г. контингент колоний и лагерей

⁴⁵⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 165.

⁴⁵⁹ Анашкин А.П., Новоселова Т.В. Чистюньский лагерь Сиблага на территории Алтая // Актуальные вопросы отечественной истории. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 207.

⁴⁶⁰ Там же. С. 208.

⁴⁶¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

ГУЛАГа увеличился более чем в 2 раза и в 1937 г. достигал практически 1,2 млн чел. В годы Большого террора тенденция по увеличению количества заключенных усилилась, число «узников ГУЛАГа» в 1938 г. относительно предыдущего года выросло на 685 тыс. чел. (на 57%)⁴⁶².

Пополнению контингента ИТЛ способствовало постановление СНК 1939 г., разрешавшее НКВД перевод в лагеря из колоний лиц, осужденных на срок до 2 лет. По оценкам исследователей, в 1940 г. наблюдался очередной виток репрессий: 560 тыс. заключенных дополнили тюрьмы, лагеря и колонии. Всего накануне войны за ГУЛАГом числилось 3,35 млн человек, осужденных на различные сроки⁴⁶³.

Количество заключенных Чистюньского отделения Сиблага в мае 1941 г. составляло 2 877 чел., с момента его организации в 1933 г. и до конца исследуемого нами периода численность контингента увеличилась примерно в 4 раза⁴⁶⁴.

Вследствие проведения политики раскулачивания и выселения крестьянского населения формировалась сеть спецпоселений НКВД, контингент которых также являлся экономическим ресурсом системы принудительного труда. В конце 1940 г. в 20 спецпоселках Алтайского края находились 1 270 семей спецпоселенцев общим количеством – 6 171 чел., т.е. порядка 3 тыс. чел. трудоспособного населения. Спецпоселенцы Алтайского края преимущественно использовались на сельскохозяйственных работах по обработке полей сахарной свеклы, зерновых культур⁴⁶⁵.

Таким образом, в течение 1930-х гг. на Алтае сформировалась система исправительно-трудовых учреждений, в том числе было организовано отделение Сиблага. Структура данной системы была достаточно подвижной: колонии и отделения регулярно реформируются, ликвидируются и

⁴⁶² Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11.

⁴⁶³ Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы. // Отечественная история 1997. № 4. С. 55; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 8.

⁴⁶⁴ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941 гг. Новосибирск. 1997. С. 134-135.

⁴⁶⁵ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 43.

вновь создавались в новых местах в зависимости от экономической целесообразности использования труда заключенных в том или ином месте.

В целом в 1940 г. в Алтайском крае контингент, составлявший источник «принудительного труда», включая БИР (4500 чел.), ИТК (4500 чел.), спецпоселения (3 тыс. трудоспособных) и ИТЛ (3 тыс. чел.), насчитывал порядка 15 тыс. чел.

Колонии и лагерные отделения, имели четкую отраслевую специализацию и выполняли задачи по созданию экономических объектов, их обслуживанию, производству промышленной или сельскохозяйственной продукции. Исправительно-трудовые учреждения на Алтае специализировались на обслуживании предприятий легкой промышленности (трикотажная фабрика, цеха по производству товаров широкого потребления, обработке дерева), производстве сельскохозяйственной продукции, строительстве различных промышленных объектов и лесоразработках. Функционирование контрагентских колоний и лагерных отделений, предоставляющих в качестве посредника рабочую силу заключенных различным сторонним организациям, как правило, для строительства или лесозаготовки, в данной системе было самым непродолжительным. Практика существования «ИТУ-контрагентов» в 1930-е гг., наглядно демонстрирует приоритет экономических задач, важность самокупаемости и эффективного использования трудовых ресурсов заключенных в пенитенциарной системе.

Масштаб поставленных государством задач по развитию индустриального сектора страны и освоению региона способствовал разрастанию сети лагерных отделений и ИТК по всей территории Сибири, а также постоянному увеличению контингента заключенных в них.

3.2. Трудовое использование заключенных

Постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11 июля 1929 г., не только утвердило существование двух параллельно существующих структур мест лишения свободы в компетенции ОГПУ (ИТЛ) и республиканских НКВД (ИТК, колонии-спецпоселения), но и положило начало рационализации использования трудовых ресурсов заключенных в достижении производственно-экономических и хозяйственных задач, поставленных руководством страны. Содержание мест заключения в прежнем виде стало экономически невыгодным, новая пенитенциарная система должна была стать полностью самокупаемой.

Исправительно-трудовые учреждения на Алтае, представленные тюрьмами, колониями и лагерными отделениями, имели различную производственную специализацию, которая как правило зависела от заложенной инфраструктуры пенитенциарной системы прошлых лет, природно-климатических особенностей региона, позволяющих заниматься сельским хозяйством.

Тюремный контингент использовался как источник рабочей силы для ряда производственных предприятий и цехов. Во второй половине 1930-х гг. главным производственным объектом для использования трудовых ресурсов заключенных Барнаульской тюрьмы, из которой в 1938 г. были выделены Барнаульская колония массовых работ (ИТК № 2) и ИТК фабрично-заводского типа (ИТК № 1), являлось строительство трикотажной фабрики, длившееся до конца 1941 года. Несмотря на то, что строительство фабрики осуществлялось с существенным отставанием от плана, выпуск первой продукции (при продолжающемся строительстве) был произведен 2 июня 1937 г.⁴⁶⁶

Важную роль в производстве Барнаульской тюрьмы занимал пимокатный цех, поскольку его продукция была незаменима в гардеробе

⁴⁶⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 30. Л. 9–10.

заклученных Сиблага. Кроме пимокатного цеха производством валенок в этот период занимался только льняной завод Мариинского отделения Сиблага. Нормы выработки для этих двух организаций составляли: 120 пар в сутки для Барнаульской тюрьмы, 80 пар в сутки для Мариинского льняного завода. До наступления холодов силами этих двух организаций должны были восполняться зимней обувью фонды всех подразделений Сиблага.

Колония массовых работ (ИТК № 2) в Барнауле предоставляла рабочую силу для овчинно-шубного, кожевенного заводов и меланжевого комбината. В феврале 1936 г. филиал колонии на меланжевом комбинате в связи с окончанием договора по строительству комбината был ликвидирован, в скором времени и сама колония также была реформирована⁴⁶⁷.

Основная часть подопечных Барнаульской фабрично-заводской ИТК №1 была занята на обслуживании трикотажной фабрики, которая начала свою работу с июня 1937 г. Колония занималась переработкой ткацких угаров и отходов пряжи Барнаульского меланжевого комбината. Фабрично-заводская колония объединяла производство трикотажной фабрики, валяльного цеха, а также арендованного перемоточного цеха, который находился на территории меланжевого комбината. Стоит отметить, что в перемоточном цеху работали только вольнонаемные служащие, около 350 человек. Администрации ФЗИТК г. Барнаула удавалось привлечь к трудовой деятельности 76% от своего контингента. Это был довольно высокий показатель для исправительно-трудовых учреждений (так, в Бийском совхозе НКВД во время уборки урожая 1938 г. он колебался на уровне 26–38%⁴⁶⁸), но тем не менее не достигал установленной нормы – 87,2% от общего числа заключенных⁴⁶⁹.

Отчетные данные за 1937 г. свидетельствуют о наращивании в течение года производственной мощности предприятий Барнаульской ФЗИТК (табл. 30).

⁴⁶⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 232. Л. 222.

⁴⁶⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 753. Л. 38.

⁴⁶⁹ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 752. Л. 39об.

**Производственные показатели предприятий Барнаульской ФЗИТК
за 1937 г.**

Название предприятия	I квартал 1937 г.	II квартал 1937 г.	III квартал 1937 г.	IV квартал 1937 г.	За год
Трикотажная фабрика (реализовано продукции на сумму)	-	-	334 тыс. руб.	524 тыс. руб.	Более 858 тыс. руб.
Пимокатный цех (количество произведенных пар)	В течение I–III квартала было произведено около 10 000 пар			10 291	20 500

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 752. Л. 4об.

На трикотажной фабрике велся очень строгий учет использования заключенными-работниками сырья: оценивался размер кусков текстиля, отнесенного к отходам. За порчу сырья и выпуск бракованной продукции с виновных в убытках, взыскивали средства в соответствии с суммой нанесенного ущерба.

Текстильные изделия Барнаульской ФЗИТК были представлены на краевой выставке товаров широкого потребления в 1938 г. ИТК презентовала свои трикотажные, швейные, текстильные и сапожные товары для демонстрации производственной деятельности предприятия и увеличения сбыта продукции.

Борьба за выполнение производственных показателей на трикотажной фабрике велась по трем направлениям: количественный и качественный план, а также снижение себестоимости. В течение 1938 г. план по предприятиям Барнаульской ФЗИТК выполнялся неравномерно: производственные показатели трикотажной фабрики, как правило, были выше установленной нормы, валяльный, перемоточный и образованные во второй половине 1938 г., в связи с установленным ГУЛАГом дополнительным планом по производству ширпотреба, пошивочный и ткацкие цеха ФЗИТК – регулярно не справлялись с производственными задачами. Основные причины отставания были внешними – несвоевременные поставки сырья меланжевым комбинатом.

Открытие дополнительных цехов при ФЗИТК способствовало большему вовлечению женщин-заключенных в производственную деятельность. Более половины всего женского контингента были заняты именно на производстве трикотажной фабрики в ФЗИТК г. Барнаула. Барнаульская ФЗИТК также имела высокий процент (более 50%) по вовлечению в трудовую жизнь женщин-рецидивисток, которые, как правило, неохотно адаптировались к режиму в колониях и являлись частыми нарушителями трудовой дисциплины⁴⁷⁰.

Производственные показатели трикотажной фабрики стабильно находились на высоком уровне: например, товарный план 1939 г. был выполнен уже к 1 октября на 100,5%⁴⁷¹. Ассортимент продукции, производимой трикотажной фабрикой при ИТК № 1, был представлен изделиями из трикотажа, верхней одеждой, бельем, чулочно-носочными изделиями, гетрами, х/б тканью. Сбои в трикотажном секторе возникали главным образом в связи с невыполнением плана по производству бельевого трикотажа и чулочно-носочных изделий. Перебои с поставками нужной для этого вида изделий пряжи, низкая квалификация некоторых рабочих и отсутствие запчастей для станков в случае поломки приводили к снижению общих производственных показателей.

Производственные цехи при других ИТК, деятельность которых также была завязана на своевременном поступлении сырья (швейные, валяльные, деревоперерабатывающие), периодически простаивали из-за серьезных задержек с поставками. Регулярные перебои с электричеством полностью останавливали работу в валяльных цехах, оборудованных автоматизированными станками.

Реализация готовой продукции ИТК осуществлялась через базу сбыта в г. Барнауле, которая получала изделия по фабрично-заводским ценам (по себестоимости), а продавала по оптово-отпускным ценам. Кроме

⁴⁷⁰ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Л. 57.

⁴⁷¹ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 754. Л. 114.

производственных планов для колоний устанавливался план по сбыту готовой продукции. Выполнение необходимого объема продаж, по данным на 1940 г., было осуществлено только на 78%. Руководство колоний объясняло отставание излишне завышенными плановыми показателями, которые сверху спускал ГУЛАГ⁴⁷².

В 1940–1941 гг. не все цеха ФЗИТК справились с выполнением производственного плана. В отдельных отраслях план по выпуску готовой продукции был выполнен сверх нормы, благодаря предприятиям и оборудованию ИТК, эвакуированным в связи с началом Великой Отечественной войны (в частности, швейному оборудованию Стародубской колонии) и притоку новой рабочей силы. Объемы произведенной продукции в 1941 г. в этих цехах были выше на 13,5% в сравнении с предыдущим годом, как и показатели сбыта, которые увеличивались в связи с ростом потребностей в производимой продукции для нужд фронта⁴⁷³. По таким отраслям легкой промышленности, как швейная, трикотажная, текстильная годовая программа была выполнена и перевыполнена еще за месяц до окончания года. Отставание по плановым показателям наблюдались в валяльном производстве, деревопереработке, лесозаготовках и мебельном цехе. Главными причинами были перебои с сырьем и электроэнергией, нехватка транспортных средств и ГСМ, недостаточное количество мастеров в производственных цехах, низкая квалификация кадров, неумелая организаторская работа руководства колоний. Годовой план по производству мебели был выполнен только на 5% из-за отсутствия сырья, в итоге план был снят. Однако общий годовой промышленный план по предприятиям ОИТК УНКВД по Алтайскому краю за 1941 г. был выполнен на 103,4%.

⁴⁷² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 8 об.

⁴⁷³ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 4-5.

За успешное выполнение не только общего, но и индивидуального плана заключенные колоний получали премии, как правило квартальные, в размере от 15 до 100 руб.⁴⁷⁴

Данные о количестве заключенных в колониях Алтайского края с распределением по группам трудовой пригодности, позволяют установить характер трудоустройства заключенных ИТК и соотношение в распределении трудовых ресурсов колоний по различным видам производств (табл. 31).

Таблица 31

Общий контингент заключенных и их трудовое использование по ОИТК Алтайского края в 1940 г.

	Число заключенных	ИТК №1	ИТК №2	ИТК №3	ИТК №4	ИТК №5	ИТК №6
Группа «А» ⁴⁷⁵							
На производстве:							
В промышленности	1866	866	459	102	163	276	-
В сельском хозяйстве	337	-	-	337	-	-	-
На собственном строительстве	151	12	120	19	-	-	-
На подсобном хозяйстве	36	3	8	-	2	23	-
На контрагентских работах	1180	-	250	-	150	354	426
Итого:	3570	881	837	458	315	653	426
%	85%						
Группа «Б»							
На хозобслуге:							
В промышленности	219	102	54	12	19	32	-
В с/х	40	-	-	40	-	-	-
На собственном строительстве	17	1	14	2			
На подсобном хозяйстве	5	1	1	-	-	3	-
На контрагентских работах	139	-	29	-	18	42	50
Итого:	420	104	98	54	37	77	50
%	10%						
Группа «В»							
Неработающие	210	52	49	27	19	38	25
%	5%						

⁴⁷⁴ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 753. Л. 57.

⁴⁷⁵ Группа «А» – способные к физическому труду, «Б» – легкий физический труд, «В» – инвалиды, «Г» – отказники уголовники-рецидивисты.

Продолжение таблицы

	Число заключенных	ИТК №1	ИТК №2	ИТК №3	ИТК №4	ИТК №5	ИТК №6
Инвалиды непригодные к труду	300	-	40	138	22	100	-
Итого	510	52	89	165	41	138	25
Всего з/к по ОИТК	4500	1037	1024	677	393	868	501

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 163.

Самые большие по численности контингента в Алтайском крае были колонии № 1, № 2 в г. Барнауле и колония № 5 в г. Бийске, в них содержалось соответственно 23,1%, 22,8% и 19,3% заключенных (в совокупности 65,2% всех заключенных в крае).

Как видно из данных таблицы 31, самую значительную категорию среди контингента колоний составляли заключенные, занятые на производственных работах (группа «А») – 79,4%, хозяйственная обслуга (группа «Б») составляла 9,3%, неработающие з/к (группа «В») – 11,3%. Большинство заключенных производственной группы использовалось на работе на промышленных предприятиях – 52,3%, вторая по размерам группа была занята на контрагентских работах – 33,1%, в сельском хозяйстве – 9,4%, на собственном строительстве – 4,2% заключенных колоний. Таким образом, наибольшая часть работающего контингента колоний использовалась в промышленном секторе, что соответствовало задачам индустриального развития, стоявшим перед страной.

Большая часть контингента ИТК (около 66%) размещалась в колониях промышленного типа, к которым относились: промколония ИТК № 1 в г. Барнауле (занималась трикотажным производством); промколония ИТК № 2 г. Барнаула (имела пошивочный цех по изготовлению одеял и других изделий); промколония ИТК № 5 в с. Песьянка Троицкого района (выпускала тарную дощечку); промколония в г. Бийске ИТК № 5 (производила одеяла и бочкотару) и две лесозаготовительные и деревоперерабатывающие промколонии в Ойротской АО. Сельскохозяйственная колония г. Барнаула

ИТК № 3, по данным на 1940 г., насчитывала 923 заключенных. Точных сведений относительно Бийской СХ ИТК (№ 4) нам найти не удалось, однако к 1940 г. за № 4 в документах значилась одна из контрагентских колоний, поэтому вероятнее всего СХИТК г. Бийска объединилась с другой колонией, что было частым явлением, или ее контингент и имущество были переданы Чистюньскому отделению Сиблага в соответствии с его с/х профилем.

Остальные колонии не имели определенной специализации, их заключенные были заняты на различных работах по контрагентским договорам: часть контингента ИТК № 2 строила административные здания НКВД, ИТК № 4 работали на «Текстильстрое», контингент ИТК № 5 был занят на дорожном строительстве, хозяйственных работах сахарного завода⁴⁷⁶.

Эффективность работы промколоний зависела от наличия и качества оборудования, профессиональности кадров, своевременного снабжения сырьем, электроэнергией. На ряде предприятий (завод по выработке тарной дощечки в Песьянке и др.) станки были примитивными и нуждались в обновлении, механизированное оборудование на ИТК № 1 и ИТК № 5 устарело и требовало ремонта. На производстве не хватало заключенных, имевших навыки специальностей мастеров-чулочников, фанговщиков, закройщиков, мастеров мотальных, котельных машин и машин оверлога⁴⁷⁷.

ИТК № 4 к 1941 г. насчитывала 2 207 человек, которые были задействованы на строительстве Текстильного завода⁴⁷⁸. Практика контрагентских договоров и работ с участием заключенных, как правило, не давала высоких производственных результатов по целому ряду причин. Использование рабочей силы колонии на объектах было несистематизированным, договор нарушался с обеих сторон. Колонии не исполняли заявки на предоставление необходимого контингента. Заказчики допускали простои, не обеспечивали необходимыми инструментами,

⁴⁷⁶ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 33.

⁴⁷⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 38.

спецодеждой, не организовывали своевременный подвоз питания в полном объеме, из-за чего часть рабочих должна была идти на обед за 3 км к месту расположения ИТК № 4, обед мог длиться от 3 до 4 часов⁴⁷⁹.

Выплаты за использование труда заключенных контрагентом в лучшем случае задерживались или производились не в полном объеме, в худшем случае отсутствовали. По договору «Текстильстрой» должен был обеспечивать заключенных контрагентской ИТК № 4 по нормам ГУЛАГа жилыми помещениями и баней, однако обязательства не были выполнены. Заключенные ИТК № 4, численность которых к началу 1941 г. составляла около 2 500 чел., проживали в антисанитарных условиях, около 50 человек не были обеспечены вещественным довольствием⁴⁸⁰.

Уже к концу 1941 г. 6 из 10 колоний ОИТК УНКВД Алтайского края были контрагентскими, но в связи со значительным превышением лимита в остальных четырех промколониях, они также имели соглашения на поставку рабочей силы различным объектам, поэтому фактически все колонии в крае занимались контрагентскими работами⁴⁸¹. Полномасштабное трудоиспользование заключенных сдерживалось дефицитом обеспечения их верхней одеждой. По алтайским местам заключения в октябре 1938 г. из-за отсутствия одежды не выходили на работу около 3 тыс. заключенных, в зимние месяцы эти показатели только увеличивались.

Таблица 32

Количество заключенных по ОМЗ Алтайского края, не выходявших на работу из-за отсутствия одежды (октябрь 1938 г.)

Название ОМЗ	Кол-во заключенных
Тюрьма №1 (г. Барнаул ИТК №2)	1 301
Барнаульский совхоз (ИТК №3)	1 023
Барнаульская ФЗИТК (ИТК №1)	400
Бийская КМР (ИТК №6)	199
Бийский совхоз (ИТК №4)	64
Всего:	2 987

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д 753. Л. 50.

⁴⁷⁹ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 3.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 4.

⁴⁸¹ Там же. Л.37.

По данным на 1939 г., в колониях размещались 3932 чел., если допустить, что в 1938 г. среднесписочный состав заключенных находился на том же уровне, то, следовательно, в течение октября 1938 г. не выходили на работу 3/4 всего контингента.

Для обеспечения заключенных теплыми вещами были позволены неограниченные передачи и посылки одежды от родственников. Однако даже, если заключенный имел собственную одежду, он не спешил отказываться от казенной, перестраховываясь из-за нестабильности обеспечения вещевым довольствием. Лишнюю одежду всегда можно было обменять на что-то полезное – еду или папиросы. К 1940 г. благодаря развитию собственного текстильного производства (ФЗИТК г. Барнаула) заключенные были обеспечены портянками, полупальто, шалями. Однако вещевые фонды быстро изнашивались, поступали новые заключенные, в связи с чем акт о перераспределении вещевого довольствия по ОИТК УНКВД предписывал зимой 1941 г. в неограниченном количестве принимать передачи и посылки теплых вещей для заключенных, изымая при этом у них казенное обмундирование. Также теплую одежду и обувь с заключенных, работающих в теплых помещениях и конторах, необходимо было снять⁴⁸². Постоянные расходы на пополнение вещевых фондов, быстрое обветшание одежды в силу специфики нахождения контингента в местах заключения, приводили к постоянной нехватке вещевого довольствия и значительным тратам по данной статье расхода.

В ряде случаев профессиональные уголовники намеренно прятали свою одежду, чтобы не выходить на работу. Злостные прогульщики симулировали болезни, во время рабочего дня они играли в карты с сокамерниками, по разным причинам не привлеченным к работе. Недовольство в отношении симулянтов выражалось не только со стороны администрации колоний, но и заключенных, не уклонявшихся от работ, поскольку фактически они вынуждены были кормить тунеядцев.

⁴⁸² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 788. Л. 49.

Вводились ограничения на перекуры во время работы, поскольку заключенным было свойственно просиживать работу под видом курения. В результате перерыв на перекур был разрешен только по распоряжению бригадира не чаще одного раза в 1,5-2 часа и продолжительностью не более 5 минут.

В качестве меры наказания для отказников и опаздывающих на работу применялось заключение в карцер. Ответственность за мобилизацию заключенных на работу лежала на культурно-воспитательной части администрации колонии, сотрудники которой должны были с помощью лекций и разъяснительных бесед повышать трудовую дисциплину.

Чтобы повысить заинтересованность заключенных в добросовестном труде, кроме материальных поощрений, хорошим работникам предоставлялись и некоторые другие бонусы. Ударникам разрешались дополнительные свидания, кроме осужденных по ст. 58 УК, и возможность иметь при себе личные деньги в сумме не более 30 руб.⁴⁸³

Однако механизмы контроля за различными видами деятельности заключенных имели существенные недостатки, которые приводили к ухудшению качества жизни арестантов и снижению производственных показателей на режимных объектах. К примеру, в результате проверки мест заключения начальником ОМЗ по Алтайскому краю лейтенантом госбезопасности Жучковым осенью 1938 г. было установлено, что пища выдается заключенным бесконтрольно, т.е. один человек мог получить 2–3 обеда вне зависимости от его трудового статуса. Работники хозяйственной части, занятые кипячением воды для чая, продавали кипятки для стирки и мытья, из-за чего чая не хватало для всех заключенных⁴⁸⁴. Попытки контролировать выдачу горячей пищи были предприняты путем введения специальных жетонов, которые позволяли получать еду. Жетоны должны

⁴⁸³ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 787. Л. 6.

⁴⁸⁴ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 753. Л.50.

были выдаваться заключенным на производстве, пропустившие работу по уважительной причине получали жетоны на обед от дежурных.

Значение лагерных отделений ГУЛАГа в реализации стратегии использования труда заключенных несомненно было более весомым, чем роль хозяйственных комплексов и производств ИТК. Исправительно-трудовые лагеря были крупными объектами с контингентом в несколько тысяч заключенных, имели определенную специализацию, как правило обусловленную необходимостью строительства крупных промышленных объектов или путей сообщения, наличием природных ресурсов (уголь, лес), климатическими условиями (отделения сельскохозяйственного сектора) в том или ином регионе страны.

Весь лагерный контингент распределялся по категориям в зависимости от трудоспособности: заключенные, отнесенные к I и II категории, использовались в полную силу, III категории – задействовались на более легких работах, для несовершеннолетних (до 16 лет) устанавливался 4-х часовой рабочий день, для подростков от 16 до 18 лет – 6-ти часовой рабочий день. На сезонных работах при удлинённом рабочем дне в 10 или 12 часов, малолетние заключенные трудились от 6 до 8 часов, подростки – от 8 до 10 часов⁴⁸⁵.

Согласно постановлению о создании и строительстве лагерей ОГПУ, основным контингентом для лагерей должны были стать лица со сроком от 3-х лет лишения свободы, физически пригодные к тяжелому труду. Однако в процессе нахождения заключенных в лагерях их физическое состояние и здоровье, как правило, ухудшалось. Для использования рабочей силы с ограниченными физическими данными в отделениях Сиблага формировались команды слабосильных заключенных. В число слабосильных на основе медицинского освидетельствования включали заключенных, перенесших длительные болезни, истощенных, малокровных, людей с хроническими болезнями, физически ослабленных от тяжелой работы, которые должны

⁴⁸⁵ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 168.

были восстанавливаться в щадящем трудовом режиме в течение 1–1,5 месяцев⁴⁸⁶. Наличие слабосильного контингента для лагерных отделений было крайне нежелательным фактором, снижающим потенциал отделения в выполнении плана, поэтому начальники отделений перебрасывали эти трудовые кадры в другие лагеря, несмотря на запреты главного управления. Во второй половине 1930-х гг. происходило регулярное перераспределение людских ресурсов: лесные, строительные и промышленные лагеря «очищались» от слабосильного контингента, который сосредотачивался преимущественно в сельскохозяйственных лагерных отделениях. С другой стороны, руководство лагерей в ряде случаев искусственно завышало количество слабосильного контингента, чтобы списать перерасход продуктов на завышенные нормы питания, положенные слабосильным.

20 августа 1938 г. вышел приказ управления Сиблага НКВД «Об использовании труда женщин», который предполагал перераспределение рабсилы Сиблага по следующему принципу: контингент сельскохозяйственных ИТЛ должен был формироваться за счет заключенных-женщин, а на этапы дальнего следования (промышленные предприятия) необходимо было направлять мужчин⁴⁸⁷. Кроме попытки рационализировать использование рабочей силы в ИТЛ Сиблага, причиной появления данного постановления была постоянно укрупняющаяся производственная база лагерей, которая требовала регулярного притока новых рабочих ресурсов взамен умершим и освобожденным заключенным.

В 1930-е гг. в лагерях ОГПУ в трудовую жизнь заключенных активно внедрялась система ударничества как стимул для выполнения плановых показателей. Заключенные, перевыполнившие трудовые нормы, получали усиленное питание, двойной зачет трудодней и прочие привилегии. Зачет трудодней предполагал возможность значительно сократить фактический срок заключения на количество зачтенных дней. Согласно циркуляру

⁴⁸⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 25-28.

⁴⁸⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Л. 100.

ГУЛАГа НКВД № 412/ГУЛАГ от 22 ноября 1931 г., был объявлен список отделений и ОЛП, которым предоставлялась разная степень самостоятельности в зачете трудовых дней заключенным⁴⁸⁸. В этом отношении лагеря делились на два типа: 1) получившие право самостоятельно принимать решение о зачете рабочих дней, – среди них в Западно-Сибирском крае были 8 лагерных пунктов, в том числе Бийский ЛП); 2) имевшие право только давать рекомендации о зачете заключенным трудодней при оставлении окончательного решения за ЦАК Управления, к ним относились: Чистюньский ЛП (из алтайских ЛП)⁴⁸⁹.

Несмотря на то, что система трудодней являлась основной системой мотивации труда заключенных, поскольку давала возможность получить досрочное освобождение, на практике она имела существенные недостатки. Прежде всего, учет трудодней на отдельных участках или в отделениях велся не систематически, что сводило на нет заинтересованность заключенных в высокоэффективном труде. Регулярные нарушения по учету трудодней заключенных отмечались по результатам проверок в Чистюньском отделении Сиблага. В лагерном пункте с. Ворошиловка заключенные, работающие на ферме, жаловались на неправильную выплату премий, в лагерном пункте с. Топчиха был утерян бланк учета рабочих дней заключенных⁴⁹⁰.

Несмотря на то, что стимулирование труда заключенных было важной задачей в ведомстве ГУЛАГа, с 1939 г. зачет трудодней был строго запрещен приказом Л.П. Берии вплоть до 1950 г.⁴⁹¹ К изменению порядка привела речь И.В. Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25 августа 1938 г.: «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? <...> Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе — награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с

⁴⁸⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 3-4.

⁴⁹¹ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 76.

уголовниками и пойдут по старой дорожке. <...> Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? – чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать⁴⁹². Лагерное руководство добивалось восстановления системы зачетов, поскольку несмотря на недостатки, это был самый эффективный способ поощрения и мотивации заключенных. Ударная работа, кроме возможности досрочного освобождения, давала заключенным некоторые привилегии еще во время отбывания срока наказания. Лагерный режим предусматривал для заключенных право на свидание с прямыми родственниками (жена, муж, братья и т.д.) один раз в месяц продолжительностью не более 2-х часов, к заключенным-ударникам посетители могли приходиться 5 раз в месяц на 3-часовое свидание⁴⁹³.

В течение первого года работы Верхне-Обского отделения Сиблага плановые показатели по лесозаготовкам постоянно не выполнялись. Руководство колонии относилось отставание на счет нехватки заключенных. К ноябрю 1932 г. предполагалось довести численность заключенных Верхне-Обского лагерного пункта до 8 500 человек, а к концу года – до 11 000 человек для покрытия потребностей в рабочей силе на лесозаготовках⁴⁹⁴.

Показатели производительности колонии по заготовке леса существенно зависели от наличия достаточного количества лошадей. В первые годы работы отделение не было обеспечено в нужной степени тягловой силой. Регулярная изнурительная работа за несколько месяцев истощала лошадь и делала непригодной к дальнейшей работе. Руководство Сиблага, в силу высокой смертности и постоянной нехватки конского поголовья, организовало трехмесячную (с ноября 1933 г. по январь 1934 г.) эстафету «За коня», целью которой было улучшение ухода, условий содержания и кормления лошадей⁴⁹⁵.

⁴⁹² Бородин Л.И. Ударники из «социально-опасных»: стимулирование лагерного труда в 1930-х гг.// Экономическая история. Обозрение. / Под ред. Л.И. Бородин. Вып. 11. М., 2005. С. 135-136.

⁴⁹³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Л. 187.

⁴⁹⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 254.

⁴⁹⁵ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 179-179об.

Среди прочих факторов, на производительность отделений Сиблага оказывал влияние уровень заболеваемости лагерного контингента. В летнее время в лагерях учащались случаи массовых эпидемий брюшного тифа, малярии и других заболеваний. В жару для заключенных, занятых на строительных и земляных работах, устанавливался особый график, чтобы не допускать истощения и заболевания рабочих и не снижать производственную эффективность: начало работы в 5.00 утра, перерыв на обед – с 11.00 до 16.00 часов, вечерние работы – с 16.00 до 22.00 часов.

В ряде случаев заболевания среди заключенных имели также симулятивный или членовредительский характер. В 1933 г. в акте по результатам обследования отделений отмечалось увеличение числа «искусственных» заболеваний среди заключенных Сиблага, вызванных намеренными отравлениями дикорастущими растениями. Участились случаи «саморубов», искусственного выпадения прямой кишки, желудочно-кишечного расстройства. Заболевания давали заключенным возможность получить отстранение от тяжелых физических работ, что в условиях лагерей существенно облегчало им жизнь. Распространению фактов членовредительства также способствовали существовавшие в практике лагерей прецеденты досрочного освобождения из-за болезни, несмотря на то, что постановление «О порядке предоставления льгот лагерникам» не предусматривало активирования инвалидов⁴⁹⁶. Право на досрочное освобождение заключенные могли получить только в результате усиленного «ударного труда и активного участия в культурной и общественной работе».

Труд в лагерных отделениях сельскохозяйственного сектора считался физически более легким, что создавало возможности привлечения к работе в них слабосильного и женского контингента.

С организацией в 1932 г. Чистюньского сельскохозяйственного отделения основными направлениями для трудового использования лагерного контингента в первый год его существования стали распашка

⁴⁹⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Л. 71.

целинных земель и животноводство (овцеводство, свиноводство). Первые посевные кампании 1934-1935 гг., проведенные на базе Чистюньского лагеря, прошли успешно. Урожай 1937 г. с полей Чистюньского отделения составил 3 410 тонн пшеницы⁴⁹⁷. Однако в ходе обмолота пшеницы показатели урожайности постепенно снижались: с 15 ц с гектара до 10,2 центнера к концу обмолота⁴⁹⁸.

В 1937 г. на землях лагеря были организованы опытные поля для выращивания элитных сортов зерновых: пшеницы сортов «Цезиум», «Мильтурум», овса «Золотой дождь», ячменя «Европеум», «Червонец»⁴⁹⁹. С целью совершенствования производства и повышения показателей урожайности на территории лагеря были установлены метеорологические станции, позволявшие учитывать в сельскохозяйственных работах изменение погодных условий.

Развитие сельскохозяйственного сектора в отделениях Сиблага в связи с общесоюзной реконструкцией сельского хозяйства привело к тому, что с 1938 г. на базе лагерей формировались площадки для подготовки экспонатов к первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), проведенной впервые в 1939 г.⁵⁰⁰ Для подготовки к выставке достижений животноводства и сельского хозяйства в качестве главного отделения Сиблага было выделено Антибесское отделение в Кемеровской области, вместе с тем остальные отделения сельскохозяйственного сектора выполняли страховочную функцию при подготовке выставочных экспонатов, в том числе и Чистюньское.

В результате проверки, осуществленной в 1934 г. начальником Сиблага Соколовым, были выявлены многочисленные недостатки в различных сферах жизнедеятельности Чистюньского лагеря: неукомплектованность штата чабанов, плохое качество грубых кормов и подвозной воды для скота;

⁴⁹⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 64.

⁴⁹⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 176. Л. 198.

⁴⁹⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Л. 208.

⁵⁰⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 121.

отсутствие надлежащего учета в снабженческом отделе (в результате чего перерасход хлеба составил 523 кг, соли – 212 кг); задержки в выплате премиальных вознаграждений. По мнению проверяющих, причины сложившейся ситуации заключались не только в том, что лагерные пункты отделения создавались быстрыми темпами, при нехватке финансовых и людских ресурсов, но и в халатности и бездействии управленческого аппарата лагеря, который не сумел добиться соблюдения дисциплины со стороны кадрового состава и заключенных.

Организация хозяйственно-экономического сектора в лагере имела серьезные недостатки: к примеру, плановый отдел недобросовестно вел финансовую отчетность, бригады регулярно не заполняли ведомости учета трудодней заключенным. Рабочая сила использовалась нерационально: в сезон полевых работ останавливалось строительство хозяйственных построек (загонов для скота). Одним из вопиющих случаев нерационального использования трудовых ресурсов стала отправка заключенных с участка близ деревни Ворошиловки (одного из участков Чистюньского ОЛП) на поиск артезианской воды для установки скважины или колодца, в то время как неподалеку от участка уже был действующий колодец⁵⁰¹.

В отделении Чистюньского лагеря не велись подсчеты себестоимости работы лесопилки, расхода зерновых фондов, стройматериалов, нормы выработки устанавливались произвольно, что приводило к растратам премиального фонда; отсутствовал план строительства точек лагерного пункта для сдачи молока, два склада шерсти стояли заброшенными и закрытыми. В ходе проверки отчетных ведомостей отделения было установлено, что на 1 октября 1937 г. растраты и хищения в лагере достигли суммы 216 719 руб. 31 коп.⁵⁰² Налицо была масса организационных и материальных проблем, которые не способствовали достижению высоких производственных показателей и улучшению качества жизни заключенных.

⁵⁰¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 3об.

⁵⁰² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.

В 1937–1938 гг. количество заключенных в Чистюньском отделении значительно увеличилось, в том числе за счет переправки в отделение женщин-заключенных не только с Алтая, но и из других регионов. Рост контингента требовал строительства и укрупнения материально-производственной базы Чистюньского лагерного комплекса, которое активно продолжалось во второй половине 1930-х гг. В 1937 г. в сельскохозяйственные, складские, административные, жилищно-коммунальные, дорожные объекты и услуги связи было вложено около 500 тыс. рублей⁵⁰³.

Отсутствие вещевого довольствия становилось причиной массовых невыходов на работу и производственных простоев, особенно в зимнее время. В феврале 1937 г. во все отделения Сиблага была направлена директива ГУЛАГа о неудовлетворительной работе руководства лагерных подразделений по распределению зимнего вещевого довольствия, приводившей к простоям рабочей силы: только в январе 1937 года он составил 165 170 ч/дней (более 1 млн рублей). В частности, в Чистюньском отделении, несмотря на обеспеченность валенками выше потребности (на складе было 2 154 пары, а количество работников составляло 1 725 чел.), имели место невыходы на работу из-за отсутствия обуви⁵⁰⁴. Нехватка вещей была обусловлена и расхищением их лагерными работниками, в том числе из заключенных: по итогам 1938 г. в Чистюньском отделении в вещевом фонде была обнаружена недостача на 117 тыс. руб.⁵⁰⁵

Режим изоляции в Чистюньском отделении регулярно нарушался: заключенные беспрепятственно общались с местным населением, жители посещали объекты лагерного производства (лесопилку), собирали остатки шерсти на овчарне, заключенные продавали ларьковые пайки местному населению⁵⁰⁶. О «свободе нравов» и режиме Чистюньского отделения дает

⁵⁰³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 297. Л. 29.

⁵⁰⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 27. Л. 172.

⁵⁰⁵ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

⁵⁰⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

представление зафиксированный факт поведения заключенного В.Я. Васихина, который «работая механиком и имея доступ к машине, вызвал к себе заключенную с 4 лагерного пункта в 7 утра, уехал с ней на 4 часа, пьянствовал. Снять его с работы, направить на общие работы и вычесть с заработка стоимость простоя машины – 15 часов»⁵⁰⁷. В силу разбросанности лагерных пунктов Чистюньского отделения и содержанием большинства заключенных без конвоя, во время выполнения различных работ на лагерных объектах, под конвоем на работах находились только злостные отказники, становились возможными подобные курьезные ситуации, связанные с поведением лагерников.

Выполнение и перевыполнение производственных планов давало заключенным возможность получать премиальное вознаграждение в соответствии со профессиональным разрядом. Премиальное вознаграждение, или «денежное поощрение», по сути являлось заработной платой, которая представляла собой дифференцированные денежные выплаты заключенным за работу (хотя термин «зарплата» в документах не упоминается).

Таблица 33

**Премиальные вознаграждения работающим заключенным ИТЛ,
утвержденные приказом ОГПУ № 535219 от 7.05.1932 г.**

	По тяжести и квалификации труда / в мес.		
	1 разряд	2 разряд	3 разряд
При выполнении 100% нормы	10 руб.	7 руб. 50 коп.	3 руб.
110% нормы	12 руб.	9 руб.	3 руб. 60 коп.
120% нормы	14 руб. 40 коп.	10 руб. 80 коп.	4 руб. 30 коп.
130% нормы	17 руб. 30 коп.	12 руб. 95 коп.	5 руб. 15 коп.
140% нормы	20 руб. 75 коп.	15 руб. 55 коп.	6 руб. 20 коп.
150% нормы	24 руб. 90 коп.	18 руб. 65 коп.	7 руб. 45 коп.

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

При перевыполнении нормы свыше 150% выплата премии производилась за каждые дополнительные 10% соответственно: 1-му разряду – 2 руб., 2-му разряду – 1 руб. 50 коп., 3-му разряду – 70 коп. в месяц.

⁵⁰⁷ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 133.

За «ударную работу» заключенные получали денежное вознаграждение, которое было ограничено суммой – не более 50 руб. в месяц. До половины суммы вознаграждения шли на содержание кадрового состава и обеспечение самого контингента, оставшаяся часть – на личный счет заключенного. Выплата премии производилась 2 раза в месяц.

В 1939 г. в Чистюньском отделении нормы оплата труда для заключенных, занятых на уборке урожая подсолнечника, составляли 50 коп. за каждый убранный гектар подсолнуха комбайнеру, 25 коп. – штурвальному, 35 коп. – трактористу⁵⁰⁸. Судить о том, насколько эффективно денежные выплаты стимулировали производительность труда, довольно сложно. Имеющиеся данные о результатах выполнения планов по разным направлениям производственной деятельности заключенных в Чистюньском отделении Сиблага во второй половине 1930-х гг. (внутреннее строительство, сельское хозяйство) свидетельствуют о систематическом отставании от сроков⁵⁰⁹. Это позволяет сделать вывод о том, что администрации Чистюньского отделения не удалось добиться стабильных высоких показателей в выполнении производственных планов посредством денежных поощрений и других форм стимулирования труда, в том числе из-за нерегулярного проведения выплат, отсутствия отлаженной системы мотивации и плохих материально-бытовых условий для заключенных.

Лагерная система, в отличие от мест общего заключения (колоний и тюрем), в большей степени должна была выполнять не только изоляционную функцию, но и хозяйственно-экономическую, внося свой вклад в развитие различных отраслей экономики. Лагерные отделения являлись частью крупных лесных, промышленных и сельскохозяйственных комплексов, имевших важное стратегическое значение в лагерной и государственной экономике. При этом задачей лагерной системы являлось использование заключенных в качестве рабочей силы на различных экономических

⁵⁰⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 176. Л. 236.

⁵⁰⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 3; ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 176. Л. 198; Там же. Д. 182. Л. 225.

объектах максимально эффективно. Для этого кроме принудительных мер внедрялись различные системы мотивации заключенных к производительному труду: зачет трудодней и досрочное освобождение, повышенные нормы питания, послабления в режиме и т.д.

Однако система мотивации труда лагерников не имела устойчивых положительных достижений, ввиду нерегулярности ведения учета трудодней, нехватки материальных средств для проведения денежных выплат заключенным, а также отсутствия возможности у заключенных реализовать полученные средства в лагерных ларьках, где зачастую отсутствовало продовольствие. Все эти недостатки в организации и оплате труда заключенных в целом снижали их заинтересованность в интенсификации труда ради получения дополнительных вознаграждений и привилегий. Главным стимулом у заключенных для повышения эффективности работы было усиленное питание и возможность получения досрочного освобождения благодаря зачету трудодней, но право на досрочное освобождение лагерников с 1939 г. было отменено, а нехватка продовольствия и плохое качество питания оставалось постоянной проблемой мест заключения.

Показатели эффективности труда в различных лагерных отделениях определялись производственным планом, который соответствовал профилю лагеря. Условия работы в сельскохозяйственных лагерных отделениях считались наиболее легкими, именно в них преимущественно использовался женский контингент, в отличие от промышленных, где производственный процесс требовал исключительно тяжелого физического труда. Весной 1941 г. начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин отмечал, что себестоимость продукции сельского хозяйства в лагерях и колониях УИТК ГУЛАГа была значительно выше, чем в совхозах, что объяснилось главным образом «плохим

использованием рабочей силы и низкой производительностью труда заключенных»⁵¹⁰.

Вопрос, связанный с изучением экономической эффективности использования труда заключенных, актуализирован в научных исследованиях последних лет⁵¹¹. В этой связи необходимо отметить, что имеющиеся данные свидетельствуют о низком уровне организации производства и финансирования в лагерном хозяйстве. Общая сумма финансовых потерь по всем отраслям производственной деятельности ИТЛ Западно-Сибирского края в 1936 г. составила 10 691 тыс. руб., в за 1 квартал 1937 г. – 3 503,4 тыс. руб., потери по местам заключения УНКВД за аналогичный период составили 2 060 тыс. руб. и 947 руб.⁵¹² Финансовые потери были обусловлены производственными простоями, невыходом на работу разутых и раздетых заключенных, плохой организацией труда работающих заключенных, частыми перебросками их из одного лагерного пункта в другой, перерасходом продовольствия, несоблюдением сметно-финансовой дисциплины.

При высоких показателях выполнения производственных планов по ряду направлений (текстильное, швейное, трикотажное производство) хозяйство ОИТК Алтайского края в 1939 г. имело только 7 617 тыс. руб. прибыли, из которых 5 163 тыс. руб. (67,8%) были отчислены в фонд Управления ИТК и с/х лагерей. Дебетовая задолженность по различным предприятиям ОИТК, по данным на май 1940 г., составляла 867 тыс. руб. и 757 тыс. руб.⁵¹³ Кредитные задолженности предприятий были связаны с нехваткой оборотного капитала для развития производства, поскольку обязательные отчисления в фонд ГУЛАГа довольно часто были выше

⁵¹⁰ Бородкин Л.И. Ударники из «социально-опасных»: стимулирование лагерного труда в 1930-х гг. // Экономическая история. Обозрение. / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 11. М., 2005. С. 138.

⁵¹¹ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. 320 с.; Эртц С. Строительство Норильского горно-металлургического комбината (1935-1938 гг.): становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 140–176; Бородкин Л.И., Эртц С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 1930-х - начало 1950-х гг. // Там же. С. 177–233.

⁵¹² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 250. Л. 187.

⁵¹³ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 38.

фактических накоплений. В частности, при получении прибыли за 1 квартал 1940 года в размере 1 875 тыс. руб., по заданию ГУЛАГа было перечислено 2 706 тыс. руб., т.е. на 44 % больше фактической прибыли, при этом общий недостаток оборотных средств по предприятиям ОИТК по итогам года составлял 178 тыс. руб. Данные показатели позволяют сделать вывод о том, что финансовые обязательства предприятий ОИТК перед Главным управлением были выше их возможностей и получаемой прибыли.

Таким образом, целый ряд причин и факторов как экономического характера (несовершенство планирования, завышение норм и расходов, хищения, отсутствие логистики и проч.), так и связанных с функционированием пенитенциарной системы (текучесть лагерного контингента, невысокая заинтересованность в эффективном труде, обусловленная статусом «заключенного», тяжесть труда, бытовых и моральных условий) оказывали отрицательное влияние на хозяйственно-экономическую деятельность ИТЛ и ИТК. Однако, на наш взгляд не стоит преуменьшать производственные результаты пенитенциарной системы, достигнутые благодаря постоянно восполняемым ресурсам подневольного труда заключенных. Именно на базе ИТК впервые в крае были запущены крупные автоматизированные предприятия легкой промышленности, производившие большой ассортимент текстильной продукции, сельскохозяйственное отделение Сиблага на Алтае стало важной площадкой для создания опытных полей по выращиванию экспериментальных сортов растений и разведению мясо-молочных пород скота. Важную роль сыграло использование принудительного труда заключенных в создании транспортной инфраструктуры в отдаленных, в том числе пограничных районах, на Алтае – в строительстве Чуйского тракта, имевшего важное торговое и стратегическое назначение.

3.3. Положение заключенных в системе исправительно-трудовых учреждений на Алтае в 1930-е гг.

Создание новых отделений и колоний, а также увеличение числа заключенных в системе исправительно-трудовых учреждений в 1930-е гг. ставило на повестку дня решение сложнейших задач, связанных с обеспечением быта, организацией питания и медицинского обслуживания изолируемого контингента. Поспешность организации новых мест заключения в условиях ограниченных материальных ресурсов, переполненность большинства из них, и поступление все новых контингентов в следствие ужесточения карательной политики государства и активизации деятельности органов внесудебного правосудия, привели к тому, что неотъемлемой характеристикой материально-бытовых условий заключенных являлись: скученность, антисанитария, нехватка питания, высокая заболеваемость и т.д.

Превышение лимитов на содержание заключенных в тюремных учреждениях во многом было связано с продолжительным содержанием в них следственных заключенных. Согласно данным за 1931 г., в среднем в течение года превышение лимита по категории следственных заключенных в Барнаульском ДЗ составляло 565%, в Бийском – 594%⁵¹⁴. В среднем по Западно-Сибирскому краю общая перегруженность домзаков в 1931 г. достигала 337%.

В течение 1930-х гг. проблема с переполненностью пенитенциарных учреждений, как и в 1920-е гг. продолжала оставаться актуальной. Однако, если в 1920-е гг. основной причиной переполненности были неэффективная работа судебно-следственного аппарата по рассмотрению дел следственно-заключенных, то в 1930-е гг. ситуация усугубилась в связи активизацией деятельности внесудебных органов (троек), участвовавших в массовых кампаниях по осуждению нарушителей паспортного режима, «социально

⁵¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 254. Л. 211.

вредных» и деклассированных элементов, а в период Большого террора – из-за массового поступления в тюрьмы репрессированных по политическим мотивам. По данным, приводимым В.Н. Уймановым, в период Большого террора в четырех алтайских тюрьмах (Барнаул, Бийск, Славгород, Камень) размещался контингент от 9 до 19 раз превышающий количество штатных мест⁵¹⁵. На 1 января 1938 г. в них на 1115 мест фактически приходилось 12 920 чел. заключенных, т.е. лимит был превышен в 11,6 раз.

В конце 1938 г. несмотря на то, что переполненность алтайских тюрем оставалась выше нормы, ликвидация внесудебных органов в ноябре 1938 г. и окончание массовых репрессивных операций, положительно сказались на уменьшении числа заключенных. Сведения, содержащиеся в таблице 34, дают представление о динамике произошедших изменений.

Таблица 34

**Количество заключенных, находящихся в тюрьмах
УНКВД по Алтайскому краю**

На 9 декабря 1938 г.

Местонахождение тюрьмы	Лимит мест по данным 1935 г.	Фактически размещались	Лимит срочников	Срочных	Лимит кассационных	Кассационных	Лимит следственных	Следственных	Лимит пересыльных	Пересыльных
Барнаул	525	1 966	85	394	90	429	300	1 108	50	35
<i>В, %</i>	<i>100</i>	<i>374</i>	<i>100</i>	<i>464</i>	<i>100</i>	<i>477</i>	<i>100</i>	<i>369</i>	<i>100</i>	<i>70</i>
Бийск	255	1 424	55	632	40	259	125	529	35	4
<i>В, %</i>	<i>100</i>	<i>558</i>	<i>100</i>	<i>1149</i>	<i>100</i>	<i>648</i>	<i>100</i>	<i>423</i>	<i>100</i>	<i>11</i>
Славгород	150	489	10	163	30	180	100	146	10	-
<i>В, %</i>	<i>100</i>	<i>326</i>	<i>100</i>	<i>1630</i>	<i>100</i>	<i>600</i>	<i>100</i>	<i>146</i>	<i>100</i>	<i>0</i>
Камень	180	523	40	329	40	31	90	159	10	4
<i>В, %</i>	<i>100</i>	<i>291</i>	<i>100</i>	<i>823</i>	<i>100</i>	<i>78</i>	<i>100</i>	<i>177</i>	<i>100</i>	<i>40</i>
Всего:	1110	4 404	190	1 518	190	899	615	1 942	105	43
<i>Всего, в %</i>	<i>100</i>	<i>397</i>	<i>100</i>	<i>799</i>	<i>100</i>	<i>473</i>	<i>100</i>	<i>316</i>	<i>100</i>	<i>41</i>

Составлено по: ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 214. Л. 293, ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 195. Л. 2.

⁵¹⁵ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири ... С. 277.

Как следует из данных таблицы, алтайские тюрьмы были переполнены почти на 400% (в 4 раза) сверх нормы, и это несмотря на то, что количество заключенных, в сравнении с данными на 1 января 1938 г., уменьшилось в 3 раза. Наибольшая переполненность в декабре 1938 г. наблюдалась в Бийской тюрьме – более чем на 500%, так как при большой территориальной протяженности и населенности районов, включенных в Бийский оперативный сектор, Бийская тюрьма имела в два раза меньшую вместимость, чем Барнаульская.

Превышение лимитов по содержанию заключенных, кроме рассмотренных выше причин, дополнительно усугублялось внутренними нарушениями, характерными для пенитенциарной системы данного периода. Из актов комиссии по приемке тюрем, составленных в ходе проводимой в 1938 г. передачи тюрем ОМЗ НКВД и УНКВД в ведение главного тюремного управления НКВД СССР, следует, что учет заключенных в алтайских тюрьмах велся крайне запутанно и не соответствовал актуальной статистике. В ряде случаев заключенные оставались в тюрьме незаконно после окончания срока, несвоевременно переводились в другие места, осужденные на длительные сроки содержались в тюрьме без санкции прокурора, что являлось нарушением, поскольку без разрешения прокурора, данная они должны были направляться в колонии и лагеря⁵¹⁶.

В целом, состояние алтайских тюремных помещений было неудовлетворительным не только с точки зрения соблюдения санитарных норм, но и исполнения требований режима раздельного содержания следственных и срочных заключенных. Бесконтрольными также оставались случаи сожительства между заключенными мужчинами и женщинами. Также администрацией практиковался незаконный отпуск заключенных, формально проводился обыск вновь поступающего контингента (так, в Каменской тюрьме в камере для следственных заключенных были обнаружены паспорт, колода карт, 27 руб. денег – вещи, которые должны были быть изъяты при

⁵¹⁶ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 195. Л. 25-26, 31.

поступлении)⁵¹⁷. Аналогичные случаи были отмечены в Барнаульской тюрьме, где пропали деньги заключенных, находившиеся на хранении у администрации.

По оценкам исследователей, увеличение числа колоний было вызвано необходимостью разгрузки тюрем, но несмотря на это последние по-прежнему оставались переполненными сверх нормы, а положение заключенных в колониях также не соответствовало всем необходимым нормам⁵¹⁸.

В колонии массовых работ – ИТК № 2 (г. Барнаула) наказание отбывали не только лица, лишённые свободы, но и осуждённые к исправительно-трудовым работам. Несмотря на то, что на отбывающих наказание в виде ИТР, не распространялся режим лишения свободы, как правило, они размещались в бараках колонии. Приезжие исправтрудработники из сёл и других городов, не имея жилья по месту отбывания наказания, вынуждены были размещаться в бараках. Размещение осуждённых к ИТР в бараках колонии поощрялось руководством с целью повышения гарантии выхода их на работу. При этом размещение заключённых и правонарушителей, осуждённых к исправительно-трудовым работам, допускалось только в отдельных бараках. Однако это правило нарушалось из-за халатного отношения пенитенциарных работников к данному вопросу, несмотря на возможность содержать работников и заключённых отдельно⁵¹⁹.

Бараки Барнаульской КМР, в которых размещались исправтрудработники, находились в антисанитарном состоянии. В бараках допускалась скученность – по 3 человека спали на двух топчанах, использовались подвесные нары, которые были запрещены. Заключённые были обеспечены постельными принадлежностями только на 70%, стирка и замена белья производились несвоевременно, как следствие, наблюдалась

⁵¹⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 212.

⁵¹⁸ Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.). Барнаул, 2012. С. 19.

⁵¹⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 221. Л. 163.

высокая завшивленность контингента. Все эти нарушения были допущены несмотря на наличие 500 пар сменного белья⁵²⁰. Теплое белье не выдавалось в нужном объеме, из-за чего заключенные не выходили на работу в холодное время года. На некоторых объектах заключенные получали хлебный паек в меньшем объеме, чем положенная норма: на кожевенном заводе в 1934 г. в сутки на одного человека приходилось только 300-400 г хлеба, при этом некоторые в течение дня не получали горячей пищи.

Несмотря на запрет УНКВД СССР по ЗСК направлять заключенных на работы в организации, которые не оформили соответствующие договоры-подряда, такая практика допускалась руководством колонии. В результате имели место случаи, когда контингент КМР работал бесплатно, находясь в неудовлетворительных материально-бытовых условиях.

Система выдачи продуктов питания заключенным учитывала успешность выполнения производственного плана. По стандарту норма обеспечения хлебом: для ударников труда составляла 1 кг, работающих заключенных – 700–800 г, неработающих – 600 г. В месяц ударники получали 600 г сахара, остальные работающие заключенные – 450 г⁵²¹. Таким образом, стимулирование ударничества среди заключенных осуществлялось в том числе через бытовые и материальные поощрения.

Нарушения санитарно-бытовых условий содержания заключенных колоний регулярно фиксировались в ходе очередных проверок со стороны руководства УНКВД. Проверкой Барнаульской КМР (ИТК № 2), проведенной в 1939 г. помощником начальника УНКВД по АК Черняком, были установлены факты антисанитарного состояния внутренней территории и бараков. Также зафиксированы заявления от заключенных о жестоком отношении со стороны ВОХР и случаях избиений, о бездействии администрации в отношении выявления камерных воров, о невыдаче полагающегося заключенным месячного пайка сахара и мыла и серьезной

⁵²⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁵²¹ Там же. Л. 2.

завшивленности контингента из-за отсутствия бани, об отсутствии культурно-воспитательной работы в колонии⁵²². Выданные на основании проверки рекомендации были разосланы начальником ОИТК по АК Крючковым по всем колониям региона.

Нарушение санитарных норм и отсутствие порядка и чистоты в помещениях, предназначенных для размещения заключенных колоний, провоцировало случаи массовых заболеваний и эпидемий, таких как эпидемия сыпного тифа в Барнаульской ФЗИТК (ИТК №1) в декабре 1938-январе 1939 гг⁵²³.

Поскольку эпидемии среди заключенных доставляли администрации колоний множество проблем, работники медицинской части из заключенных получали премии за активное участие в борьбе с болезнями. Важную роль в профилактике эпидемии играла своевременная обработка одежды заключенных в дезкамерах. Невыполнение этой процедуры, особенно перед отправкой заключенных по этапу, неоднократно приводило к критическим ситуациям. Инфицированных и завшивленных уголовников при поступлении в новые места отказывались принимать, чтобы не допустить распространения эпидемий. В феврале 1934 г. в Бийское ИТУ сразу из нескольких районных управлений милиции прибыли этапы с заключенными, не прошедшими санитарную обработку: из Алтайского РУМ – 32 чел., из Солонешенского – 46 чел., Быстроистокского – 31 чел., Солтонского – 37 чел., из-за чего им было отказано в размещении. Подобные случаи не позволяли использовать вновь поступившую рабочую силу по назначению и приводили к дополнительным расходам.

В 1940 г. по ОИТК были зарегистрированы 28 406 обращений заключенных с различными заболеваниями. Среди них острые желудочно-кишечные заболевания составляли 585 (4,4%) случаев, малярия – 10 (0,1%), рецидивы малярии – 526 (4,0%), цинга – 140 (1,1%), пеллагра – 243 (1,8%),

⁵²² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 754. Л. 97.

⁵²³ Там же. Л. 2.

производственный травматизм – 816 (6,2%), кожные заболевания – 3 033 (23,1%), грипп – 1 234 (9,4%), воспаление легких – 29 (0,2%), обморожения – 590 (4,5%), болезни органов кровообращения – 1 941 (14,8%), болезни органов дыхания – 2 648 (20,1%), болезни органов пищеварения – 1 358 (10,3%) и др.⁵²⁴ Данная статистика свидетельствует, что причины заболеваний заключенных, имели, как правило, бытовой характер: низкое качество питания провоцировали цингу, желудочно-кишечные болезни, пеллагру; антисанитария – кожные заболевания, болезни органов пищеварения; отсутствие теплой одежды и тяжелые условия труда – обморожения, травматизм, грипп и воспаление легких. Таким образом, улучшение условий труда, материально-бытового положения, качества питания могли бы существенно сократить заболеваемость среди заключенных.

Помимо проблем с антисанитарией в колониях наблюдались и другие нарушения. В ФЗИТК были наблюдались случаи выходов заключенных в город без конвоя, что, кроме того, что позволяло без препятствий совершить побег, а также возможность беспрепятственно проносить спиртное в колонию и другие посторонние предметы, из-за чего в бараках происходили пьяные драки. Например, в ИТК № 2 (г. Барнаул) в штраф-камеру был пронесен топор, поскольку дежурный не провел необходимый досмотр⁵²⁵.

Дополнительные сложности для администрации колоний создавала необходимость содержания женщин-заключенных с маленькими детьми. Такой контингент размещался в тех колониях, где были организованы детские ясли, в частности в ИТК № 2 (г. Барнаул) (действовали до конца 1941 г.). Во время работы женщин на производстве за детьми присматривала штатная няня из вольнонаемного состава колонии. Документальные свидетельства о состоянии детских яслей дают следующую информацию: «питание доведено до нижнего предела, дети слабые, у всех кожные

⁵²⁴ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 36.

⁵²⁵ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 786. Л. 51.

заболевания»⁵²⁶. В 1938 г. в связи с общим перераспределением женского контингента в сельскохозяйственный сектор, женщины из ИТК № 2 были переведены в Барнаульскую СХИТК (ИТК № 3) и ясли в ИТК № 2 в связи с отсутствием необходимости были ликвидированы, сведений о работе яслей в сельскохозяйственной колонии № 3 г. Барнаула нами не обнаружены.

Особую незначительную по численности категорию заключенных в ИТК составляли заключенные-инвалиды. Прием руководством колоний этой категории заключенных осуществлялся крайне неохотно, так как из-за ограниченных физических возможностей данного контингента на его содержание нужно было расходовать дополнительные материальные средства. Нередкими были случаи, когда колонии не принимали поступающих инвалидов, отправляли их обратно, в связи с чем руководство ОИТК УНКВД по АК было вынуждено вмешиваться и решать вопрос с их размещением. ИТК № 3 за отказ от приема колонны инвалидов вынуждена была возместить транспортные расходы на перевозку людей⁵²⁷. В 1940 г. в колониях Алтайского края насчитывалось около 300 инвалидов, из которых 138 человек содержались в сельскохозяйственной ИТК № 3, поскольку условия труда в сельхозколониях позволяли использовать подобный контингент наиболее эффективно⁵²⁸. Также часть контингента для сельскохозяйственных колоний формировалась из осужденных несовершеннолетних, так как режим содержания и тяжесть работ в таких колониях соответствовали их физическим возможностям.

Две сельскохозяйственных алтайских колонии располагались в совхозах Бийска и Барнаула (п. Куета). Барнаульский совхоз в п. Куета (ИТК № 3) был образован на базе бывших сельскохозяйственных угодий Барнаульского монастыря, в качестве самостоятельной единицы ИТУ совхоз был выделен 1 сентября 1932 г. с подчинением Управлению ИТУ⁵²⁹. В общежитиях для

⁵²⁶ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 788. Л. 35об.

⁵²⁷ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 754. Л. 109.

⁵²⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 61.

⁵²⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 172.

заклученных сельскохозяйственной колонии в Куете сохранялась система сплошных нар, от которых стремились отказаться во всех других местах заключения. Не имелось постельных принадлежностей в нужном количестве. Хозяйственная часть совхоза также находилась не в лучшем состоянии. Скотные дворы в Барнаульском совхозе не чистились, из-за этого в них было сыро и грязно, что создавало неудовлетворительные условия для содержания скота, поэтому он был мелким, не набирал веса. Овощные хранилища были организованы на скорую руку и не утеплены, из-за чего в течение зимы 1934/1935 года сгнила четверть запасов картофеля⁵³⁰.

На территории СХИТК № 3 выращивали зерновые культуры, картофель и прочие овощи, имелись собственные сенокосы для скота⁵³¹. Животноводческий фонд ИТК к 1940 г. насчитывал 129 голов КРС, 49 свиней, 375 овец⁵³². Однако несмотря на обширный хозяйственный фонд, колония полностью не справлялась с устанавливаемыми для нее планами по сбору урожая и производству животноводческой продукции.

План по уборке и обмолоту зерновых культур в 1941 г. был выполнен, за исключением отставания на 150 ц по сбору проса, засеянного на засоренные поля. План по огородным культурам также в основном был выполнен, кроме урожая помидоров, погибшего из-за сильных заморозков в конце августа⁵³³. В животноводческом секторе успехи были более скромными, объемы полученного молока составляли только 58,9% от установленного плана. В колонии имел место массовый падеж скота, вызванный нехваткой корма и отсутствием утепленных загонов.

Бийский совхоз ОМЗ УНКВД был создан в 1938 г. на базе Бийской тюрьмы. Совхоз специализировался преимущественно на выращивании сельскохозяйственных культур. Первый урожай 1938 г. в совхозе пострадал от клеща, в результате убитки составили 400 тонн зерна. Заклученный,

⁵³⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 221. Л. 538.

⁵³¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 51, 111.

⁵³² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 34.

⁵³³ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 12-13.

который выполнял обязанности агронома совхоза, распорядился скосить картофельную ботву во время роста плодов, из-за чего был потерян урожай картофеля.

Руководство колонии плохо справлялось с управленческими задачами и организацией режима для заключенных, из 500 человек рабочей силы, на полевые работы в разные дни удавалось привлечь от 26 до 38%. Из-за низких производственных показателей и непрофессиональной административной работы в сентябре 1938 г. был снят с должности и привлечен к уголовной ответственности начальник Бийского совхоза Плюхин⁵³⁴. Однако новое руководство (начальник совхоза Трунов и инспектор учебной части Плешков) уже в следующем месяце получило административное взыскание за отправку в Барнаульскую ФЗ ИТК больных заключенных, физически не способных выполнять необходимую работу⁵³⁵. Относить подобные ситуации исключительно на счет халатности руководства колонии нельзя, поскольку условия, в которых жили заключенные колоний, способствовали тому, чтобы слабосильного контингента становилось все больше, поэтому отправка больных могла быть вынужденной мерой.

Несмотря на существующие сложности, колонии находились в условиях необходимости самокупаемости за счет собственных ресурсов. Поскольку колонии были переведены на самокупаемость, их администрация была заинтересована в эффективном использовании труда заключенных. Продолжительность рабочего дня для заключенных колоний, занятых на производстве, изменялась в зависимости от успешности выполнения плана, продолжительность варьировалась от 10 до 11 часов, а с началом Великой Отечественной войны увеличилась до 12 часов. На некоторых объектах работы проводились в две смены – дневную и ночную⁵³⁶. График свободных

⁵³⁴ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 753. Л. 40.

⁵³⁵ Там же. Л. 49.

⁵³⁶ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 788. Л. 119.

от работы дней предусматривал отдых не реже одного раза в 10 дней⁵³⁷. К выходным дням также приурочивалась санитарная обработка заключенных.

Несмотря на регулярные обследования колоний и выдаваемые предписания на исправление тех или иных обнаруженных недостатков, в течение рассматриваемого периода внутреннее обустройство ИТК и положение заключенных в них не соответствовали необходимым стандартам, о чем свидетельствует доклад руководителя сангруппы по результатам обследования алтайских мест заключения в 1941 г.

В январе 1941 г. старший инспектор сангруппы ОИТК Кузьмина докладывала начальнику ОИТК УНКВД АК майору милиции Соколову о тяжелых жилищно-бытовых условиях в подразделениях ОИТК, определявшихся скученностью заключенных и недостаточным снабжением. На 1 человека приходилось менее 1 кв. м. площади, на топчанах могли разместиться только 3% заключенных, остальные 97% спали на сплошных нарах⁵³⁸. Недостаточным и скудным был рацион питания заключенных, в нем нерегулярно и в небольшом присутствовании такие продукты, как мясо, рыба, жиры. Санитарная обработка заключенных в основном была организована 3 раза в месяц, за исключением ИТК № 3, в которой регулярно были проблемы с водоснабжением. Больницы в ОИТК не были оборудованы стационарами и не полностью укомплектованы медперсоналом.

Еще более затруднительными условия проживания для заключенных были в лагерных отделениях. Как правило, это определялось обстоятельствами создания и строительства лагерей силами заключенных буквально «на голой земле», временным характером организации некоторых отделений (преимущественно лесозаготовительных), тяжелейшими условиями труда и абсолютной неустроенностью быта.

В ходе обследования Верхне-Обского отделения в 1932 г. руководством управления Сиблага отмечалось низкое качество работы ВОХР, что

⁵³⁷ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 529. Л. 26.

⁵³⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 42.

проявлялось в неэффективном использовании и распределении рабочей силы по объектам, в допущении побегов заключенных. Один из побегов произошел на внешних работах бригады в составе 29 человек, пять из которых разоружили конвойного, забрали винтовку, 30 патронов и бежали⁵³⁹. Непрофессионализм и халатность вооруженной охраны провоцировали множество нарушений режима и экстренных ситуаций. В частности, из Песьяновской комендатуры весной 1932 г. бежали 3 заключенных по вине ВОХР⁵⁴⁰.

Поспешность в организации новых лагерных отделений, отсутствие ресурсов, неустроенность быта заключенных давали о себе знать распространением массовых эпидемий и высокой смертностью. Одной из основных причин массовых заболеваний являлось плохое качество привозной питьевой воды и продуктов питания для заключенных, вследствие чего в июне 1932 г. в ряде отделений были зафиксированы случаи массовых желудочно-кишечных заболеваний, в том числе в Верхне-Обском отделении Сиблага⁵⁴¹.

Жилищно-бытовые условия Чуйского отделения были одними из самых суровых в Сиблаге. Стационарные помещения требовали ремонта, около 75% лагерников жили в старых прохудившихся палатках, только 25% в бараках. Заключенные, поступавшие с новыми этапами, спали на голой земле. Подобные условия были губительны для тысяч человек, занятых на строительстве тракта⁵⁴².

В 1937 г. эпидемия сыпного тифа, вызванная антисанитарией, была зафиксирована в колонне Озерки Бийского ОЛП. Из-за карантина приостанавливались внешние работы, поскольку вывозить заключенных за пределы лагеря во время эпидемии было строго запрещено. Бийское отделение располагалось в трех временно приспособленных кирпичных сараях возле

⁵³⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 142.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 8.

⁵⁴¹ Там же. Л. 12.

⁵⁴² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 171.

железнодорожной станции. Жилье для заключенных не изолировано внешним забором, пропускного режима не было, заключенные беспрепятственно выходили в город с ночлегом, имели связи с местным населением. Контингент Бийского отделения работал на контрагентских работах, в связи с чем колонны были территориально разбросаны, а из-за дефицита кадров плохо охранялись. Питание заключенных и охраны в колоннах обеспечивалось за счет контрагентов (заказчиков рабочей силы), поэтому качество еды зависело от их добросовестности. На многих колоннах питание было некачественным или предоставлялось в меньшем объеме, чем требовалось по норме: в пищу не выдавались рыба, овощи и другие продукты. Вещественное довольствие и постельное белье заключенным выдавалось в недостаточном количестве, в некоторых колоннах наблюдалась завшивленность⁵⁴³.

Голод 1932–1933 гг., поразивший основные хлебородные районы, создал острый дефицит продовольствия в селе и в городе. Реализация курса сталинского руководства на ускоренную индустриализацию требовала экспорта больших объемов зерна, что приводило к выкачке продовольственных ресурсов из страны, а также насильственная коллективизация, подорвавшая сельское хозяйство. Совокупность этих факторов спровоцировала дефицит продовольствия не только среди свободного населения, выразившаяся во введении в городах карточной системы, но и среди заключенных, которым в мае 1932 г. были сокращены нормы питания⁵⁴⁴. К сожалению, ни в источниках, ни в литературе нет информации о том, насколько были сокращены продовольственные нормы заключенных в 1932 г.

⁵⁴³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Л. 113-113об:

⁵⁴⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5. Л. 131.

**Нормы питания для различных категорий заключенных
Сибирских ИТЛ ОГПУ на 23.05.1932 г.**

Суточная норма, в граммах	Категория заключенных			
	Усиленная	Производственная	Основная	Штрафная
Мясо	100	80	60	-
Рыба	200	135	100	60
Растительные масла	18	12	10	8
Крупа	120	75	65	50

Источник: ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5. Л. 131.

Однако сокращение объема продовольственной нормы заключенных в 1932 г. было не единичным, приказ НКВД № 00943 1939 г. установил новые параметры котлового довольствия. Сравнение суточной нормы главных продуктов из рациона «основной» категории заключенных в 1932 и 1939 г. приведены в таблице 36.

Таблица 36

**Сравнительная характеристика суточной нормы питания заключенных
Сиблага в 1932 и 1939 гг.**

Суточная норма, в граммах	В 1932 г для з/к Сиблага	В 1939 г. для з/к ИТК и ИТЛ СССР	Изменилась, в % (+/-)
Мясо	80	30	- 62,5%
Рыба	135	125	- 7,5%
Растительные масла	12	10	- 16,7%
Крупа	75	100	+33,3

Составлено по: ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5. Л. 131; В. Н. Уйманов Пенитенциарная система... С. 286.

Точно сказать о том, насколько сократилась пищевая табель заключенных в Западной Сибири в 1939 г. согласно приказ НКВД № 00943 довольно сложно, поскольку мы не имеем возможности сравнить данные 1932 г. по Сиблагу с аналогичными данными за 1939 г. Однако если, полагаться на центральную статистику установленной пищевой таблицы для ИТЛ и ИТК НКВД, то сокращение продовольствия должно было составлять порядка 50%.

Хлебный паек в 1939 г. основной категории заключенных, выполняющих производственный план, составлял 1200 г в день; для

заклученных невырабатывающих производственный план, хозобслужуи, следственных и инвалидов – 600 г; для штрафников – только 400 г⁵⁴⁵. По данным на 1934 г. норма снабжения хлебом заключенных занятых трудом (или «основной» категории) составляла 700-800 г, таким образом в 1939 г. суточная норма хлеба для данной категории сокращалась на 100-200 г.

На ситуацию с питанием заключенных напрямую влияли не только установленные приказами НКВД низкие продуктовые нормы, но и финансовое положение отдельных лагерных отделений, которые не всегда могли организовать питание даже в установленном объеме. Например, заключенные 7-ого отделения Сиблага, занимавшиеся строительством и обслуживанием Чуйского тракта, в зависимости от выработки в 1940 г. получали от 300 до 800 г хлеба в день, что было меньше норм, установленных приказом НКВД 1939 г. (для работающих з/к от 600 до 1200 г).

Из-за нехватки питания заключенные распродавали казенное обмундирование в обмен на еду. В ближайших деревнях одежда обменивалась на продукты, деньги, чаще на водку.

Особенностью организации питания лагерников в 1930-е гг. в сравнении с 1920-ми гг. была ее полная привязка к эффективности труда заключенных. В зависимости от выполнения плана дифференцировались размеры продовольственного пайка. Например, контингент, который находился на стационарном лечении, получал примерно половину нормы, поскольку становился обузой для продовольственного снабжения лагеря. Так, ударники труда при поступлении на лечение вместо 1200 г хлеба получали только от 500 до 700 г, что на фоне однообразного и низкокалорийного питания делало процесс выздоровления и без того обессиленных людей затруднительным⁵⁴⁶. Хлеб в продовольственном рационе представлял главную ценность для

⁵⁴⁵ Введены Приказом НКВД СССР № 00943 «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в ИТЛ и ИТК НКВД СССР» 14 августа 1939 г. [Электронный ресурс] // Красноярское общество Мемориал. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/390814.htm> (дата обращения 20.12.2016).

⁵⁴⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17. Л. 252.

заклученных, поскольку остальная еда была довольно плохого качества и обладала низкой калорийностью.

Для заключенных, командируемых за пределы лагеря, устанавливался специальный сухой паек на весь период командировки взамен котлового довольствия. В него входили 800 г хлеба (или 400 г ржаных сухарей) на сутки, 17 г сахара, 200 г сельди (или копченой рыбы), 5 г фруктового чая⁵⁴⁷.

Недостаток продуктов питания для заключенных являлся следствием не только хозяйственно-продовольственного кризиса в стране, в ряде случаев проблемы с питанием были связаны с проявлениями бесхозяйственности со стороны снабженческих организаций или конкретных ответственных лиц. Весной 1934 г. на базовый склад ИТЛ ОГПУ от «Белбалткомбината» поступил вагон копченой сельди, часть которой даже на внешний вид была испорчена (плесень, гнилостный запах). Сортировка рыбы на складе была выполнена не сразу, в результате рыба, пригодная для реализации, поступила в ИТЛ уже полностью испорченной⁵⁴⁸. Пища для заключенных в ряде случаев готовилась из мерзлых овощей, в результате чего ее качество не соответствовало санитарным и пищевым нормам. В Бийском ОЛП в 1938 г. был обнаружен совершенно ужасающий факт – для питания заключенных использовалось мясо чумных свиней, которых из-за болезни были вынуждены забить, но не отправили на утилизацию, а пустили на приготовление пищи⁵⁴⁹.

Еще одной проблемой в организации питания заключенных были хищения продуктов. В 1938 г. в Сиблаге велось разбирательство из-за отсутствия в котловом довольствии лагерников необходимого количества жиров (мяса). Мясо не доходило до стола заключенных, поскольку разворовывалось поварами, кухонной службой и лагерной администрацией.

⁵⁴⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 12. Л. 221.

⁵⁴⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 139.

⁵⁴⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Л. 50.

В результате было принято решение, что закладка жиров в котел должна производиться в присутствии ответственного наблюдателя⁵⁵⁰.

В результате проверки Чистюньского отделения Сиблага, осуществленной в 1934 г. (через два года после его учреждения), начальником Сиблага Соколовым было установлено, что бытовые условия Чистюньского ОЛП оставались не устроенными: не были организованы прачечные, белье сменялось раз в 30 дней, в следствие чего завшивленность заключенных достигала 70%, кухни грязные, бараки не утеплены, нет умывальников и полов, не ведется работа по ликбезу. Для изменения ситуации при отделении в январе 1934 г. была создана тройка по контролю за улучшением жилищно-бытовых условий.

Однако существенных улучшений в устройстве лагеря не наблюдалось и в дальнейшем. В мае 1938 г. к начальнику Чистюньского ОЛП и начальникам ферм были применены административные взыскания за «бесхозяйственность», которая спровоцировала антисанитарию в бараках и поголовную вшивость среди лагерников. Бани и дезкамеры, несмотря на наличие угля и дров, не использовались с необходимой регулярностью. В одном из бараков были обнаружены случаи сыпного тифа, из-за чего был введен карантин⁵⁵¹.

Снабжение лагерных ларьков, где заключенные могли приобретать необходимые товары, осуществлялось плохо. В 1937 г. ревизией Чистюньского продовольственного ларька было установлено, что в нем нет ничего, кроме пудры и дорогих сигарет. Кроме того, товары ларьков, несмотря на запрет, продавались вольному населению. Зимой 1937 г. в одном из лагерных пунктов Чистюньского ОЛП на мясном складе были обнаружены 5 тонн соленого лука, который, несмотря на нехватку овощей, не расходовался с сентября⁵⁵².

⁵⁵⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

⁵⁵¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Л. 32-33.

⁵⁵² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.

Из-за сложностей с продовольствием в Чистюньском лагере были зафиксированы случаи «нанесения ущерба хозяйству Сиблага», проявлявшиеся в самовольном забое скота. В 1937 г. в целом ряде лагерных отделений незаконно был забит скот, предназначенный для сдачи по госпоставкам и израсходовано сливочное масло сверх положенных норм. В IV квартале 1937 г. в Чистюньском ОЛП были забиты 4 головы КРС живым весом в 5,26 центнеров и допущен перерасход сливочного масла. Перерасход молочной продукции на Чистюньском маслозаводе был довольно частым явлением. Весной 1939 г. ежемесячный перерасход сливок в сливочных отделениях завода составлял 200 литров⁵⁵³. Воровство молочной продукции заключенными, с одной стороны, было обусловлено условиями лагерной жизни, характеризовавшимися низким качеством и калорийностью котлового довольствия, а, с другой стороны, тем, что работа на молочном производстве позволяла украсть за смену небольшое количество сливок вполне незаметно, однако недостачи все же обнаруживались к окончанию отчетного периода. О тяжелых условиях жизни в Чистюньском лагере и нехватке пропитания свидетельствуют также и воспоминания бывших заключенных, которые опубликованы в статье А.П. Анашкина и Т.В. Новоселовой: «...питались мерзлой картошкой, часами выжидали, когда дадут стакан обраты»⁵⁵⁴.

В апреле 1939 г. начальник Чистюньского отделения Сиблага Казаченко в своем отчете «о подготовке Чистюньского отделения к весенне-летнему периоду и санитарной подготовке» отмечал следующие проблемы, существующие в лагере: практически поголовную завшивленность заключенных во всех лагерных пунктах из-за перебоев в организации бани и дезакамер, вызванных нехваткой топлива. По этой же причине не было возможности для кипячения воды. Питьевая вода для заключенных стояла в общих бочках и кадках без крана, из которых каждый зачерпывал воду общей кружкой. Памятки санминимума по баракам не развешивались,

⁵⁵³ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 63.

⁵⁵⁴ Анашкин А.П., Новоселова Т.В. Чистюньский лагерь Сиблага на территории Алтая. // Актуальные вопросы отечественной истории. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 219.

следовательно отсутствовало даже минимальное ознакомление заключенных с нормами гигиены⁵⁵⁵.

Ситуация с организацией питания заключенных осложнялась антисанитарным состоянием столовой и отсутствием необходимого количества столовой посуды. Весь контингент первого лагерного пункта Чистюньского отделения получал пищу в ржавые консервные банки⁵⁵⁶.

Продовольственное положение усложняли ситуация, связанные с личными взаимоотношениями заключенных и злоупотреблением своим положением некоторых из них. В апреле 1939 г. в 5 лагерном пункте Чистюньского отделения завхозы из числа заключенных списывали как испортившиеся и присваивали себе для последующей перепродажи общие продукты⁵⁵⁷.

Среди положительных моментов в жизнедеятельности Чистюньского ОЛП стоит отметить организацию медпункта и стационара для больных заключенных, которые в достаточной степени были обеспечены медикаментами. Также весной 1939 г. была проведена вакцинация заключенных от брюшного тифа, дизентерии, однако прививки от оспы сделаны не были из-за отсутствия вакцины⁵⁵⁸.

Материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия содержания заключенных в рамках рассматриваемого периода характеризовались неустроенностью быта, нехваткой продовольствия и одежды, частыми заболеваниями, недостаточной обеспеченностью медицинской помощью и постоянным, порой очень тяжелым физическим трудом. Созданная советским государством в 1930-е гг. пенитенциарная система, сконцентрированная под управлением НКВД, была нацелена на распределение различных категорий заключенных в сети исправительно-трудовых учреждений и встраивание их в производственно-экономические

⁵⁵⁵ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 28.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 176. Л. 18.

⁵⁵⁸ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 29.

задачи данных комплексов. Однако пренебрежительное отношение к естественным материальным, бытовым нуждам заключенных, подавление личности в условиях изоляции закладывали в систему механизмы саморазрушения, что стало причиной неоправданных ожиданий в отношении экономического потенциала принудительного труда заключенных и значительных затрат на содержание сети пенитенциарных учреждений.

3.4. Культурно-воспитательная работа в исправительно-трудовых учреждениях

Принципы пенитенциарной педагогики 1920-х гг., основанные на идее «перевоспитания» уголовников посредством труда и просвещения, с началом реформирования системы мест заключения в 1928 г. были признаны несостоятельными. Основной задачей просвещения стала пропаганда трудовой дисциплины и «ударного труда».

Несмотря на нивелирование роли культурно-воспитательной работы в условиях лагерной жизни, в 1934 г. с образованием НКВД и передачей ведомству всех ИТУ, во всей системе ГУЛАГа были образованы культурно-воспитательные части и отделы⁵⁵⁹.

В одном из отчетов УНКВД Западно-Сибирского края (1935 г.) следующим образом характеризовалось состояние культурно-воспитательной работы в местах заключения: «Культурно-массовая работа не считается обязанностью всего состава, только культпросветработников. Ведется формально (кино, постановки), не направлена на закрепление основных задач, которые поставлены перед местами заключения по внедрению режима и трудового перевоспитания з/к, ограничиваются узкодельческой работой...»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁹ Коломейский И.А. К проблеме организации культурно-воспитательной работы в лагерях ГУЛАГа в 1930-е гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 8(80). С. 14.

⁵⁶⁰ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 214. Л. 204.

Просветительная работа с заключенными велась в направлении ликвидации неграмотности. По Сиблагу, по данным за 1933 г., школами ликбеза были охвачены только 30% неграмотных, школами малограмотных – 13%, в то время как план предполагал соответственно 100 и 50-процентный охват⁵⁶¹. Данные учебно-воспитательной части Барнаульского ИТД 1926 г. свидетельствуют об охвате курсами ликбеза порядка 70% контингента, т.е. вовлеченность заключенных в несколько раз превышала лагерные показатели 1933 г.

В Бийском ИТУ, по сведениям на апрель 1932 г., на курсах ликбеза среди учтенных 247 человек неграмотных и малограмотных к занятиям были привлечены 117 чел. (47,4%)⁵⁶². При этом качество обучения на курсах было невысоким, как и посещаемость.

Во второй половине 1930-х гг. работа по ликвидации неграмотности в местах заключения Западно-Сибирского края также не демонстрировала высоких показателей: в течение 1936 г. школы ликбеза окончили 26,1% неграмотных и 17,1% малограмотных от общего количества учтенных⁵⁶³.

Согласно сведениям на июнь 1938 г., в Чистюньском отделении из 138 неграмотных заключенных обучались только 52 человека (37,7%), из учтенных по лагерю 253 малограмотных посещали курсы только 43 чел. (17%)⁵⁶⁴. План по ликвидации неграмотности вновь поступающих заключенных в течение 6 месяцев регулярно не выполнялся.

Одним из направлений культурно-воспитательной и образовательной работы в отделениях Сиблага становятся различные профессиональные курсы, которые позволяли улучшить квалификацию рабочей силы, а следовательно и повысить эффективность использования труда заключенных. Летом 1932 г. в Верхне-Обском отделении Сиблага курсы полеводов прошли 20 чел., каменщиков – 14 чел., огородников – 18 чел.,

⁵⁶¹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11. Л. 589.

⁵⁶² ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

⁵⁶³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 27. Л. 188.

⁵⁶⁴ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.

сапожников – 6 чел., лесорубов – 17 чел., бригадиров-землекопов – 8 чел., плотников – 12 чел., столяров – 18 чел., бригадиров по ж/д строительству – 21 чел.⁵⁶⁵ Многие курсы были организованы без отрыва от производства, что позволяло обучать кадры, не допуская простоя.

С середины 1930-х гг. в системе Сиблага увеличивается количество сельскохозяйственных отделений, в связи с чем все больше внимания уделяется обучению и формированию у заключенных навыков в данной области. В Чистюньском отделении были организованы курсы по подготовке курсы агрономов, заведующих хранилищами и приемщиков по хранению зерна и овощей, что являлось уязвимым местом лагерных отделений, где из года в год на складах гнили и замерзали тонны овощей и др.⁵⁶⁶. Для обслуживания внутренних потребностей Чистюньского лагеря были организованы курсы кузнецов-ковалей, на которых набирали физически развитых и здоровых заключенных-мужчин, знакомых с обработкой металла⁵⁶⁷.

Кроме того, для улучшения качества производимой сельскохозяйственной продукции и увеличения поголовья скота между отделениями регулярно проводились конкурсы и организовывалось соревнование: по свиноводству, по увеличению надоев молока, получению большого урожая зерна, капусты, моркови и др.

В организации культурно-воспитательной работы среди заключенных лагерей большое значение придавалось созданию возможностей для чтения газет и журналов. Руководство лагерей было обязано предоставлять своим подопечным печатные издания с утвержденной главным управлением тематикой. С февраля 1934 г. культурно-воспитательным отделом Сиблага был организован регулярный выпуск, с периодичностью один раз в декаду, общелагерной газеты «Сибирская перековка»⁵⁶⁸.

⁵⁶⁵ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 57-57об., 88-89.

⁵⁶⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 133.

⁵⁶⁷ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 16. Л. 89.

⁵⁶⁸ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Л. 79.

Таким образом, исходя из сохранившейся в источниках информации, культурно-воспитательная работа в лагерях ОГПУ-НКВД была представлена следующими видами деятельности: школы по ликвидации неграмотности, профессиональные курсы для заключенных, читка газет, среди прочей работы упоминается просмотр кинофильмов и организация постановок. Культурно-воспитательная работа в исправительно-трудовых колониях, исходя из сохранившихся отчетов, представляется более разносторонней, нежели в отделениях Сиблага. Однако возможно незначительная представленность информации о культурно-воспитательной работе в лагерных отделениях, может быть связана с характером доступных источников, поскольку в архивном фонде, относящемся к ведомству ГУИН-УФСИН⁵⁶⁹, отчетов о деятельности культурно-воспитательной части, аналогичным по содержанию документам ИТД 1920-х г. или ИТК 1930-х гг., нами обнаружено не было.

Привлечение заключенных на курсы повышения неграмотности в алтайских колониях имело более широкий характер, чем в Чистюньском лагере (таблица 37).

Таблица 37

**Сводные данные о ликвидации неграмотности заключенных ИТК
Алтайского края в 1938 г.**

1938 год	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	Прошло всего з/к за 1938 г.
Ликбез:					
Учтено неграмотных	353	399	353	285	1 390
Из них учатся	307 87%	275 68,9%	239 67,7%	259 90,9%	1 080 77,7%
Учтено малограмотных	352	531	411	322	1 616
Из них учатся	317 90,1%	282 53,1%	118 28,7%	211 65,5%	928 57,4%

Составлено по: ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Л. 6-9, 14, 46-48.

Среди заключенных ИТК Алтайского края доля неграмотных составляла около 7%, а привлечение этой категории к обучению составляло в среднем

⁵⁶⁹ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22.

составляло 77,7%. Согласно переписи 1939 г., уровень грамотности населения страны достиг 81,2%, увеличившись на 30% по сравнению с 1926 г.⁵⁷⁰. Несмотря на то, что данная статистика свидетельствует о том, что уровень грамотности заключенных алтайских ИТК был выше, чем населения в целом, она не до конца отражает объективное положение. В заключении находились, как правило, совершеннолетние и трудоспособные лица, в то время как общая статистика учитывает граждан с 10-ти летнего возраста, в том числе и старших возрастов, среди которых уровень грамотности был ниже.

Обучение заключенных грамоте преимущественно осуществлялось учителями из их же числа. Учителя должны были иметь образование не ниже 6-ти классов, относиться к категории осужденных по «бытовым статьям» УК. Поскольку качество обучения оставалось невысоким, для учителей из числа заключенных были введены индивидуальные премии, размер которых зависел от успешности прохождения программы их учениками. Самая высокая 1-я премия составляла 50 рублей деньгами, возможность сделать фотографию и отправить ее родным, 2-я премия – 25 руб. и фото с правом отсылки родным, 3-я премия – 20 руб. Претендовать на получение премии могли учителя, в чьих классах 70 и более процентов учащихся заканчивали программу обучения на отлично⁵⁷¹. Поскольку градация, оказывающая влияние на присуждение той или иной премии при выполнении плана по «отличникам», отсутствует, можем предположить, что размер вознаграждения утверждался начальником КВЧ.

Заключенным трудовых колоний предоставлялась возможность пользоваться библиотекой, посещать киносеансы, устраивать спектакли и вечера самодеятельности. Согласно количеству выданных библиотечных абонементов, не больше 10% заключенных брали книги для чтения, несмотря на то, что фонд насчитывал более 9 тыс. экземпляров художественной,

⁵⁷⁰ Соколов А.К. Курс советской истории, 1917-1940: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 1999. С. 78.

⁵⁷¹ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 495. Л. 3-4.

технической, социально-экономической и другой литературы⁵⁷². Общее количество библиотек по системе алтайских колоний насчитывало в разное время от 6 до 8 стационарных и 3–5 передвижных библиотек. Большим спросом среди художественных произведений пользовались произведения А.С. Пушкина «Дубровский», «Капитанская дочка» др., А.Н. Островского «Как закалялась сталь», а также книги М.Ю. Лермонтова, М.А. Шолохова. Идеологическое содержание литературы для заключенных находилось под контролем, «неподходящие» с точки зрения содержания книги изымались из общего пользования. Об этом позволяет судить случай, когда библиотекарь Каменской тюрьмы был объявлен строгий выговор за отсутствие «партийно-революционной бдительности», выразившейся в выдаче заключенному книги «На страже Родины», в содержании которой фигурировали «враги народа» Блюхер, Тухачевский и др. Этот инцидент спровоцировал проверку всего библиотечного фонда колоний на предмет соответствия содержания литературы идеологическому курсу. В 1937 г. из библиотек мест заключения стали изыматься книги и брошюры контрреволюционного содержания, авторами которых являлись участники так называемой «троцкистской группировки»⁵⁷³.

Для заключенных проводились лекции на политические темы (уроки политграмоты) со сдачей экзамена по учебнику С.Б. Ингулова (до 1938 г., когда автор был репрессирован). Беседы по политграмоте «Наша Родина» проводились, как правило, во время перерывов на работе прямо на строительных объектах, в бараках организовывались читки художественной литературы. Заключенным читались лекции на антирелигиозные темы: «Коммунизм и религия», «О Рождестве Христовом», «Классовые сущности в христианской легенде», «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; рассказывалось о правилах гигиены, ухода за грудными

⁵⁷² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Л. 64.

⁵⁷³ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

детьми, делались доклады о результатах уборочных кампаний, эксплуатации фанговых машин и др.

Большая часть культурных мероприятий организовывалась самими заключенными, занятыми в различных кружках: музыкальных, хоровых, драматических. В отчетных сведениях о деятельности культурно-воспитательной части по ОИТК отмечалось, что джазовый оркестр Бийской КМР пользовался большой популярностью среди заключенных. В музыкальном арсенале оркестра находился большой перечень инструментов: балалайки, гармони, мандолины, гитары, домбры, скрипки, барабаны и др.⁵⁷⁴

Согласно смете расходов культурно-воспитательной части мест заключения, в 1940 г. на шесть алтайских колоний было выделено: на ликвидацию безграмотности – 1477,4 руб., ликвидацию малограмотности – 4526,82 руб., прокат кинокартин – 6210 руб., физкультуру – 1359,28 руб., печать стенгазет и бюллетеней – 6669,2 руб., клубно-массовую работу – 8067 руб.⁵⁷⁵ Данная статистика показывает, что наибольшие по объему средства, выделяемые для финансирования культурно-воспитательной работы, вкладывались в досуговую, а не образовательную деятельность. В целом культурно-воспитательная работа в колониях финансировалась лучше, чем в отделениях Сиблага: в смете расходов по Чистюньскому отделению Сиблага на 1937–1938 гг. напротив статей расхода «культурно-бытовые» и «учебно-школьная работа» какие-либо суммы вообще отсутствовали⁵⁷⁶.

Большое внимание при осуществлении культурно-воспитательной работы уделялось выпуску стенгазет не только в колонии, но и на отдельных производственных объектах, поскольку газеты должны были осведомлять работников о выполнении плана, допущенных нарушениях, стимулировать к ударному труду. Редколлегия лагкоргов Барнаульской ФЗИТК в публикуемых

⁵⁷⁴ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 494. Л. 11.

⁵⁷⁵ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 17.

⁵⁷⁶ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1 Д. 30 Л. 29.

в газете материалах активно призывала к выполнению плана и бичевала нарушителей дисциплины⁵⁷⁷.

В целом задачи вовлечения всех заключенных в производственное соцсоревнование и снижение доли «отказников» являлись определяющими в деятельности культурно-воспитательного направления в пенитенциарной системе. Однако показатели эффективности этой работы среди заключенных колоний были относительно невысокими: доля «стахановцев» среди них составляла только 2,9%, «ударников» производства – 15,7%⁵⁷⁸.

Для вовлечения в соцсоревнования все большего числа заключенных администрация колоний была наделена широкими полномочиями⁵⁷⁹. В качестве поощрения лояльно настроенных и активных в работе заключенных он предоставляла им право на переписку, на получение денежных переводов, передач, а нарушителям трудовой дисциплины и регулярно невыполняющим план напротив – вводила запрет на любую связь с внешним миром.

Как отмечал начальник культурно-воспитательного отдела ОИТК УНКВД Игнатенко в своем докладе начальнику ОИТК УНКВД АК Соколову от 1 января 1941 г., основные виды деятельности культурно-воспитательной части: читка докладов, лекций, политбеседы, курсы ликбеза, кружки – к зиме фактически сворачивались из-за отсутствия клубов и помещений, подходящих для проведения культурно-массовых мероприятий⁵⁸⁰. Это обстоятельство априори лишало культурно-воспитательный отдел возможности вести регулярную и планомерную работу, следовательно, снижало ее эффективность.

Задачи культурно-воспитательной работы, направленной на привитие заключенным законопослушного трудового образа жизни, на практике оставались нереализованными. Укрупнение производственных задач естественным образом отодвигало на задний план образовательно-

⁵⁷⁷ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 495. Л. 10.

⁵⁷⁸ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Л. 6-9, 14, 46-48.

⁵⁷⁹ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 7.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 47.

воспитательные начинания в отношении заключенных в 1930-е гг. Основными проявлениями культурно-образовательной работы в лагерных отделениях были ликбез, профессиональные курсы, читки газет. Информации о какой-либо деятельности, связанной с художественной самодеятельностью, деятельностью каких-либо кружков в алтайских отделения Сиблага, нами не было обнаружено. Культурно-воспитательная работа в ИТК имела более упорядоченный характер и разнообразные проявления.

В.Г. Миронова и И.А. Коломейский, специально исследовавшие содержание деятельности культурно-воспитательных частей в лагерных отделениях ГУЛАГа соответственно в Иркутской и Челябинской областях⁵⁸¹, приходят к выводу, что культурно-воспитательная работа в лагерях в 1930-1950-е гг. преимущественно была представлена чтением лекций и политинформации, проведением соцсоревнования. Другим видам культурно-воспитательной работы уделялось очень незначительное внимание, что соотносится с нашими заключениями о содержании данного вида деятельности в Чистюньском отделении Сиблага. Воспоминания бывших заключенных Чистюньлага, свидетельствующие о клубных концертах и художественной самодеятельности, приведенные в статье Анашкина и Новоселовой, относятся к послевоенному периоду⁵⁸².

Главной задачей культурно-воспитательной частей в ИТУ в 1930-е гг. становится прежде всего обеспечение выхода максимально возможного количества заключенных на работу, укрепление трудовой дисциплины и принципов ударного труда. Усиление данной тенденции в подходе к проведению культурно-воспитательной работы было закреплено выходом Приказа НКВД СССР № 0161 с объявлением «Положения об отделении культурно-воспитательной работы ГУЛАГа НКВД» и «Положения

⁵⁸¹ Миронова В.Г. Культурно-воспитательная работа в лагерях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1930-1950-х годы (на материалах Иркутской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Иркутский гос. пед. ун-т. – Иркутск, 2004. – 30 с.; Коломейский И.А. Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР на территории Челябинской области (1930-1950-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Южно-Уральский гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – 27 с.

⁵⁸² Анашкин А.П., Новоселова Т.В. Чистюньский лагерь Сиблага на территории Алтая. // Актуальные вопросы отечественной истории. Сборник научных статей. Барнаул, 2006. С. 220.

о культурно-воспитательной работе в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» от 20.04.1940⁵⁸³. Данные постановления определяли в качестве ведущих задач для работников культурно-воспитательных частей разъяснение заключенным основ Сталинской конституции, целей исправительно-трудовой политики государства, а также организацию трудового соревнования.

Пенитенциарная система на Алтае в 1930-е гг. была представлена разветвлённой сетью учреждений. Особенностью данного периода стало появление большого количества специализированных колоний (сельскохозяйственных, фабрично-заводских и т.д.) и лагерного отделения Сиблага в 1933 г. Общие места заключения окончательно были переведены на полную самокупаемость и должны были содержать себя самостоятельно. При этом за колониями и лагерями закрепляется роль производственно-экономических комплексов, обязанных выполнять плановые показатели, используя трудовые ресурсы заключенных.

Деятельность мест заключения на Алтае в 1930-е гг. осуществлялась по трем основным производственным направлениям: сельское хозяйство (с/х колонии и Чистюньское отделение Сиблага), легкая промышленность (фабрично-заводские колонии), строительство объектов промышленного и хозяйственного назначения (контрагентские колонии). Состояние пенитенциарной системы было подвижным: новые колонии организовывались, спустя непродолжительное время расформировывались, как правило, это было связано с временным характером их деятельности, связанной с лесозаготовками или строительством различных объектов. Эффективное использование труда заключенных в условиях плановой экономики становится приоритетной задачей пенитенциарной системы.

⁵⁸³ Приказ НКВД СССР № 0161 от 20.04.1940 с объявлением «Положения об отделении культурно-воспитательной работы ГУЛАГа НКВД» и «Положения о культурно-воспитательной работе в Исправительно-Трудовых Лагерях и Колониях НКВД» [Электронный ресурс] // Фонд А. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009117> (дата обращения 12.04.2018).

Однако установление завышенных плановых производственных показателей, слабость материально-производственной и сырьевой базы колоний и ИТЛ, низкая квалификация принудработников и незаинтересованность их в высокопроизводительном труде приводили к систематическому невыполнению плана по большинству показателей. Успешно справлялись с выполнением плановых показателей фактически только текстильное и трикотажное производства ОИТК АК.

В Алтайском крае находился лишь один исправительно-трудовой лагерь – Чистюньское отделение Сиблага (сельскохозяйственной направленности), основная часть уголовного контингента размещалась в колониях. По данным на 1940 г., во всех ИТК края находилось порядка 4 500 заключенных, контингент Чистюньского отделения Сиблага насчитывал около трех тысяч лагерников.

Условия проживания для заключенных по-прежнему оставались чрезвычайно тяжелыми. Помимо проблем, которыми характеризовались общие места заключения в 1920-е гг. – переполненность помещений, отсутствие санитарной обработки, необходимой одежды и обуви, недостаточное количество и низкое качество пищи, в 1930-е гг. в связи с ростом сети пенитенциарных учреждений и использованием заключенных в различных командировках (как правило, на строительстве дорог и лесозаготовках), люди были вынуждены выживать в тяжелейших условиях – спать на земле, в дырявых палатках, бороться с постоянным голодом и холодом после изнурительной физической работы. Необходимость содержания большего по объему контингента, чем предполагала возможность ИТУ, создавали сложности с соблюдением внутреннего режима, предполагающего отдельное размещение различных категорий заключенных.

Деятельность культурно-воспитательных отделов исправительно-трудовых учреждений в 1930-е гг. была подчинена главным образом задаче пропаганды эффективного труда, внедрения системы соцсоревнования.

Посредством ликбеза и профессиональных курсов решались задачи, связанные с улучшением качества профессиональной подготовки заключенных. Однако стоит отметить, что содержательная часть культурно-воспитательной работы в исправительно-трудовых колониях на Алтае была достаточно разносторонней и мало чем отличалась от аналогичной деятельности в период 1920-х гг. Помимо ликбеза и политпросвещения, в ней по-прежнему была художественная самодеятельность (спектакли и концерты, подготовленные музыкальными и хоровыми кружками), работали библиотеки, спортивные секции для заключенных.

Важнейшей задачей пенитенциарной системы 1930-х гг. стала необходимость эффективного использования труда заключенных для выполнения амбициозных планов индустриальной модернизации, что обусловило доминирование экономической составляющей в оценке роли заключенных над педагогическими целями перевоспитания в условиях изоляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация государственной политики в отношении деклассированных групп населения в период 20-30-х гг. XX века, представляет сложный процесс, в ходе которого происходили изменения не столько объекта данной политики – деклассированных элементов, сколько ее субъекта – органов власти. Трансформировалась парадигма государственной идеологии, согласно которой видоизменялись не только роль, отводимая определенным идеологическим конструктам в жизни общества, перековывался весь образ жизни и мышление. Характерными атрибутами политической идеологии данного периода стали понятия «классовой близости», «классовой чуждости», «враждебности», которые делили общество на своих и чужих. Деклассированные группы в этой «глобальной» политике были лишь звеном в невероятно сложном механизме построения тоталитарного государства, где важным требованием являлась лояльность действующей власти.

1920-е гг. были начальным периодом построения советского государства и формирования большевистской власти, в связи с чем данному времени были свойственны отчасти романтические представления об «отмирании буржуазных пережитков в условиях бесклассового общества». Преступность и уголовники оценивались как часть этих «пережитков», поэтому в восприятии большевистской идеологии изначально не рассматривались как серьезная угроза и считались «социально-близкими» рабочему классу. Именно в этот период закрепились принципы пенитенциарной педагогики о перевоспитании уголовников с помощью привития трудовых навыков, дисциплины, образования и политической грамотности.

Социально-экономические противоречия, порождаемые реализацией новой экономической политики, способствовали распространению социальной девиации и преступности в регионе. Находящаяся в стадии становления правоохранительная система полностью не справлялась с задачей контроля уровня преступности. Распространенными мерами борьбы

с преступностью являлись чрезвычайные кампании (например, «десятидневки»), в ходе которых значительные силы милиции и уголовного розыска привлеклись на борьбу с наиболее распространенными и социально опасными правонарушениями. На Алтае к подобным социальным «недугам» относились скотоконократство, уголовный бандитизм, самогоноварение, а также различного рода хулиганские действия.

В связи с высоким уровнем преступности значительные сложности в своей деятельности испытывала пенитенциарная система. Алтайские исправительно-трудовые дома, составлявшие основную категорию мест заключения в 1920-е гг., действовавшие на базе помещений дореволюционных тюрем, катастрофически не справлялись с размещением поступающего контингента. Переполненность являлась характерной чертой исправительно-трудовых учреждений 1920-х гг. Следствием превышения лимита по численности заключенных являлись нарушения режима по разделению содержания различных категорий заключенных, острая нехватка продовольственного и вещевого снабжения, антисанитарные условия и высокая заболеваемость контингента. Попытки руководства ГУМЗ и НКЮ улучшить материально-бытовое положение заключенных в течение 1920-х гг. являлись малорезультативными. Регулярно проводившиеся амнистии не позволяли на продолжительное время разгрузить места заключения от излишнего контингента. В силу того, что ИТД вынуждены были содержать следственных, срочных и пересыльных заключенных, в скором времени они вновь оказывались переполнены сверх нормы.

Организация трудовой деятельности заключенных в 1920-е гг. являлась сложной задачей для администрации мест заключения, которую они вынуждены были выполнять ввиду перевода большинства пенитенциарных учреждений на самообеспечение. Однако предпринимаемые руководством мест заключения попытки организации самостоятельных заработков и развития собственных производственных площадок не имели сколько-нибудь значимых результатов. Получение заказов-подрядов от сторонних

организаций, и без того бывшее не простым делом в условиях безработицы 1920-х гг., дополнительно осложнялось нехваткой конвойного сопровождения для заключенных, работавших на внешних производственных площадках. Дополнительно усугубляло ситуацию наличие большой доли следственных заключенных, поскольку привлечение данной категории к работам за пределами ИТД не разрешалось, поэтому большинство из них становилось балластом для бюджета исправительно-трудовых учреждений.

В условиях материально-бытовой нужды, нехватки профессиональных кадров пенитенциарная система 1920-х гг. не могла реализовать идею перевоспитания уголовников посредством труда, повышения уровня их образования и политической грамотности. В конце 1920-х гг. в положении заключенных обозначаются кардинальные перемены в сторону ужесточения режима и отказа от практики перевоспитания. Проявлением данных перемен стало реформирование пенитенциарных учреждений, выразившееся в разделении между ведомствами НКЮ и ОГПУ полномочий по содержанию контингента заключенных: осужденных на сроки до 3 лет – в ИТК, а на срок более 3 лет – в ИТЛ. Практическая сторона реформирования была направлена на ликвидацию убыточных мест общего заключения и организацию на базе исправительно-трудовых учреждений специализированных производственных комплексов, где принудительный постоянно восполняемый труд заключенных становился главным экономическим ресурсом.

Созданная в течение 1930-х гг. на Алтае система исправительно-трудовых учреждений, имела гораздо более сложную и разветвленную, в сравнении с предыдущим десятилетием, структуру. В данный период произошло не только разрастание пенитенциарной системы, выразившееся в появлении новых ИТК и лагерных отделений, но и укрупнение ее отдельных единиц. Характерной особенностью 1930-х гг. стало создание исправительно-трудовых колоний на хозяйственной базе тюрем и домзаков. Колонии, в

отличии от общих мест заключения 1920-х гг., имели определенную специализацию и более крупные хозяйственные задачи, нежели ИТД и ДЗ, что позволяло задействовать в трудовой деятельности большую часть размещаемого в них контингента. Исправительно-трудовые учреждения реорганизовывались, исходя из задач пенитенциарной политики, приоритетным направлением которой стало создание экономически рентабельных профильных предприятий на базе мест заключения. Поэтому проблема нехватки рабочих площадок для применения труда заключенных, присущая пенитенциарным учреждениям 1920-х гг., с разрастанием сети ИТК и ИТЛ фактически перестала быть актуальной. Простои в использовании рабочей силы заключенных в 1930-е гг. преимущественно были связаны с организационными и дисциплинарными проблемами. Производственная деятельность ИТК и ИТЛ на Алтае была направлена на развитие легкой промышленности, сельскохозяйственной отрасли региона, строительство различных объектов и заготовку леса.

Новая волна социальных потрясений, обусловленная политикой форсированной индустриализации, насильственной коллективизации и раскулачивания, подорвавшей экономические ресурсы деревни (из-за массового забоя скота, изъятия зерна, порчи имущества, массовой депортации крестьян в необжитые северные районы), способствовала обнищанию значительных слоев населения, их маргинализации, бегству в города – все это создавало почву для беспрецедентного роста социальной нестабильности и девиации.

В этих условиях государство приняло решение о применении чрезвычайных мер в борьбе с «социально чуждыми» и «социально-вредными» элементами. Переоценка роли преступности в государственной идеологии и практике наиболее ярко обозначилась в 1930-е гг., когда в осуждении различных групп населения все большее участие стали принимать внесудебные органы. Массовые репрессии, набравшие обороты в течение 1930-х гг. и достигшие своего апогея в 1937–1938 гг., привели не только к

уничтожению политической оппозиции силами внесудебного правосудия, но и носили характер социальных чисток, предоставляя трудовые ресурсы разрастающейся сети пенитенциарных учреждений. В масштабах воплощения общего курса, деклассированные элементы попали в колесо репрессивной машины как социальные группы, создававшие угрозу для стабильности советского государства. Первые массовые кампании по преследованию уголовников и «социально-вредных элементов», проведенные силами внесудебных органов (троек ПП ОГПУ) состоялись в 1933–1934 гг., в 1935 г. тройки участвовали в операции «по очистке городов» от различного рода СВЭ, однако именно включение уголовников в число жертв приказа НКВД № 00447 является качественно иным этапом в борьбе с уголовной преступностью и социальной девиацией, в рамках которого олицетворявшие эти явления индивидуумы были приравнены к политическим врагам государства.

Свою «очистительную» политику государство в полной мере реализовывало через милицейские (с 1935 г.) и тройки, создаваемые при краевых (областных) управлениях НКВД (1937–1938 гг.). Тройка при УНКВД по Алтайскому краю рассматривала дела в отношении «бывших кулаков», политических преступников, а также уголовников-рецидивистов. При этом полномочия тройки НКВД позволяли назначать срок заключения до 10 лет, а также выносить высшую меру наказания – расстрел. В компетенции милицейской тройки Алтайского края находилось вынесение приговоров (к заключению в ИТЛ на срок до 5 лет) мелким уголовникам, хулиганам, нищим, бездомным и прочим представителям «социально-вредного элемента», преследование которых значительно расширилось с началом массовых операций на основе приказа № 00447. При этом милицейская тройка, занимавшаяся массовым осуждением мелких преступников и СВЭ, выступала в роли своеобразной «удлиненной руки тройки НКВД в ее деятельности, направленной на очищение общества от криминальных элементов. Особые полномочия, предоставленные органам

НКВД, милиции и тройкам, позволяли существенно сократить процесс расследования и рассмотрения дел, благодаря чему деятельность внесудебных органов стала важным инструментом чрезвычайной репрессивной политики, проводившейся в рамках массовых кампаний Большого террора.

Масштабы деятельности троек в Алтайском крае в период Большого террора отражены в протоколах их заседаний, согласно которым во внесудебном порядке милицейской тройкой были осуждены 6 942 уголовников и СВЭ (в 1937–1938 гг.), тройкой УНКВД – 862 (за 1937 г.). Деятельность внесудебных органов стала неотъемлемым символом массовых репрессий периода Большого террора, когда нормы закона, а также авторитет и правовой статус судебной системы и прокуратуры были полностью дискредитированы.

Заданные центральными директивами рамки деятельности внесудебных органов позволили местным властям довольно широко пользоваться своими полномочиями, пренебрегая качеством проводимой работы. Необходимость выполнения лимитов, спущенных сверху, а также желание ряда сотрудников выслужиться, массовые аресты, «конвейерный» порядок судопроизводства – факторы, которые способствовали тому, чтобы в рамках карательных мероприятий в число лиц, подвергшихся осуждению, попадали наиболее доступные представители уголовного мира – мелкие преступники, маргинальные элементы. В конечном итоге это привело к тому, что задуманные центром мероприятия по борьбе с преступностью оказались малоэффективными, поскольку организованная преступность не понесла серьезных потерь, сумев вовремя «залечь на дно». В результате главной клиентурой мест заключения стали мелкие уголовники-рецидивисты, злостные хулиганы и попавшие в поле зрения карательных органов безработные и бездомные.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК – Алтайский край
- АО – Административный округ
- БИР – бюро исправительно-трудовых работ
- ВМН – высшая мера наказания
- ВОХР – военизированная охрана
- ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГААК – Государственный архив Алтайского края
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
- Губисполком – губернский исполнительный комитет
- ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
- ГУМЗ – Главное управление местами заключения
- ДЗ – дом заключения
- ЗапСибкрай, ЗСК – Западно-Сибирский край
- з/к - заключенный
- ИТД – исправительно-трудовой дом
- ИТК – исправительно-трудовая колония
- ИТК РСФСР – Исправительно-трудовой кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
- ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
- ИТУ – исправительно-трудовое учреждение
- ИЦ – информационный центр
- КВО – культурно-воспитательный отдел
- КВЧ – культурно-воспитательная часть
- КМР – колония массовых работ
- л/с – лишение свободы
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКЮ, Наркомюст – Народный комиссариат юстиции

МВД – Министерство внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОИТК – отдел исправительно-трудовых колоний

ОЛП – отдельный лагерный пункт

ОМЗ – отдел мест заключения

ПП ОГПУ – Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления

ПР – принудительные работы

РОВС – Русский общевоинский союз

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СВЭ – социально-вредный элемент

Сибкрай – Сибирский край

Сибкрайком – Сибирский краевой комитет ВКП(б)

Сиблаг – Сибирский исправительно-трудовой лагерь

Сибревком – Сибирский революционный комитет

Сибулон – Управление сибирских лагерей особого назначения

СКАО – Сибирский краевой административный отдел

СНК – Совет Народных Комиссаров

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СПО – секретный политический отдел

СХ ИТК – сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония

УК – Уголовный Кодекс

УР – уголовный розыск

УРКМ УНКВД – Управление рабоче-крестьянской милиции Управления НКВД

ФЗ ИТК – фабрично-заводская исправительно-трудовая колония

ЦАУ – Центральное административное управление

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

І. Законодательные и нормативные акты

1. Декрет СНК от 14 января 1918 г. «Декрет о комиссии для несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // «Исторические материалы». – Режим доступа: <http://istmat.info/node/28352> – Загл. с экрана.
2. Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 10 июля 1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции» [Электронный ресурс] // Libussr.ru: биб-ка нормат.-прав. актов СССР. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_688.htm – Загл. с экрана.
3. Декрет СНК от 4 марта 1920 г. «О наказании несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Libussr: биб-ка нормат-прав. актов. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_556.htm – Загл. с экрана.
4. Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. – С. 79.
5. Инструкция Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 «О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [Электронный ресурс] // Libussr: биб-ка нормат-прав. актов. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_114.htm – Загл. с экрана.
6. Инструкция военным прокурорам о работе по общему надзору за законностью в РККА – М.: Прокуратура Верховного Суда СССР, 1932. – 24 с.
7. Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. – Т. 1. – М.: РОССПЭН, – С. 259-260.

8. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 84-93
9. Письмо Ф.Э. Держинского в ЦК РКП(б) о карательной политике советского государства, 17 февраля 1924 г. // История сталинского ГУЛАГа. – Т. 2. Карательная система. Структура и кадры / Сост. и отв. ред. Н.В. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 582-583.
10. Постановление НК Просвещения от 4 июня 1919 г. «Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение)» // «Исторические материалы». – Режим доступа: <http://istmat.info/node/38022> – Загл. с экрана.
11. Постановление Наркомюста РСФСР от 15 ноября 1920 «Положение об общих местах заключения РСФСР» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 83-85.
12. Постановление СНК от 10 ноября 1921 г. «О детской социальной инспекции (положение)» [Электронный ресурс] // «Исторические материалы». – Режим доступа: <http://istmat.info/node/46733> – Загл. с экрана.
13. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года. «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 156.
14. Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовного Кодекса РСФСР» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 180-182.
15. Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 182-193.
16. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. //

Консультант-Плюс: инф.-справоч. система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DESU%3Bn%3D3274#0869150285264447> – Загл. с экрана.

17. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. – С. 302-305.

18. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. «Об изменении главы IV отдела первого Исправительно-трудового Кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: информ.-справоч. система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20332#03619090187066969> – Загл. с экрана.

19. Постановления ВЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации Народных Комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» и «О руководстве органами ОГПУ деятельности милиции и уголовного розыска» // СЗ СССР 1930 г. – № 60. – Ст. 640. С. 1157-1158.

20. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР от 27 декабря 1932 № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» [Электронный ресурс] // Libussr: биб-ка нормат.-прав. актов СССР. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3845.htm – Загл. с экрана.

21. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 № 8. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» // Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 2. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 307-311.

22. Приказ НКВД СССР № 0161 от 20 апреля 1940 с объявлением «Положения об отделении культурно-воспитательной работы ГУЛАГа НКВД» и «Положения о культурно-воспитательной работе в Исправительно-Трудовых Лагерьх и Колониях НКВД» [Электронный

ресурс] // Фонд А. Яковлева. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009117> – Загл. с экрана.

23. Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами» 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2008. – С. 174-175.

24. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. // «Консультант-Плюс»: инф.-справоч. система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#027972675937173397> – Загл. с экрана.

II. Сборники документов и материалов

1. Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Исторический очерк. – Барнаул: Алтайское кн. изд., 1961. – 392 с.
2. Алтайский ежегодник за 1921-1922 год. / РСФСР; Алт. Губ. Экономическое совещание; Первый год издания. – Барнаул: Гостип., 1923. – 530 с.
3. Алтайский ежегодник за 1922 - 1923 хозяйственный годы: второй год издания / РСФСР; Алт. Губ. Исполком. Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Барнаул: Гостип., 1924. – 425 с.
4. Барнаульский Окружной Исполнительный Комитет. Барнаульский округ: статистико-экономический обзор / Барнаульский Окружной Исполнительный Комитет. – Барнаул: Тип. изд-ва «Красный Алтай», 1927. – 343 с.
5. Биннер, Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Р. Биннер, Г. Бордюгов, М. Юнге – М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2008. – 784 с.
6. Бутовский полигон. 1937–1938.: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 6. / ред. кол.: Л.А. Головкова и др. – М.: Альзо, 2002. – 634 с.

7. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. В 3-х т. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1998-2001.
8. История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Репрессии в СССР / сост. и отв. ред. Н.В. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – 728 с.; – Т. 2. – 696 с.
9. Ленинградский мартиролог. 1937–1938. – Т. 5. 1937. / отв. ред. А.Я. Разумов. – СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. – 785 с.
10. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. – М.: РОССПЭН, 2010. – 751 с.
11. Милиция России. Документы и материалы. 1917-1999. – Т. 1. (1917-1934). – Саратов: СЮИ МВД России, 2001. – 353 с.
12. Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. 1 всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15-21 октября 1928 г. – М.: Б.и., 1929. – 282 с.
13. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / под ред. Проф. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд. юр. лит, 1953. – 463 с.
14. Сборник приказов прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / Сост.: Орлов Д.И., Солерс Б.И.; Под ред.: Вышинский А.Я. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 279 с.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – Т. 1-5. – М.: РОССПЭН, 1999-2006.
16. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция в Украинской ССР: 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост. М. Юнге, Р. Биннер, С. А. Кокин [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2010.

III. Статистические и справочные материалы

1. Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924-25 год: отчет / Алтайский Губернский исполнительный комитет. – Барнаул: Изд. Барн. Окрисполкома, 1925. – 144 с.
2. Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924-25 г. / Алтайский Губернский исполнительный комитет. – Барнаул: Гостип., 1925. – 281 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб.: Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 1999. – 207 с.
4. Локтин, А. Преступность в Сибирском крае. Сибирское краевое статистическое бюро / А. Локтин // Статистический бюллетень. – Новосибирск. – № 3. – 38 с.
5. Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики X Съезду Советов. – М. Изд-во моск. губерн. таган. тюрьмы, 1922. – 42 с.
6. Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики XI Съезду Советов. – М.: Тип. при Иван. Исправдоме, 1924. – 68 с.
7. Советское уголовное право. Вып. 3. / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 44 с.
8. Советский уголовный процесс. Вып. 4. / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 143 с.
9. Ширвиндт, Е.Г. Советское исправительно-трудовое право / Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский – М.: Госюриздат, 1931. – 254 с.
10. Ширвиндт, Е.Г. Что нужно знать заключенному (права и обязанности) / Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский – М.: Госюриздат, 1927. – 48 с.

IV. Периодическая печать

1. Административный вестник: ежемес. журн.: орган Народного комиссариата внутренних дел. 1925.
2. Алтайская правда. 1937.
3. Бюллетень Административного губернского статистического бюро. 1923.
4. Еженедельник Советской Юстиции. 1929.
5. Красный Алтай. 1923.
6. Советская Сибирь. 1925.

V. Архивные материалы

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Ф. Р-30. Управление Алтайского губернского прокурора (1922-1925 гг.).

Оп. 2. Д. 4, 8, 12, 20, 25, 28, 35, 41, 51, 58, 60, 65

Оп. 3. Д. 81.

Ф. Р-32. Алтайский губернский суд Наркомата юстиции РСФСР (1923-1925 гг.).

Оп. 2. Д. 4, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 20, 25, 29, 36.

Ф. Р-33. Алтайский губернский дом заключения (1920-1925 гг.).

Оп. 1. Д. 6066, 6070, 6083, 6084, 6085, 6086, 6087, 6088, 6089, 6091, 6107.

Ф. Р-39. Барнаульская уездная рабоче-крестьянская милиция исполнительного комитета Барнаульского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1920-1925 гг.).

Оп. 1. Д. 4, 5, 28, 35, 39, 57, 69, 71.

Оп. 2. Д. 11 Т. 2, 11, 13, 14, 16а, 17, 30, 34, 42а, 42с, 48, 52.

Ф. Р-110. Барнаульская окружная рабоче-крестьянская милиция исполнительного комитета Барнаульского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1925-1930 гг.).

Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 9, 17, 19, 22, 23, 29, 32, 35, 41, 47, 49, 58, 60, 72, 76, 83, 86.

Ф. Р-113. Управления окружного прокурора Барнаульского округа (1925-1930 гг.).

Оп. 1. Д. 27, 77, 78, 86, 90, 94, 98, 111, 113, 117, 118, 122.

Оп. 3. Д. 323, 350, 378.

Ф. Р-198. Барнаульский окружной суд Сибирского краевого суда, г. Барнаул.

Оп. 2. Д. 8, 12, 17, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27.

Ф. Р-615. Барнаульский окружной исправительно-трудовой дом (1920-1931 гг.).

Оп. 1. Д. 4, 9, 11, 15, 20, 22, 30, 36, 37, 39.

Ф. Р-915. Каменский Окружной суд Сибирского краевого суда наркомата юстиции РСФСР (1925-1930 гг.).

Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11.

Ф. Р-917. Бийский Окружной суд Сибирского краевого суда наркомата юстиции РСФСР (1925-1930 гг.).

Оп. 1. Д. 10. Т. 1-2, 4, 5, 9, 11.

Отдел спецдокументации Управления архивным делом администрации Алтайского края (ОСД УАДААК).

Ф. Р-2. Прекращенные следственные дела.

Оп. 7. Д. 133, 13588, 3644, 4681-1, 4681-2, 5512-1, 5604-1, 5604-2, 5604-3, 5627-1, 5627-2, 5627-3, 7017, 11888, 13656, 13797, 13936, 15702.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО).

Ф. Р-20. Прокуратура Новосибирской области Прокуратуры РСФСР, г. Новосибирск, 06.08.1922 г. – до наст. вр.

Оп. 1. Д. 11, 21, 27, 33, 40, 44, 54, 90, 101, 104, 136, 164.

Оп. 2. Д. 98.

Оп. 3. Д. 2, 19.

Ф. Р-47. Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск, 1925-1937 гг.

Оп. 5. Д. 30, 44

Ф. П-3. Западно-Сибирский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Новосибирск (1926-1942 гг.)

Оп. 2. 218, 254, 255, 376, 644, 809.

Информационный центр ГУ МВД России по Алтайскому краю (ИЦ ГУ МВД по АК).

Ф. 2. Объединенный архивный фонд Управления по исправительным делам (УИД) УВД Алтайского крайисполкома.

Оп. 1. Д. 1, 196, 197, 198, 456, 457, 458, 459, 493, 494, 495, 961.

Ф. 12. Объединенный архивный фонд ликвидированных органов Управления по исправительным делам (УИД) УВД Алтайского края.

Оп. 2. Д. 176, 182, 245, 528, 529, 752, 753, 754, 757, 786, 787, 788.

Ф. 16. Протоколы отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра при ГУВД Алтайского края.

Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 15, 16, 17, 25, 26, 40, 41, 42, 43, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118.

Информационный центр ГУ МВД России по Новосибирской области (ИЦ ГУ МВД России по Нск. Обл.).

Ф. 4. Приказы УРКМ и УНКВД СССР по Западно-Сибирского краю.

Оп. 1. Д. 63, 135, 136, 137, 141, 143, 145, 146, 148, 149, 156, 157, 158, 160, 167, 168, 172, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 187, 188, 189, 190, 191, 202, 203, 207, 214, 215, 216, 217, 218, 221, 222, 223, 232, 233, 234, 235, 236, 239, 240, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 251.

Ф. 19. Приказы ПП ОГПУ, УНКВД СССР по Западно-Сибирскому краю.

Оп. 1. Д. 9, 15

Ф. 22. Приказы системы ГУИН-УФСИН.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.

VI. База данных

Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг.: база данных / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон [Электронный ресурс] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015621560 от 14.10.2015.

VII. Художественная литература.

1. Гинзбург, Е. Крутой маршрут: хроника времен культа личности / Е. Гинзбург – М.: ФТМ Литагент, 1990. – 601 с.
2. Достоевский, Ф.М. Дневники. Статьи. Записные книжки. В 3-х т. – Т. 3. 1877–1881 гг. / Ф.М. Достоевский – М.: Захаров, 2005. – 576 с.
3. Ильф, И. Собрание сочинений: В 5 т.: – Т. 1. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров – М.: Госиздат. худ. лит, 1984. – 321 с.
4. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ / А.И. Солженицын – Т. 1. – М.: Новый мир, 1998. – 467 с.
5. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. – Ч. III-IV / А.И. Солженицын – М.: Время, 1986. – 342 с.
6. Шаламов, В. Жульническая кровь / В. Шаламов // Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 2. – М.: Худ. лит-ра, 1998. С. 121-247.
7. Шаламов, В. Левый берег: Рассказы / В. Шаламов – М.: Современник, 1989. – 402 с.
8. Шаламов, В. Очерки преступного мира / В. Шаламов // Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 2. – М.: Худ. лит-ра, 1998. С. 247-415.

VIII. Исследования

1. Аблажей, Н.Н. «Ровсовская» операция: динамика репрессий / Н.Н. Аблажей // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 13-28.

2. Аблажей, Н.Н. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937-1938 гг. / Н.Н. Аблажей // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2008. – № 311. – С. 54-56.
3. Авербах, И.Л. От преступления к труду / И.Л. Авербах – М.: Советское законодательство, 1936. – 226 с.
4. Анашкин, А.П. Раскулачивание на Алтае в 1928-1931 гг. / А.П. Анашкин // Алтайская деревня в 20-30-е гг. XX века. Сб. науч. Тр. / Отв. ред. В.Н. Разгон. – Барнаул: Концепт, 2010. – С. 47-64.
5. Анашкин, А.П. Становление советской системы принудительного труда (на материалах Алтайской губернии) / А.П. Анашкин // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. – Барнаул: Изд-во АК ИПКРО, 2007. – С. 63-72.
6. Анашкин, А.П. Чистюньский лагерь Сиблага на территории Алтая / А.П. Анашкин, Т.В. Новоселова // Актуальные вопросы отечественной истории. Сборник научных статей. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 206-222.
7. Андреева, И.А. Очерки истории органов внутренних дел России / И.А. Андреева – Омск: Омск. акад. МВД России, 2000. – 167 с.
8. Аникеев, А.А. Проблемы методологии истории. Курс лекций / А.А. Аникеев – Ставрополь: СГПУ, 1995. – 407 с.
9. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
10. Арнаутов, Н.Б. Образ «врага народа» в периодике / Н.Б. Арнаутов // Исторический ежегодник. – Новосибирск: РИ-ПЭЛ, 2007. – С. 198-211.
11. Ахиезер, А.С. Социокультурные основания и смысл большевизма / А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, М.А. Шуrowsкий, И.Г. Яковенко, Е.Н. Яркова – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 610 с.
12. Бородкин, Л.И. Ударники из «социально-опасных»: стимулирование лагерного труда в 1930-х гг. / Л.И. Бородкин // Экономическая история. Обзорение. / Под ред. Л.И. Бородкина. – Вып. 11. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 130-143.

13. Бородкин, Л.И. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 1930-х – начало 1950-х гг. / Л.И. Бородкин, С. Эртц // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 177-233.
14. Боффа, Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. / Дж. Боффа – М.: Междунар. отнош., 1990. – 632 с.
15. Быков, А.В. Проблема организации школьного обучения в местах заключения Западной Сибири в 1920-е гг. / А.В. Быков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – Омск, 2015. – № 2(6). – С. 140-143.
16. Василевский, Л.М. Детская преступность и детский суд / Л.М. Василевский – М.: Октябрь, 1923. – 190 с.
17. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт – М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с.
18. Вишерский, Н. Распределение заключенных по полу и преступлениям. // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив) по данным переписи мест заключения / Н. Вишерский / Под ред. Белобородова – М.: Юрид. лит-ра, 1927. – С. 15-19.
19. Гаранжа, С.А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 г. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаранжа Станислав Александрович. – М., 2012. – 228 с.
20. Гвоздкова, Л.И. История репрессий в сталинских лагерях в Кузбассе (30-50-е гг.) / Л.И. Гвоздкова – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 185 с.
21. Гернет, М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) / М.Н. Гернет – М.: ЦСУ СССР 1922. – 269 с.
22. Гернет, М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее / М.Н. Гернет – М.: ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.

23. Герцензон, А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР / А.А. Герцензон – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1928. – 162 с.
24. Герцензон, А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / А.А. Герцензон – М.: Изд-во Мособлисполкома, 1930. – 147 с.
25. Голдман, В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / В.З. Голдман – М.: РОССПЭН, 2010. – 335 с.
26. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори – М.: РОССПЭН, 2008 – 400 с.
27. Гридунова, И.А. Прокуратура и местные органы власти: противостояние и взаимодействие в 20-е гг. XX в. (на материале Алтая) / И.А. Гридунова // Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления: Третья всероссийская научно-практическая конференция. – Бийск: БПГУ им. Шукшина, 2005. – С. 165-166.
28. Гридунова, И.А. Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гридунова Ирина Александровна. – Барнаул, 2010. – 23 с.
29. Гриценко, И.Ф. Рубцовская милиция: образование и этапы развития / И.Ф. Гриценко – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – 184 с.
30. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. / Отв. ред. Л. Бородкин, П. Грегори, О. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2008. – 318 с.
31. Гуцин, И.П. Тень прошлого: Записки прокурора. – 2-е изд. / И.П. Гуцин – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. – 240 с.
32. Дементьев, С.И. Геноцид (политико-правовой анализ) / С.И. Дементьев – Краснодар: Южн. инст-т менеджмента, 2005. – 354 с.
33. Детков, М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов / М.Г. Детков – М.: Изд-во РИПК работников ОВД, 1992. – 192 с.

34. Детков, М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М.Г. Детков – М.: Вердикт-1М, 1999. – 448 с.
35. Жданова, Г.Д. Политические репрессии на Алтае. 1919-1938 гг.: историко-статистическое исследование / Г.Д. Жданова – Барнаул: Мин-во образования и науки РФ. Алтайский гос. ун-т. Гос. архив Алтайского края, 2015. – 255 с.
36. Жданова, Г.Д. Реализация приказа № 00447: статистический анализ / Г.Д. Жданова // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 29-57.
37. Жижиленко, А.А. Преступность и ее факторы / А.А. Жижиленко – СПб.: Мир знаний, 1922. – 66 с.
38. Жуковский, В.С. Лубянская империя НКВД. 1937-1939 / В.С. Жуковский – М.: Вече, 2001. – 352 с.
39. Зубков, А.И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы / А.И. Зубков – Рязань: изд-во НИиРИО РВШ МВД СССР, 1980. – 101 с.
40. Зубков, А.И. Трудовое перевоспитание заключенных в советских исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Зубков Александр Ильич – Томск, 1968. – 336 с.
41. Еропкин, М.И. Развитие органов милиции в советском государстве / М.И. Еропкин – М.: Изд-во ВШ МООП СССР, 1967. – 87 с.
42. Ефремов, М.А. 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917-1937) / М.А. Ефремов – Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. – 349 с.
43. Земсков, В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. 1991. – № 6. – С. 10-27; – № 7. – С. 3-16.
44. Земсков, В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы / В.Н. Земсков // Отечественная история. – М., 1997. – № 4. – С. 54-79.

45. Земсков, В.Н. Заключённые, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект / В.Н. Земсков // История СССР. – М.: Наука, 1991. – № 5. – С.151-165.
46. Земсков, В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – М.: Наука, 1995. – № 9. – С. 118-127.
47. Земсков, В.Н. Об учёте спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – М.: Наука, 1991. – № 2. – С. 74-75.
48. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – М.: Наука, 1990. – № 11. – С. 83-17.
49. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы СССР, 1930-1960 гг. / В.Н. Земсков – М.: Наука, 2005. – 306 с.
50. Иванов, В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области / В.А. Иванов // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. массовая операция на основе приказа НКВД № 00447. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 519-534.
51. Иванов, В.А. Миссия ордена. Механизмы массовых репрессий в советской России в конце 20-40-х гг. (по материалам Северо-Запада РСФСР) / В.А. Иванов – СПб.: «ЛИСС», 1997. – 440 с.
52. Иванов, В.А. Органы государственной безопасности и массовые репрессии на Северо-Западе в 1930-1950-е гг. / В.А. Иванов – СПб.: СЮИ МВД России, 1995. – 342 с.
53. Иванова, Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова – М.; Наука, 2006. – 438 с.
54. Исаев, В.И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е — начало 1930-х гг.) / В.И. Исаев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 1. – Вып. 3. История. – Новосибирск, 2002. – С. 63-70.

55. Исаев, В.И. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом. (1920-е гг.) / В.И. Исаев, А.П. Угроватов – Новосибирск: Наука-Центр, 2006. – 294 с.
56. Исаев, В.И. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е – 1930-е гг. / В.И. Исаев, Д.Ю. Михеев, А.П. Угроватов – Новосибирск: Параллель, 2013.
57. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. – М.: РОССПЭН, 2011. – 790 с.
58. Карев, Д.С. Суд и прокуратура в СССР. Лекция, прочитанная в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Д.С. Карев – М.: Юр. лит., 1952. – 28 с.
59. Карпов, Р.А. Борьба милиции с преступностью в Алтайской губернии (конец 1919-1925 гг.) / Р.А. Карпов // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – № 4. – С. 58-62.
60. Карпов, Р.А. Воспитательный процесс среди осужденных в местах лишения свободы в Алтайской губернии (1921-1925 гг.) / Р.А. Карпов // Алтайский юридический вестник. – Барнаул, 2014. – Вып. 1(5). – С. 8-10.
61. Карпов, Р.А. Некоторые вопросы становления, комплектования и деятельности алтайской милиции в начале 20-х гг. XX в. / Р.А. Карпов // Алтайский юридический вестник. – Барнаул, 2015. – № 2(10). – С. 8.
62. Каутский, К. Ломброзо и его защитник / К. Каутский // Проблема преступности. – Киев: Госиздат Украины, 1924. – С. 63-86.
63. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко – М.: Наука, 1987. – 302 с.
64. Кип, Дж. Эпоха Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин – М.: РОССПЭН, 2009. – 384 с.
65. Колодушко, А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье 1937-1938 гг. / А. Колодушко, А. Казанков, О. Лейбович – М.: РОССПЭН, 2009. – 318 с.
66. Коломейский, И.А. К проблеме организации культурно-воспитательной работы в лагерях ГУЛАГа в 1930-е гг. (на материалах Челябинской области)

/ И.А. Коломейский // Вестник ЮУрГУ. – Челябинск, 2007. – № 8 (80). – С. 14-17.

67. Коломейский, И.А. Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР на территории Челябинской области (1930-1950-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Коломейский Илья Анатольевич. – Челябинск, 2009. – 27 с.

68. Крамаренко, И. Стоящие на посту / И. Крамаренко – Барнаул: Алт. кн. изд., 1967. – 192 с.

69. Красильников, С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников – М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.

70. Красильников, С.А. Спецпереселенцы в Западной Сибири в 1933-38 гг. / С.А. Красильников – Новосибирск: Наука, 1994. – 278 с.

71. Крахмальник, Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР / Л.Г. Крахмальник – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. – 96 с.

72. Крыленко, Н.В. Суд и право в СССР. – Ч. 1. Основы судостройства: ГИЗ / Н.В. Крыленко – М.: Изд-во Ком. Акад., 1927. – 164 с.

73. Крыленко, Н.В. Судостройство РСФСР: лекции по теории и истории судостройства / Н.В. Крыленко – М.: Юрид. изд-во, 1924. – 406 с.

74. Куденко, Н.В. Борьба с самогоноварением как причиной роста преступности на Алтае в 1920-е гг. / Н.В. Куденко // Актуальные вопросы истории Сибири. X научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции / под ред. В.А. Субневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 78-81.

75. Куденко, Н.В. Голодовки заключенных как средство борьбы за свои права в первой половине 1920-х (на материалах Алтайской губернии) / Н.В. Куденко // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXXII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 12. – Т. 1. – С. 33-37.

76. Куденко, Н.В. «Деклассированные элементы» как объект социальной чистки в период большого террора / Н.В. Куденко // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД № 04477: коллективная монография. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 202-230.
77. Куденко, Н.В. Массовые «чистки» советского общества от уголовных и люмпенизированных элементов в 1920-1930-е гг. (на материалах Алтая) / Н.В. Куденко // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXVIII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011 – Вып. 8. – С. 32-34.
78. Куденко, Н.В. Милицейская тройка Алтайского края как внесудебный орган массовых репрессий 1937–1938 гг. / Н.В. Куденко // Известия Алтайского государственного университета, – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, – № 4/1(84). 2014. – С. 125-130.
79. Куденко, Н.В. Основные подходы и практика борьбы с несовершеннолетними преступниками на Алтае в первой половине 1920-х гг. / Н.В. Куденко // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов I Международной молодежной научной конференции (Новосибирск, 21-23 августа 2014 г.). – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 219-228.
80. Куденко, Н.В. Показатели экономической эффективности труда заключенных исправительно-трудовых домов в первой половине 1920-х гг. (на материалах Алтая) / Н.В. Куденко // Экономическая история Сибири XX - начала XXI века: сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции, 26-27 июня 2015. В 2-х томах. – Т. 2. – Барнаул: МЦ ЭОР, 2015. – С. 59-67.
81. Куденко, Н.В. Политика государства в отношении несовершеннолетних преступников в 1930-е гг. (на материалах Алтая) / Н.В. Куденко // Актуальные вопросы истории Сибири: Девятые научные чтения памяти

профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2013. – С. 148-149.

82. Куденко, Н.В. «Политика "перевоспитания" преступников в 1920-е гг. (на материалах Алтая)» / Н.В. Куденко // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XL научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013 – Вып. 10. – С. 28-30.

83. Куденко, Н.В. Политика советского государства в отношении уголовников в 20-30-е гг. XX века (на материалах Алтайского края) / Н.В. Куденко // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXVII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010 – Вып. 7. – С. 29-30.

84. Куденко, Н.В. Политика «трудового перевоспитания» преступников в начале 1920-х гг. (на материалах Алтайской губернии) / Н.В. Куденко // Известия Алтайского государственного университета, – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, – № 4-1(88), 2015. – С. 165-169.

85. Куденко, Н.В. Уголовники как особая социальная группа репрессированных милицейской тройкой Алтайского края в годы «Большого террора» / Н.В. Куденко // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953-2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого Советского государства. Материалы VIII международной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 277-286.

86. Куденко, Н.В. Характеристика уголовных элементов, осужденных судебной (милицейской) тройкой Алтайского края / Н.В. Куденко // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов III Всероссийской молодежной научной конференции (Новосибирск, 21-24 августа 2013 г.). – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 239-248.

87. Куденко, Н.В. Хозяйственно-экономическая деятельность исправительно-трудовых колоний и лагерей Алтайского края в 1930-е годы / Н.В. Куденко // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Материалы V Всероссийской научной конференции (с международным участием) 29–30 июня 2018 г., – Барнаул, 2018. – С. 296-305.
88. Куденко, Н.В. Милицейская тройка. Милицейская тройка (документы) / Н.В. Куденко, В.Н. Разгон, М. Юнге // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 382-394.
89. Куденко, Н.В. Приговорная деятельность тройки при УНКВД и милицейской тройки в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: сравнительный анализ / Н.В. Куденко, В.Н. Разгон // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – Барнаул, 2017. – № 5(97). – С. 75-81.
90. Кудрявцев, В.Н. Политическая юстиция в СССР / В.Н. Кудрявцев – М.: Наука, 2000. – 365 с.
91. Кузнецов, Д.Е. Борьба милиции Западной Сибири с самогоноварением в 1925-1934 гг. / Д.Е. Кузнецов // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2015. Вып. 1(50). – С. 340-342.
92. Кузнецов, Д.Е. Борьба с хулиганством сотрудников милиции Западной Сибири во 2-й половине 20-х гг. XX в. / Д.Е. Кузнецов [Электронный ресурс] // Горизонты образования: электрон. науч. журн.: мат-лы 11-й всерос. науч.-технич. конф. аспирантов и молодых ученых: Наука и молодежь 2014. – Барнаул, 2014. – Вып. 16. – Режим доступа: http://edu.secna.ru/media/f/history_tez_2014 – Загл. с экрана.
93. Кузнецов, Д.Е. Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925-1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузнецов Денис Евгеньевич – Барнаул, 2016. – 25 с.
94. Кузнецов, Д.Е. Охрана общественного порядка сотрудниками западносибирской милиции в первой половине 30-х гг. XX века / Д.Е.

- Кузнецов // Алтайский юридический вестник. – Барнаул, 2014. – Вып. 1(5). – С. 8-10.
95. Кузнецов, И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории / И.С. Кузнецов – Новосибирск: НГУ, 1995. – 139 с.
96. Кузьмин, С.И. Деятельность ИТУ (1936-1960) / С.И. Кузьмин – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. – 94 с.
97. Кузьмин, С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений советского государства, 1917–1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08: Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Кузьмин Станислав Иванович – М., 1992. – 43 с.
98. Кузьмина, А.С. Организация и правовое регулирование политико-воспитательной работы в первых ИТУ Сибири (1917-1924 гг.) / А.С. Кузьмина // Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью. – Омск: ВШ милиции МВД СССР, 1977. – С. 64-73.
99. Кузьмина, А.С. Осуществление ленинских принципов советской исправительно-трудовой политики в организации и деятельности первых ИТУ Сибири / А.С. Кузьмина // Труды Высшей школы МВД СССР. – М., 1970. – Вып. 29. – С. 53-57.
100. Курас, Л.В. Нормативно-правовая документация о режиме в местах лишения свободы СССР в 20-30-е гг. XX в. / Л.В. Курас, С.П. Суш // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2012. – С. 77-83.
101. Курицын, В.М. История государства и права России. 1929-1940 гг. / В.М. Курицын – М.: Издательство: Междунар. Отношения, 1998. – 232 с.
102. Курицын, В.М. Участие общественности в осуществлении исправительно-трудовой политики (1917-1933 гг.) / В.М. Курицын // Труды высшей школы МВД СССР. – М., 1957. – № 2. – С. 279-298.
103. Куртуа, С. Чёрная книга коммунизма / С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л. Пачковский – М.: Три века истории, 1999. – 846 с.

104. Курышев, И.В. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) / И.В. Курышев // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. – № 1(17). – С. 32-34.
105. Лаговиер, Н. На страже революционной законности: очерки работы прокуратуры РСФСР за 1922-1925 гг. / Н. Лаговиер – М.: Юридическое издательство, 1926. – 270 с.
106. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-1930 годы / Н.Б. Лебина – СПб.: изд-во «Летний Сад», 1999. – 320 с.
107. Леве, Х-Д. Сталин / Х-Д. Леве – М.: РОССПЭН, 2009. – 351 с.
108. Ленин, В.И. «О классовой борьбе» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 2. – М.: Изд. Полит. лит-ры, 1967. – 854 с.
109. Литвак, К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-е гг. / К.Б. Литвак // Отечественная история. – М., 1992. – № 4. – С. 74-88.
110. Лунеев, Н.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / Н.В. Лунеев – М.: Норма, 1997. – 525 с.
111. Лысков, Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века / Д.Ю. Лысков – М.: Изд-во Яуза, 2009. – 288 с.
112. Малкова, Ю.А. Деятельность исправительно-трудовых колоний на территории Алтайского края (1937-1941 гг.) / Ю.А. Малкова // Мир науки, культуры, образования. – Барнаул, – № 1(38), 2013. – С. 227-229.
113. Маннс, Г. Алкогольная преступность и борьба с самогонокурением в Иркутской губернии / Г. Маннс – Иркутск: Б.и., 1925. – 8 с.
114. Маргиналы в советском социуме. Маргиналы как социум. Сибирь 1920-1930-е годы). – 2-е изд. – М.: Политическая энциклопедия, 2017 – 600 с.
115. Маргиналы в советском социуме 1930-середина 1950-х гг., – Новосибирск: Апельсин, 2010. – 450 с.
116. Маркс, К. Собрание сочинений. – Т. 13. / К. Маркс – М.: Изд-во пол. лит-ры, 1981. – 742 с.

117. Маркс, К. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.
118. Миронова, В.Г. Культурно-воспитательная работа в лагерях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1930-1950-х годы (на материалах Иркутской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Миронова Виктория Георгиевна. – Иркутск, 2004. – 30 с.
119. Михеев, Д.Ю. Суды Сибири в 1928-1938 гг. / Д.Ю. Михеев – Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2015. – 124 с.
120. Михеенков, Е.Г. Особенности реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири / Е.Г. Михеенков // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – Вологда, – № 27. – С. 94-98.
121. Мозохин, О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953) / О.Б. Мозохин – М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
122. На изломах социальной структуры. / рук. авт. коллектива А.А. Галкин. – М., 1987. – 315 с.
123. Николаев, П.Ф. Советская милиция Сибири (1917-1922) / П.Ф. Николаев – Омск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 91 с.
124. Никольский, П.И. Всегда начеку. Очерки о героях и подвигах / П.И. Никольский – Барнаул: Политиздат, 1967. – 100 с.
125. Никулин, В.В. Институт амнистии и досрочного освобождения в советском уголовном праве / В.В. Никулин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – М., 2014. – № 2. – С. 15-21.
126. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов – М.: Изд-во Высш. шк. эк-ки, 2010. – 317 с.
127. Очерки Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. – 285 с.

128. Панин, С.Е. К вопросу о факторах активизации городского хулиганства в России в 20-е-начале 30-х гг. XX века / С.Е. Панин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, – Т. 11. – № 6, 2009. – С. 139-143.
129. Панин, С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы / С.Е. Панин // Вестник Евразии. – М., 2003. – Вып. 4. – С. 135-154.
130. Папков, С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928-1941 гг. / С.А. Папков – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. – 175 с.
131. Папков, С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) / С.А. Папков // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 128-154.
132. Парк, Р. Город как социальная лаборатория / Р. Парк // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3-13.
133. Петров, Н. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы / Н. Петров – М.: РОССПЭН, 2011 – 351 с.
134. Позднышев, С.В. Основы пенитенциарной науки / С.В. Позднышев – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 342 с.
135. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2-х ч. / К. Поппер – М.: Феникс, 1992.
136. Разгон, В.Н. «Большой террор» 1937–1938 гг. и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) / В.Н. Разгон // Экономическая история Сибири XX – начала XXI вв. – Барнаул: Изд-во АКИПКРО, 2009. – С. 208–215.
137. Разгон, В.Н. Бывшие «кулаки» как главная целевая группа репрессивной операции НКВД по приказу № 00447 / В.Н. Разгон // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 102-126.

138. Разгон, В.Н. Дело «кулака» / В.Н. Разгон // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 57-136.
139. Разгон, В.Н. Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928-1933 гг.): постановка проблемы / В.Н. Разгон // Алтайская деревня в 20-30-е гг. XX века. – Барнаул: Концепт, 2010. – С. 36-47.
140. Разгон, В.Н. Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937-1938 гг.: реализация приказа НКВД № 00447 / В.Н. Разгон, Г.Д. Жданова, Н.В. Куденко, А.И. Савин, А.Г. Тепляков // Вестник алтайской науки, – Барнаул, – Вып. 1. 2015. – С. 75-80.
141. Разгон, В. Н. Милицейская тройка УНКВД Алтайского края как инструмент социальной чистки периода Большого террора / В.Н. Разгон, Н.В. Куденко // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т.И. Морозова (отв. секр.), В.М. Рынков (отв. ред.), А.И. Савин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 455-470.
142. Росси, Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2-х ч. – М.: Просвет, 1991. – 263 с.
143. Ростовский, П. Прокуратура и законность / П. Ростовский // Еженедельник советской юстиции. 1922. – № 19-20. – С. 14-15.
144. Савин, А.И. Евангельские верующие Алтайского края как целевая группа репрессий / А.И. Савин // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 164-201.
145. Сибирская провинция и центр, культурное взаимодействие в XX веке. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 420 с.
146. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник. / Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1998. – 600 с.

147. Смыкалин, А.С. Колонии и тюрьмы Советской России / А.С. Смыкалин – Екатеринбург: УрГЮА, 1997 – 364 с.
148. Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 60-х гг.: (историко-юридическое исследование). автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Смыкалин Александр Сергеевич. – Екатеринбург, 1998. – 325 с.
149. Соколов, А.К. Курс советской истории, 1917-1940: Учеб. пособие для студентов вузов / А.К. Соколов – М.: Высш. шк., 1999. – 272 с.
150. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон – М.: РОССПЭН, 2008. – 464 с.
151. Стариков, Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» / Е. Стариков // Знамя. 1989. № 10. С. 133–162.
152. Степанов, М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.) / М.Г. Степанов – Абакан: Изд-во «Бригантина», 2008, – 160 с.
153. Стецовский, Ю.С. История советских репрессий. В 2-х тт. / Ю.С. Стецовский – М.: Знак-СП, 1997.
154. Стручков, Н.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть / Н.А. Стручков – М.: НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1963. – 224 с.
155. Суверов, Е.В. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.) / Е.В. Суверов, Ю.А. Малкова – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД, 2012. – 80 с.
156. Суверов, Е.В. К вопросу о карательной политике в советских пенитенциарных учреждениях Алтайского края в конце 30-х гг. XX века / Е.В. Суверов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – Барнаул, 2013. – Вып. 1(24). – С. 29-31.
157. Суверов, Е.В. Медицинско-санитарное и материально-бытовое обслуживание заключенных в Сибирском исправительно-трудовом лагере (Сиблаг) (1929-1939 гг.) / Е.В. Суверов // Алтайский юридический вестник. – Барнаул, – № 2(6), 2014. – С. 14-17.

158. Суверов, Е.В. Образование СибУЛОНа (Сиблага) в 1929-1932 гг. / Е.В. Суверов // Алтайский юридический вестник. – Барнаул, – № 1(5), 2014. – С. 11-13.
159. Суд в СССР. / Под ред. Л. Н. Смирнова, В. В. Куликова, С. Г. Банникова, В. М. Савицкого, Х. Б. Шейнина. – М.: Юрид. лит, 1977. – 383 с.
160. Тепляков, А.Г. Деятельность особой тройки ПП ОГПУ по Сибкраю в 1930 г. / А.Г. Тепляков // Гуманитарные науки Сибири. – Новосибирск, 2012. – № 1. С. 87-91.
161. Тепляков, А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. / А.Г. Тепляков – М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. – 632 с.
162. Тепляков, А.Г. «Непроницаемые недра» ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918-1929 / А.Г. Тепляков – М.: АИРО-XXI, 2007. – 288 с.
163. Тепляков, А.Г. Показания деятелей массовой операции / А.Г. Тепляков, А.И. Савин // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 429-623.
164. Тепляков, А.Г. Чекисты Алтайского края в «кулацкой операции» / А.Г. Тепляков // Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа № 00447. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 57-87.
165. Траскович, Ф. Исправительно-трудовая политика / Ф. Траскович // Еженедельник советской юстиции. – М., 1929. – № 7. – С. 152-155.
166. Угроватов, А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921-1929) / А.П. Угроватов – Новосибирск: ЮКЭА, 1999. – 208 с.
167. Угроватов, А.П. Из истории бытовой преступности в Сибири в 1920-е гг. / А.П. Угроватов // Страницы экономической истории России. – Новосибирск, 2010. – № 10. – С. 177-188.
168. Уйманов, В.Н. Репрессии. Как это было...: (Западная Сибирь в конце 1920-х начале 1950-х годов) / В.Н. Уйманов – Томск: Изд-во Томского университета, 1995. – 334 с.

169. Уйманов, В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.) / В.Н. Уйманов – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. – 564 с.
170. Уйманов, В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920-1941 гг.) / В.Н. Уйманов – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2011. – 328 с.
171. Уткин, В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В.А. Уткин – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 190 с.
172. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы / Ш. Фицпатрик – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
173. Фридрих, К. Тоталитарная диктатура и автократия / К. Фридрих, З. Бжезинский // Тоталитаризм что это такое? – Т. 2. – М., 1992. – 523 с.
174. Хаустов, В. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон – М.: РОССПЭН, 2009 – 432 с.
175. Хлевнюк, О.В. 1937-й г.: Сталин, НКВД и советское общество / О.В. Хлевнюк – М.: Республика, 1992. – 270 с.
176. Хлевнюк, О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 / О.В. Хлевнюк // Свободная мысль – М., 1992. – № 13. – С. 73-84.
177. Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917-1991 / Дж. Хоскинг – Смоленск: Изд-во «Вагриус», 2001. – 496 с.
178. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В.В. Цаплин // Вопросы истории. – М., 1989. – № 4.
179. Шевеляков, А.С. Сталинские политотделы в Сибири. Чрезвычайные органы ВКП(б) в политическом и социокультурном пространстве советской деревни (1930-е гг.) / А.С. Шевеляков – Томск: Томский госуд. ун-т, 2007 – 218 с.
180. Ширвиндт, Е.Г. К 40-летию исправительно-трудовой политики Советского государства / Е.Г. Ширвиндт – М.: Госюриздат, 1957. – 69 с.
181. Ширвиндт, Е.Г. Обострение классовой борьбы и уголовная репрессия / Е.Г. Ширвиндт // Классовая борьба и преступность. Сборник статей.

Государственный институт по изучению преступности и преступника. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1930. – С. 3-10.

182. Ширвиндт, Е.Г. Ударные кампании в свете всесоюзной переписи по местам заключения / Е.Г. Ширвиндт // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив) по данным переписи мест заключения. / Под ред. Белобородова. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1927. С. 7-9.

183. Эпплбаум, Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Э. Эпплбаум – М.: Изд-во Моск. Школы полит. исслед., 2006. – 608 с.

184. Эртц, С. Строительство Норильского горно-металлургического комбината (1935-1938 гг.): становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа / С. Эртц // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 140-176.

185. Эстрин, А.Я. Основы и задачи советской уголовной политики / А.Я. Эстрин // Эволюция советской уголовной политики / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – М.: Изд-во Госиздат, 1929. – 157 с.

186. Юнге, М. Арест и следствие. Дело «уголовников» / М. Юнге // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 215-227.

187. Юнге, М. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / М. Юнге, Р. Биннер – М.: АИРО-XX, 2003. – 352 с.

188. Юнге, М. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918-1938 г. / М. Юнге, Р. Биннер // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 – М.: РОССПЭН, 2009. – 473 с.

189. Юнге, М. Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа НКВД № 00447 / М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер – М.: РОССПЭН, 2009. – 927 с.

190. Baberowski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus / J. Baberowski – München: DVA, 2004. – 284 c.

191. Die Kriminelle Herrschaftssicherung des Kommunistischen Regimes der DDR Probleme der Strafrechtlichenferfolgung der Tater Konsequenzen für den Inneren Frieden deutschen Volkes // Dokumentation 3. Bautzen-Forum der Friedrich-Ebert-Stiftung. – Bautzen, 1992. – 78 c.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Организации и количество заключенных Барнаульского Губернского дома заключения, занятых на внешних работах.

По данным на 29 сентября 1922 г.

№	Название организации (рабочего места)	Общее количество заключенных, занятых на внешних работах	Из них мужчин	Из них женщин
1	Служба на пути 51 участка ж/д	39	39	
2	Кирпичный завод	4	4	
3	Главный материальный склад ж/д	19	19	
4	Главные мастерские ж/д	7	7	
5	Склад топлива ж/д	9	9	
6	Кожевенный завод СНХ (договор)	11	11	
7	Уполномоченный Алтгубторга Розенкип в Усть-Чарышской пристани (договор)	2	2	
8	Губсоюз (договор)	4	4	
9	Губзем управление	3	3	
10	Опытное поле	30	30	
11	Лооктгпу (договор)	1	1	
12	Губком РКСМ (договор)	1	1	
13	Союз земли и леса (договор)	1	1	
14	Кожевенный завод Васильева	1	1	
15	Мастерская А.Д. Лопкина (договор)	3	3	
16	Районная заготовительная контора (договор)	1	1	
17	Табачная фабрика «Слава» (договор)	1	1	
18	Уполномоченный уголовного розыска в Павловском	6	6	
19	Артель пимокатов «Победа»	6	6	
20	Пимокатная артель Пишулина (договор)	2	2	
21	Завод Копышева (договор)	1	1	
22	Губтоп управление (договор)	15	15	
23	Алтгубгост <i>(пометка – за работу не платят)</i>	1	1	
24	Электрическая станция (договор)	18	18	
25	Водный транспорт: Землечерпательница «Сибирская 12» (договор)	1	1	

Продолжение таблицы

26	Водный транспорт: Землечерпательница «Сибирская 3» (договор)	16	16	
27	Сельскохозяйственная ферма домзака	55	50	5
28	Заготовка дров домзаку	19	19	
29	Рыбалка	10	10	
30	Сенокос	3	3	
	Итого:	290	285	5

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2 Д. 12. Л. 3-4 об.

Приложение II

Сведения о выплатах, производимых организациями за работу заключенных, в фонд губернского ИТД.

По данным на декабрь 1924 г.

Наименование заведений	Декабрь		Адрес
	Срок выплаты по договору	Фактически	
1. Завод «Молот и Серп»	5 января	10 января	Конец Гоголевской улицы
2. Паровая мукомольная мельница с. Шилово	Аванс 15 декабря, окончательный расчет 1 января	с 6 января 1925 г.	с. Шилово
3. Художественная промышленная артель «1-ого мая»	Аванс 20 декабря Окончательный расчет 5 января	Аванс 24 декабря, расчет 13 января	г. Барнаул, ул. Пушкинская № 45

Источник: ГААК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 81. Л. 199-199об.

Карточка осужденного тройкой УНКВД АК – Субботин П.У. к 5 годам ИТЛ
(с поражением правах сроком на 5 лет).

Стартовая Сведения об осужденных Сведения об осужденных

Код персоналии 811 Код заседания 90 Лист (ы) архивного дела: 2
 Номер судебного дела: 50881 Отдел милиции: Ойротский ОУМ УНКВД

Персональные сведения Криминальное прошлое Арест и обвинение Приговор Состав тройки

Фамилия: Субботин Имя: Петр Отчество: Устинович
 Год рождения: 1915 Пол: м

Место рождения:
 Регион: Республика Алтай Район: Усть-коксинский
 Населенный пункт: село Кайтанак
 По источнику: ур-ц с. Кайтанак, Усть-Коксинского аймака, Ойротской обл.

Социальная принадлежность: не указано Национальность: не указано
 Семейное положение: не указано Грамотность: не указано
 Партийность: не указано Профессия: без определенного
 Место жительства:
 Документ: не указано Состояние здоровья: не указано
 Примечания (по имени и др.):

Стартовая Сведения об осужденных Сведения об осужденных

Код персоналии 811 Код заседания 90 Лист (ы) архивного дела: 2
 Номер судебного дела: 50881 Отдел милиции: Ойротский ОУМ УНКВД

Персональные сведения Криминальное прошлое Арест и обвинение Приговор Состав тройки

Дата ареста: 27.07.1937 Место задержания:

Обвинение: Проживает в Кайтанакском с/с общественно-полезным трудом не занимается средства к существованию приобретает путем краж скота, вещей у населения.

Свидетельские показания: изобличается Устьянцевым, Тюлентиновым, Гороховым

Признание вины: признал(а)

Место содержания: Ойротская тюрьма

Обвинения по категориям:

Код персоналии	Категория преступления
811	Тунеядство
811	Скотокрадство
811	Кража

Код персоналии	811	Код заседания	90	Лист (ы) архивного дела:	2
Номер судебного дела:	50881	Отдел милиции:	Ойротский ОУМ УНКВД		
Персональные сведения Криминальное прошлое Арест и обвинение Приговор Состав тройки					
Мера:	срок				
Срок:	5				
Начало срока:	27.07.1937				
Примечание по приговору:	С поражением в правах на 5 лет.				

Код персоналии	811	Код заседания	90	Лист (ы) архивного дела:	2
Номер судебного дела:	50881	Отдел милиции:	Ойротский ОУМ УНКВД		
Персональные сведения Криминальное прошлое Арест и обвинение Приговор Состав тройки					
Код заседания:	90	Вид тройки:	УНКВД	Дата заседания:	11.11.1937
Председатель					
Фамилия:	Попов	Звание:	начальник УНКВД АК, ст. лейтенант ГБ		
Первый член тройки					
Фамилия:	Гусев	Звание:	первый секретарь Алтайского крайкома ВК		
Второй член тройки					
Фамилия:	Поздняков	Звание:	прокурор АК		
Секретарь					
Фамилия:	Лешин	Звание:	сержант ГБ		

Источник: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937-1938 гг. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2015621560 от 14.10.2015. / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон: база данных [Электронный ресурс].

**Приговоры, вынесенные тройкой УНКВД ЗСК и АК в 1937 г.
(по протоколам заседаний)**

№	Дата протокола	№ протокола	Всего дел	Первая категория ВМН (расстрел)	Вторая категория (в годах срока)			Кол-во экз. проток.	Примечание
					10	8	5		
1	03.07.1937	У-О	26	15	7	2		1	1 дело - деклассирован., 1 - без указания приговора
2	03.07.1937	У-40	29	14	9	5	1	1	
3	07.08.1937	27/у	45	30	7	6	2	1	
4	?08.1937	У-ОО	44	15	10	5		1	14 дел - деклассиров., без указания приговора
5	20.08.1937	15/1-у	31	17	13	1		1	
6	29.08.1937	У-ООО	44	3	5	1		1	35 дел – без указания приговора
7	?08.1937	?? (Алтай)	14	11	3			1	
8	01.10.1937	38/12-у	80	20	10	41	5	1	4 дела - деклассирован., без указания приговора
9	03.11.1937	4/5-у	30	18	6	6		2	
10	03.11.1937	4/7-у	14	11	3			3	
11	03.11.1937	4/8-у	9	8	1			2	
12	05.11.1937	5/1-у	35	27	8			3	
13	05.11.1937	5/2-у	43	36	7			3	
14	05.11.1937	5/9-у	9	3	3	1	1	2	1 дело - снять с учета тройки
15	05.11.1937	5/8-у	20	10	7	3		2	
16	05.11.1937	5/10-у	6	5	1			2	
17	05.11.1937	5/11-у	6	4	2			3	
18	05.11.1937	5/12-у	3	3				2	
19	11.11.1937	7/13-у	29	7	5	2	15	2	
20	11.11.1937	7/14-у	30	8	10	4	8	3	
21	11.11.1937	7/15-у	27	1	4	2	17	2	3 дела - передать в военный трибунал
22	26.11.1937	10/7-у	4		2	2		3	
23	26.11.1937	10/27-у	12	4	3	4	1	1	
24	28.11.1937	12/8-у	14	5	3	3	3	2	
25	29.11.1937	13/2-у или 13/3-у	7	2	5			3	
26	29.11.1937	13/3-у	11	2	5	4		2	
27	08.12.1937	15/20-у	5	3	2			2	
28	09.12.1937	16/32-у	29	4	15	5	5	3	
29	29.12.1937	13/1-у	182	36	61	81	4	3	
30	29.12.1937 или 28.12.1937	У-01 или 19/8-у	7	6	1			2	
31	29.12.1937 или 28.12.1937	У-02 или 19/9-у	17	17				2	
Итого:			862	345	218	178	62	62 экз.	59

Составлено по: Протоколы отделения специальных фондов и архивной информации отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13, 14, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 44, 45, 46.

Приложение V

Приговоры, вынесенные милицейской тройкой в 1937-1938 гг. (по протоколам заседаний) 1937-1938 годов

№	Дата	№ Протокола	Всего дел	Сроки заключения, лет					В суд на доследов.	В спецкол-легию	Освободить	Кол-во экз.	Примечания
				5	4	3	2	1					
1	10.11.1937	1	100	92	3	5					2		
2	10.11.1937	2	26	22	4						2		
3	15.11.1937	3	83	73	1	6	1				2	2 дела передано для рассмотрения по первой категории	
4	15.11.1937	4	46	41		3		2			2		
5	25.11.1937	5	102	98	1	1			1		2	1 дело снято с рассмотрения	
6	25.11.1937	5/2	77	71		1			5		2		
7	25.11.1937	5	184	173		5	2		3		2	1 дело передано для рассмотрения по первой категории	
8	8.12.1937	6	64	47		17					2		
9	8.12.1937	6/1	177	172		2			3		2		
10	10.12.1937	7	115	115							2		
11	10.12.1937	7/1	73	73							2		
12	10.12.1937	7/2	91	84		6			1		2		
13	10.12.1937	7/3	98	98							2		
14	18.12.1937	8	100	96	1	3					2		
15	18.12.1937	8/1	182	182							2		
16	29.12.1937	9	100	96		4					2		
17	29.12.1937	9/1	100	96		4					2		
18	29.12.1937	9/2	70	65	1	3	1				2		
19	29.12.1937	9/3	38	34	1	3					2		
20	29.12.1937	9/4	22	19		1		2			2		
21	29.12.1937	9/5	17	16				1			2		
22	29.12.1937	9/6	23	21	1	1					2		
Итого за 1937 год:			1888	1784	13	65	4	-	5	13	-	4	
23	3.01.1938	10	100	90	2	7		1			2		
24	3.01.1938	10/1	52	39	1	6	1	2		3	2		
25	3.01.1938	10/2	41	31		4	1	1		3	2	1 дело – 2 мес.	
26	3.01.1938	10/3	48	42	2	4					2		
27	3.01.1938	10/3a	100	88		8		3		1	2	1 дело – 2 мес.	
28	9.01.1938	1/1	100	96			3		1		2		
29	9.01.1938	1/2	54	50	1	2	1				2		
30	9.01.1938	1/3	29	28		1					2		
31	9.01.1938	1/4	65	49		5		1	8	1	2		
32	17.01.1938	2	101	100					1		2		
33	17.01.1938	2/1	55	48	1	5		1			2		
34	17.01.1938	2/2	74	74							2		
35	17.01.1938	2/3	61	54		3		4			2		

36	17.01.1938	2/4	100	94		4	1	1				2	
37	2.02.1938	3	100	93		6			1			2	
38	2.02.1938	3/1	62	44		7			10	1		2	
39	2.02.1938	3/2	63	44		9			10			2	
40	6.02.1938	3/3	88	75		13						2	
41	2.02.1938	3/4	134	131		3						1	
42	2.02.1938	3/5	38	30		8						2	
43	2.02.1938	3/6	140	138		2						2	
44	7.02.1938	3/7	105	104		1						2	
45	7.02.1938	3/8	105	101		4						2	
46	7.02.1938	3/9	101	83		18						2	
47	7.02.1938	3/10	135	98		37						2	
48	7.02.1938	3/11	115	73	4	38						2	
49	7.02.1938	3/12	60	29	17	13	1					2	
50	7.02.1938	3/13	40	22	12	5		1				2	
51	2.03.1938	4	29	19		9		1				2	
52	2.03.1938	4/2	53	12		32	4		4		1	2	
53	2.03.1938	4/3	164	138	1	25						2	
54	27.03.1938	4/1	100	61	1	31	1		6			2	
55	27.03.1938	5	100	52	8	39			1			2	
56	27.03.1938	5/4	46	33		13						2	
57	29.03.1938	5/1	101	59		39			3			2	
58	29.03.1938	5/2	100	67		28			5			2	
59	29.03.1938	5/3	101	55		43			2		1	2	
60	29.03.1938	5/5	100	49		47	2				2	2	
61	29.03.1938	5/6	80	38		40	2					2	
62	19.04.1938	5/7	100	58	3	39						2	
63	19.04.1938	6	60	22	1	14	14	1	6		2	2	
64	19.04.1938	6/1	100	50	12	38						2	
65	19.04.1938	6/2	101	43	4	52	1					2	1 дело перенесено на заседание
66	19.04.1938	6/3	100	45	8	47						2	
67	19.04.1938	6/4	66	40	10	16						2	
68	7.05.1938	3/12a	14	2								1	см. в примеч. под таблицей – 12 дел
69	27.05.1938	6/5	100	57	15	28						2	
70	27.05.1938	7	87	53		25	4	1	2		2	2	
71	27.05.1938	7/1	65	32	4	28		1				2	
72	27.05.1938	7/2	81	51	4	25		1				2	
73	27.05.1938	7/3	59	35	4	20						2	
74	4.07.1938	8	143	54	3	80	6					2	
75	4.07.1938	8/1	157	55	1	20	3		64	7	7	2	
76	4.07.1938	8/2	44				2	2	3		23	2	см. в примеч. под таблицей – 14 дел
77	26.07.1938	9	166	115	1	36	4		8		1	2	1 дело - наказание за побег
78	8.08.1938	10	55	26		27	2					2	
79	15.08.1938	10/1	30	15		11	3		1			2	
80	15.08.1938	10/2	30								11	2	см. в прим. под табл. – 19 дел
81	16.08.1938	10/3	24	13		8	2		1			2	
82	28.08.1938	10/4	40	17	1	11	6	1	4			2	

Продолжение таблицы

83	8.10.1938	11	90	27	1	23	5		16		10	3	см. в примеч. под табл. – 8 дел
84	2.11.1938	12	62	29	23	3	4		3			2	
85	17.11.1938	13/1	40						2		23	1	см. в примеч. под табл. – 15 дел
Итого за 1938 год:			5054	3370	145	1110	73	13	170	10	91		72
Всего 1937-38 гг.			6942	5154	158	1175	77	13	175	23	91		76

Составлено по: Протоколы отделения специальных фондов и архивной информации отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 15, 16, 17, 25, 26, 40, 41, 42, 43, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118.

1. Протокол № 3/12а от 7.05.1938 содержит постановления по уже вынесенным приговорам, сокращает сроки пребывания в ИТЛ или освобождает.

Снизить срок пребывания в местах лишения свободы до пределов отбытого: (вместо 3-х лет) – 2 дела; вместо 5-ти лет – 3 дела. Снизить срок пребывания в местах лишения свободы: вместо 5 лет – до 3-х лет – 2 дела; до 1-го года – 5 дел.

2. Протокол № 8/2 от 4.07.1938 содержит постановления, принятые в порядке пересмотра по рассмотренным ранее тройкой делам: оставить приговор в силе – 11 дел; сократить срок до пределов отбытого – 3 дела.

3. Протокол № 10/2 от 15.08.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: оставить наказание в силе – 6 дел; сократить срок: до 1 года – 7 дел; до 2 лет – 5 дел; до 3 лет – 1 дело.

4. Протокол № 11 от 8.10.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: сократить срок до 1 года – 1 дело; до 1,5 лет – 2 дела; снять дела на переоформление – 5 дел.

5. Протокол № 13/1 от 17.11.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: оставить срок наказания в силе – 10 дел; сократить срок до 1 года – 1 дело, до 2 лет – 1 дел, до 3 лет – 3 дела.